

Учебники и учебные пособия

М. В. Лушникова
А. М. Лушников

РАЗВИТИЕ НАУКИ
ФИНАНСОВОГО ПРАВА
В РОССИИ

Учебники и учебные пособия
(Юридический Центр Пресс)

Мария Лушникова

**Развитие науки
финансового права в России**

«Юридический центр»

2013

ББК 67.0

Лушникова М. В.

Развитие науки финансового права в России /

М. В. Лушникова — «Юридический центр»,
2013 — (Учебники и учебные пособия (Юридический Центр
Пресс))

ISBN 978-5-94201-657-9

В учебном пособии рассматривается история развития финансово-правовой мысли в трудах российских государственных деятелей и ученых – представителей московской, Санкт-Петербургской, Казанской, Томской, Киевской, Харьковской, Новороссийской (Одесской), Дерптской (Юрьевской), Варшавской, Ярославской школ финансового права. Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических и экономических факультетов высших учебных заведений, научных и практических работников, специализирующихся в области финансового права и управления финансами.

ББК 67.0

ISBN 978-5-94201-657-9

© Лушникова М. В., 2013
© Юридический центр, 2013

Содержание

К читателю	6
Раздел 1	12
Глава 1	13
Глава 2	20
2.1. Досоветский период: от стадии ученичества к «золотому веку»	20
2.2. Советский период: взлеты и падения	28
Раздел 2	40
Глава 3	42
Глава 4	56
4.1. На благо царя и Отечества (М. М. Сперанский, М. А. Балугьянский, Е. Ф. Канкрин и др.)	56
4.2. Оппозиция Его Величества (Н. С. Мордвинов, Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов и др.)	74
Глава 5	88
5.1. Творцы финансовых реформ 60-х годов (Ю. А. Гагемейстер, М. Х. Рейтерн, В. А. Татаринов и др.)	89
5.2. Реформаторы в эпоху «контрреформ» (Н. Х. Бунге, Е. И. Ламанский, В. П. Безобразов и др.)	98
Глава 6	111
6.1. С. Ю. Витте и его соратники (Д. И. Менделеев, М. П. Кашкаров, А. Я. Антонович, И. И. Кауфман, Н. К. Бржеский, А. Н. Гурьев и др.)	111
6.2. От умеренных народников до умеренных монархистов (И. С. Блиох, В. Е. Варзар, Н. Е. Гиацинтов, К. Я. Загорский, Н. Н. Покровский, В. Т. Судейкин и др.)	137
6.3. В условиях зарождающегося парламентаризма (П. Х. Шванебах, М. М. Алексеенко, П. П. Мигулин, Д. И. Пихно, Н. Н. Кутлер и др.)	151
Конец ознакомительного фрагмента.	159

М. В. Лушникова, А. М. Лушников

Развитие науки финансового права в России

Рецензенты:

Н. А. Шевелева, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

С. П. Маврин, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ

Д. В. Винницкий, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральской государственной юридической академии

© М. В. Лушникова, А.М. Лушников, 2013

© ООО «Юридический центр-Пресс», 2013

К читателю

Я надеюсь, что размышления над прошлым могут послужить руководством для будущего, что они позволят новому поколению исправить некоторые ошибки прошлых лет и тем самым дадут ему возможность управлять надвигающимися величественными событиями будущего в соответствии с нуждами и честью человечества.

У. Черчилль (1874–1965), британский политический деятель

В предлагаемом читателю учебном пособии рассматривается генезис и развитие отечественной науки финансового права через научные биографии ее наиболее видных представителей. Их именами, естественно, не может быть исчерпан этот список. Однако названные нами ученые внесли в разработку отраслевой теории наибольший вклад, создали самобытную школу российского финансового права.

Первоначально необходимо разобраться, для чего вообще изучать историю науки. Казалось бы, эти «дела давно минувших дней» должны волновать только специалистов по истории науки и примкнувших к ним интересующихся. В эпоху лавинообразного нарастания объема информации такая постановка вопроса не кажется праздною. Однако изучать историю науки целесообразно, по меньшей мере, по следующим причинам.

1. Биографии видных отечественных юристов и финансистов не только интересны и поучительны сами по себе. В некоторой степени они помогают лучше понять и оценить научное наследие этих ученых. Как писал известный историк, академик АН СССР Л. В. Черепнин, «интерес к биографии большого человека, к его жизненному пути – это не проявление праздного любопытства и даже не результат простой любознательности. Биография в ряде случаев дает ключ к пониманию творчества»¹. Как нам представляется, научное наследие ученых очень сложно осмыслить без учета времени и места их деятельности, перипетий их личной и общественной жизни. Но перед Вами, читатель, не собрание биографий, а анализ творчества известных российских ученых – представителей российской школы финансового права, на фоне времени и с учетом особенностей их человеческих судеб. При этом развитие финансово-правовой мысли в России представлено именно как результат деятельности отдельных ученых и их коллективов.

Наконец, знание биографий и научного наследия своих предшественников является предпосылкой для научного роста современных исследователей и даже своеобразным моральным требованием. Отечественный теоретик права Н. М. Коркунов по этому поводу писал: «Русскому юристу стыдно не знать своих предшественников. Много или мало они сделали, мы должны это знать. Да к тому же мы можем пожаловаться разве только на малое число людей, посвятивших себя научному изучению права, но никак не на их качество»². Это познавательная причина.

2. Изучая современное состояние финансового законодательства и отраслевой теории, можно столкнуться с трудностями их понимания. Без хотя бы краткой исторической справки любой (даже самый лучший) учебный материал теряет в глубине и объеме. Остается непонятным, в каком направлении идет развитие науки и законодательства. Даже новейший и «продвинутый» учебник по финансовому праву опирается на результаты предыдущих

¹ Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М., 1984. С. 4.

² Коркунов Н. М. История философии права. СПб., 1908. С. 232.

исследований, они присутствуют в нем. Зная предыдущие научные наработки, гораздо легче понять современное состояние любой науки.

В связи с этим основная и определяющая цель настоящего пособия – познакомить читателя с основными положениями, результатами научных исследований, опубликованными в монографиях, учебных курсах, рецензиях, статьях, проектах ученых по проблемам финансового права за прошедшие два столетия, а в отдельных случаях и более. Это позволит читателю пройти путь «от колыбели» отечественной науки финансового права до ее современного состояния. Без знания истории развития науки финансового права вряд ли возможно целостное и глубокое понимание финансово-правовых явлений и категорий. Как нам представляется, вне личностного фактора невозможно в полном объеме рассмотреть эволюцию финансово-правовой мысли. В связи с этим сложный для восприятия материал лучше усваивается в форме интересного и познавательного для читателя процесса. Это педагогическая причина.

3. Поскольку проблемы, вокруг которых вращается финансово-правовая мысль, остаются неизменными уже почти два века (а скорее, два тысячелетия), то и их разрешение в той или иной мере не теряет актуальности. К тому же в числе ученых-финансистов были десятки неординарных мыслителей, подлинных философов во всех (в том числе правовом) смыслах. Как нам кажется, сокровищница финансово-правовой мысли далеко не освоена, и иногда можно решение современных проблем отыскать в прошлом, естественно, с определенной корректировкой. В связи с этим научные идеи прошлого могут подсказать решение современных проблем, дать импульс научному поиску. Мы сознательно отошли от тематического изложения материала, придав повествованию личностную окраску³. Это, условно говоря, поисковая причина.

4. Знание истории науки позволяет нам понять не только результаты исследований, но и путь к ним. Очевидно, что само развитие финансово-правовой мысли характеризует методы получения знаний, приоткрывает дверь в «лабораторию мысли», характеризует творческие приемы ученых. Мы не будем специально рассматривать методологию отраслевых исследований, однако она будет проявляться как в научной деятельности ученых, так и в результатах их работы. Обращение к ним может помочь в выработке определенных приемов научной деятельности. Это методологическая причина.

5. Изучение истории науки позволяет понять сложность этого процесса, особенно в аспекте межпредметных пересечений, о которых мы еще неоднократно вспомним. Здесь неизбежно придется «наступить на ноги» (а может, и на «любимую мозоль») представителей других наук (политэкономии, финансовой науки, административного и государственного права и др.). Эта лучшая иллюстрация межпредметного взаимодействия, комплексного подхода, необходимости различать общее и особенное. Это помогает разграничить отрасли знания, а также увидеть сферы пересечения науки финансового права с другими науками. Это, условно говоря, иллюстративная причина.

Читатель увидит, что все персонажи этой книги были людьми неординарными, яркими, талантливыми. Между тем талантливые и яркие личности всегда сталкиваются с проблемами самореализации, редко вписываются в обыденный контекст бытия. И здесь можно вспомнить слова немецкого писателя Т. Манна: «Вообще говоря, талант очень сложное, трудное понятие, и дело здесь не столько в способностях человека, сколько в том, что представляет собой человек как личность. Вот почему можно сказать, что талант есть способ-

³ Образцом тематического изложения можно считать: *Иоффе О. С.* Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1–2. Л., 1975–1978. – Однако слабостью такого подхода можно считать фрагментарность изложения, неизбежное дублирование и заведомую неполноту.

ность обрести собственную судьбу». Для России это весьма актуально, особенно для первой половины XX в.

В связи с этим стоит обратить внимание на ряд принципиальных положений. Во-первых, это неоднородность состава ученых-специалистов по финансовому праву. Помимо их традиционной принадлежности к школам финансового права, можно выделить относительно обособленную категорию государственных деятелей, которые нередко свои теоретические концепции проверяли на практике в ходе проведения денежных реформ, реформ налогообложения и т. д. Повествование о них организационно обособлено в Разделе 2 данной книги. Во-вторых, большего внимания заслуживает вопрос о взаимодействии отечественной и зарубежной финансовой науки. К сожалению, в дореволюционных, а затем в советских и постсоветских исследованиях довольно часто авторы придерживались крайностей: от констатации вторичности отечественной науки до признания ее первенства «во всем». Между тем эта проблема напрямую связана с деятельностью российских ученых и чиновников в финансовой сфере и развитием отечественного финансового законодательства. В-третьих, в некоторой корректировке нуждается оценка вклада видных отечественных ученых в развитие финансовой науки. Традиционные колебания от комплиментарного подхода до гиперкритицизма должны смениться объективной оценкой на основе достоверных данных.

Раздел 3 данной книги посвящен ученым, представлявшим вузовскую отечественную науку финансового права досоветского и советского периодов. Досоветский период представлен преимущественно докторами наук и магистрами, реже специалистами без ученых степеней, но имевшими ученые звания или занимавшими определенное место в академической иерархии. Часть из них не успели по обстоятельствам общего характера (войны, революции и др.) или личного характера (короткий жизненный путь, переход на государственную службу или загруженность общественной работой и др.) формализовать свои научные достижения. Советский период представлен преимущественно докторами наук, а некоторое исключение сделано только для ученых первой половины XX в., задержавшихся в научном росте в силу объективных причин (войны, политические репрессии и др.). Биографические очерки о некоторых российских и советских ученых, занимавшихся, в том числе, проблемами финансового права в конце XIX–XX в., публиковались нами ранее⁴. Для данного издания они уточнены, а в некоторых случаях исправлены. Представлены биографии и анализ научного творчества ведущих представителей отечественной школы финансового права, завершивших свой жизненный путь.

Авторы книги постарались быть максимально беспристрастными, но это оказалось крайне сложно. Мы надеемся, что наше пристрастие было обусловлено только вкладом конкретного ученого в развитие науки финансового права. Жанр исследования не предполагает написания «жития праведников от науки» или парадных портретов. Ученые хотя и были интеллектуальной элитой общества, но при этом оставались представителями своей страны и своего времени, со всеми вытекающими отсюда привлекательными и непривлекательными чертами.

В нашу задачу не входит модный ныне поиск персонажей «голубых кровей». Мы также не склонны разбирать все «изгибы» личной жизни наших героев, но будем касаться их в

⁴ См.: Лушников А. М. Наука трудового права России: историко-правовые очерки в лицах и событиях. М., 2003; Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: В 2 т. Т. 1. М., 2003; Т. 2. М., 2004 (2-е изд. 2009); Лушникова М. В. 1) А. Р. Свищевский и развитие науки финансового права // Финансовое право. 2009. № 11. С. 2–8; 2) Иван Трофимович Тарасов и развитие российской науки административного права // Вестник Воронежского государственного университета. 2010. № 1. С. 547–556; Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. М., 2008 (2-е изд. 2009); Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушников, Н. Н. Тарусиной. Ярославль, 2009. Глава 9 (автор главы – М. В. Лушникова) др.

тех случаях, когда они повлияли на научное творчество. Деятельность многих из них протекала преимущественно или даже исключительно в рамках вузов, поэтому с событийной точки зрения биографии значительной части ученых достаточно однообразны. Однако это не касается тех из них, кто сыграл немалую роль в политической жизни страны, став лидером политической партии, членом и даже главой правительства. Об этой категории финансистов мы уже писали ранее⁵. В настоящем издании часть материала о них вошла в Раздел 2, однако он существенно переработан.

Вышесказанное во многом определило задачу авторов данного издания. Она заключается в показе развития финансово-правовой мысли в трудах российских государственных деятелей и ученых – представителей различных школ финансового права, начиная с ее раннего генезиса на рубеже XVII–XVIII вв. до наших дней. Однако проблематика постсоветского периода нами только обозначена, а для ее объективного рассмотрения необходим определенный временной разрыв.

Такой подход уже был апробирован авторами в монографии, посвященной российской школе трудового права и права социального обеспечения⁶. Примечательно, что немало ученых стали персонажами и того, и другого исследования. Это, в частности, И. И. Янжул, И. Х. Озеров, Н. Х. Бунге, В. Г. Яроцкий, А. А. Исаев, В. Я. Железнов, И. А. Трахтенберг и др. Это не случайно, так как многие ученые-финансисты активно интересовались проблемами социального страхования и благотворительности (в том числе публичной). Свои исследования они посвящали договорам личного найма, контролю и надзору за соблюдением законодательства о труде, другим проблемам взаимодействия труда и капитала. Основанием для такого интереса было идущее от классической школы положение о том, что главным фактором производства является труд. В связи с этим в работах, посвященных проблемам распределения, первостепенное место отводилось трудовым отношениям (рабочее законодательство, заработная плата, трудовой (рабочий) договор, социальное страхование и др.).

Некоторые сложности вызвало то, что ряд персонажей книги одновременно являлись как видными представителями конкретных научных школ финансового права, многолетними профессорами, заведующими кафедрами, деканами и даже ректорами (директорами) университетов и иных юридических вузов, так и видными государственными деятелями. Одно из этих начал в деятельности персонажей книги обычно явно преобладало. Если основной вклад в развитие финансовой науки ими был внесен либо в академический, либо в чиновничий период деятельности, то это определяло отнесение исследователя к одной из этих групп. Исключения составляют М. М. Алексеенко, М. И. Боголепов и Н. Х. Бунге, которые достигли больших высот по государственной службе, однако без них невозможно представить историю развития соответственно харьковской, томской и киевской школ финансового права, одними из основателей которых они являлись. При этом об их государственной деятельности и научных трудах, изданных в этот период, повествуется в Разделе 2 данной книги, а основные биографические данные и анализ трудов вузовского периода даны в Разделе 3.

Что касается изучения собственно развития российской науки финансового права (и ее школ), то необходимо отметить следующее. В публикациях XIX – начала XX в., а также в советских исследованиях по финансовому праву, подготовленных до конца 20-х гг. прошлого века, истории науки уделялось определенное место⁷. При этом история развития оте-

⁵ См.: Лушникова М. В., Лушников А. М. Наука финансового права на службе государству: российские государственные деятели и развитие науки финансового права (историко-правовой очерк). Ярославль, 2010.

⁶ См.: Лушников А. М., Лушникова М. В. Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени (сравнительно-правовое исследование): В 2 т. Ярославль, 2010.

⁷ См., например: Билимович А. Д. Министерство финансов. 1802–1902. Киев, 1903; Берендтс Э. Н. Русское финансовое право. СПб., 1914. С. 11–30; Блюх К. С. Финансы России XIX столетия. Т. 1–4. СПб., 1882; Буковецкий А. И. Введение в

чественной науки рассматривалась в контексте развития финансовой науки в странах Запада. С начала 30-х гг. XX в. и до конца советского периода этот сюжет, за редким исключением⁸, практически не разрабатывался, чему были как объективные, так и субъективные причины.

Только в постсоветский период наметилось оживление интереса исследователей к историческим аспектам развития российских финансов в целом⁹ и финансовой науки и науки финансового права¹⁰ в частности. Особо следует отметить серию книг «Золотые страницы финансового права» (научный редактор и автор вступительных статей – А. Н. Козырин, составитель, автор статей и комментариев – А. А. Ялбулганов), в рамках которой переиздаются классические исследования по финансовому праву. В первых четырех томах (1998–2004) опубликованы уже ставшие библиографической редкостью труды по данной тематике М. М. Сперанского, Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова, В. А. Лебедева, И. И. Янжула, И. Т. Тарасова и А. А. Исаева. В серии «Научное наследие» переизданы в 2003–2008 гг. классические исследования по финансовому праву А. А. Соколова, А. А. Исаева и И. Х. Озерова с сопроводительными статьями И. И. Кучерова. Переизданы под эгидой «Общества купцов и промышленников России» труды еще ряда отечественных классиков финансово-правовой мысли¹¹. Между тем в настоящее время можно говорить только о начальном этапе воссоздания истории науки финансового права.

Данное исследование подготовлено с использованием материалов Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива РФ (ГА РФ), Государственного архива Ярославской области (ГА ЯО), архивов кадровых служб вузов (МГУ, СПбГУ, МГЮА, ЯрГУ и др.), научных учреждений (ИЗиСП (бывший ВНИИСЗ), ИГП РАН и др.). Важное значение имеют также отдельные публикации биографического характера об отечественных юристах и финансистах¹².

Некоторым подспорьем для авторов явились биографические сборники профессоров и преподавателей, составленные по отдельным вузам¹³. Активно использовались три издания

финансовую науку. Л., 1929. С. 217–248; *Иловайский С. И.* Учебник финансового права. Одесса, 1899. С. 3–13; *Лебедев В. А.* Финансовое право. Т. 1. СПб., 1889. С. 187–197; Министерство финансов. 1802–1902: В 2 ч. СПб., 1902; *Патлаевский И. И.* Курс финансового права. Одесса, 1885. С. 9–16; *Твердохлебов В. Н.* Финансовые очерки. Вып. 1. Пг., 1916. С. 81–123 и др.

⁸ См., например: *Бесчеревных В. В.* Очерки истории развития науки финансового права в МГУ // Вестник Московского университета. Серия II: Право. 1985. № 2.

⁹ См.: *Бурулин С. В.* Теория и история налогообложения. М., 2006; История банка России. 1860–2010: В 2 т. Т. 1. М., 2010; История финансового законодательства России / Под ред. И. В. Рукавишниковой. М., 2003; *Петухова Н. Е.* История налогообложения в России IX–XX вв. М., 2011; *Шитов В. Н.* История финансов России. М., 2011 и др.

¹⁰ См.: *Вельский К. С.* Финансовое право. М., 1994. С. 44–67; *Грачева Е. Ю.* История науки финансового права // История юридических наук в России. Сб. ст. М., 2009. С. 474–502; *Ивлиева М. Ф.* Финансовое право как наука и учебная дисциплина в Московском государственном университете // Финансовое право. 2010. № 2; История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге. Сб. ст. СПб., 1997; История финансового права России. Сб. / Под ред. А. А. Ялбулганова. М., 2005; *Козырин А. Н.* У истоков финансового права // У истоков финансового права. Т. 1. М., 1998. С. 5–16; *Мацнева Н. Г.* Становление науки финансового права в России (XIX – начало XX в.) // Правоведение. 1997 № 2. С. 107–115; Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет / Под ред. В. В. Ковалева, М., 2009; Очерки финансово-правовой науки современности / Под ред. Л. К. Вороновой и Н. И. Химичевой. Москва; Харьков, 2011; *Пушкарева В. М.* История финансовой мысли и политики налогов. М., 1996 (и послед. переизд.); Финансовая наука в Санкт-Петербургском университете / Под ред. В. В. Иванова и др. СПб., 2006; *Ялбулганов А. А.* Очерки истории финансового права дореволюционной России. М., 1998 и др.

¹¹ См.: *Боголепов М. И.* Финансы, правительство и общественные интересы. М., 2006; *Гензель П. П.* Налогообложение в России времен нэпа. М., 2006; *Исаев А. А.* Настоящее и будущее русского общественного хозяйства. М., 2005; *Мигулин П. П.* Реформа денежного обращения и промышленный кризис в России (1893–1902). М., 2006; *Фридман М. И.* Винная монополия в России. М., 2005 и др.

¹² См.: Видные ученые-юристы России (вторая половина XX века). Энциклопедический словарь биографий / Под ред. В. М. Сырых. М., 2006; Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий / Под ред. В. М. Сырых. Т. 1–2. М., 2009–2011; *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX века. Очерки жизни и творчества: В 2 т. М., 2007; Финансисты России: Учебный библиографический словарь / Сост. А. А. Земцов и др. Томск, 2007; *Шилохвост О. Ю.* Русские цивилисты середины XVIII – начала XX в. Краткий библиографический словарь. М., 2005 и др.

¹³ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. (1804–

Большой советской энциклопедии, а равно другие энциклопедические и справочные издания, содержащие сведения, в том числе, об отечественных государственных деятелях¹⁴.

Важным источником явились мемуары А. В. Богдановича, С. Ю. Витте, А. Р. Гюнтера, А. Г. Зверева, В. Н. Коковцова, П. Н. Милюкова, Ф. Г. Тернера, И. И. Янжула и др., а также статьи в периодических изданиях.

Материалы о ряде ученых и государственных деятелей достаточно противоречивы, в связи с чем мы опирались, прежде всего, на архивные данные, в необходимых случаях проводили сравнительный анализ или фронтальное исследование всего фактологического массива. Подчеркнем, что электронные ресурсы использовались авторами фрагментарно. Это было вызвано, как правило, их неполнотой, а в некоторых случаях и сложностью атрибутирования. Однако это не исключает необходимости проверки полученных данных с использованием всех возможных источников и использования в этой части электронных ресурсов.

Если биографические данные персонажа книги трактуются в общедоступной справочной и энциклопедической литературе без противоречий, то в этом случае мы обычно на эти издания не ссылаемся. Если же данные в литературе и источниках расходятся, то представляются различные точки зрения с выделением авторской позиции. Подчеркнем, что практически все герои нашей книги достойны отдельного объемного исследования, причем часто не однотомного. О некоторых из них такие исследования уже есть. Это, с одной стороны, облегчает нашу задачу, а с другой – делает ее практически невыполнимой в рамках одного небольшого издания. В связи с этим мы будем концентрировать внимание именно на финансово-правовом наследии российских ученых и политических деятелей на фоне времени их жизни и в «паутине» пересечения судеб, школ, тематики исследований и др. Это позволяет создать относительно целостную картину развития отечественной финансово-правовой мысли.

Мы осознаем, что такого рода исследование не может быть по определению законченным и не содержать в себе противоречивых положений и возможных неточностей. Поэтому мы всегда готовы принять замечания и дополнения внимательных читателей, учесть их в дальнейшем. Наука финансового права представляет объемные ретроспективные наработки как для самоценного освоения исторического материала, так и для выхода на современную отраслевую проблематику. Данное издание является только одним шагом в этом направлении.

1904); В 2 ч. / Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Святого Владимира / Под ред. В.С. Иконникова. Киев, 1884; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую четверть века его существования. 1869–1894: В 2 т. СПб., 1896–1898; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за 100 лет его существования (1802–1902): В 2 т. / Под ред. Г. В. Левицкого. Юрьев, 1903; *Гриценко И. С., Короткий В. А.* Юридический факультет Университета Святого Владимира, 1834–1920. Киев, 2009 (на укр. языке); *Гущина Е. В., Морозов Д. К., Салова Ю. Г.* Биографический сборник Демидовского университета. Ярославль, 2008; Казанский университет. 1804–2004. Биобиблиографический словарь: В 3 т. / Под ред. Г. Н. Вульфсон. Казань, 2002–2004; *Краковский К. П.* Нить времени (Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета). Ростов н/Д, 2003; Профессора МГУ. 1755–2004. Биографический словарь: В 2 т. М., 2005; Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917. Томск, 1996; Харьковский университет. Юридический факультет за первые 100 лет его существования. 1. История факультета. 2. Биографический словарь профессоров и преподавателей. Харьков, 1908 и др.

¹⁴ См.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989; *Залесский К. А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000; Отечественная история. Энциклопедия: В 5 т. Т. 1–3. М., 1994–2000; Политические деятели России 1917. Биографический словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. М., 1993; *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших центральных учреждений. 1802–1917. СПб., 2001 и др.

Раздел 1

Развитие российского юридического образования и школа финансового права

Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь.

В. О. Ключевский (1841–1911), русский историк

Сразу оговоримся, что в нашу задачу не входит написание истории образования в целом или даже юридического образования в какой-либо его части. Наша задача гораздо скромнее, а именно: дать краткий очерк финансово-правовой составляющей юридического образования в России на фоне развития всей высшей юридической школы в обозначенный период. Коснемся мы и преподавания финансово-правовых дисциплин в неюридических вузах. Это необходимо для того, чтобы постоянно не возвращаться к комментариям по поводу специфики того или иного исторического периода, особенностям функционирования вузов, системе научных степеней и званий и др. Кроме того, школы финансового права формировались преимущественно на базе юридических факультетов университетов и юридических вузов, что делает необходимым рассмотрение данной проблематики. По сложившейся традиции университеты с момента их учреждения были не только учебными заведениями, но и научными центрами.

Нашу задачу облегчает то, что литература по истории как высшего, особенно университетского, образования в целом, так и юридического образования в частности, не обделена вниманием исследователей¹⁵. Это же касается истории отдельных вузов и факультетов¹⁶.

¹⁵ См.: *Иванов А. Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М., 1991; *Розманова Н. А.* Становление коммерческого и финансово-экономического образования в России (XIX – 20-е годы XX в.). М., 2002; *Скрипильев Е. А.* О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII – начало XX века). М., 1996; *Томсинов В. А.*: 1) Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2009; 2) Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX столетия. М., 2010; 3) Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX столетия. М., 2010; *Университет и город в России (начало XX в.).* Сб. М., 2009 и др.

¹⁶ См.: *Егоров А. Д.* Лицеи России (Опыт исторической хронологии): В 8 кн. Иваново, 1993–1998; *Егоров С. А.* «Нечестное дело жизни»: Ярославская юридическая школа. Ярославль, 1997; *Емельянов И. А.* Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917. Очерки. Казань, 1998; *Краковский К. П.* Нить времени (История юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета). Ч. 2. В 2 т. (1808–1924 гг.). Ростов н/Д, 2005; *Петров Е. Н.* Очерки истории экономического факультета Политехнического института за 25 лет // *Известия экономического факультета.* Вып. 1 (XXV). Л., 1928. С. 26–71 др.

Глава 1

О школах финансового права

Юридическая наука начала формироваться в России достаточно поздно относительно стран Западной Европы, а активная фаза этого процесса пришлась на середину XVIII – начало XIX в., параллельно с развитием системы высшего юридического образования. Еще позже началось выделение самостоятельной науки финансового права. В связи с этим изучение российского финансового права через формирование и становление его научных школ и учебных дисциплин позволяет воссоздать относительно полную картину развития данной науки в целом. Между тем это развитие представляет собой длительный и сложный процесс.

При этом известную сложность представляет определение круга персонажей данного исследования в связи с ретроспективной дискуссионностью самого предмета науки финансового права. Трудность его осмысления заключается в том, что первоначально данная наука формировалась в рамках камеральных наук, политической экономии, а затем выделившейся из нее финансовой науки. Только с последней из них наука финансового права размежевалась во второй половине XIX в., причем это размежевание первоначально было неполным и достаточно непоследовательным.

Нередко финансовая наука (наука о финансах) и наука финансового права отождествлялись. Наука финансового права могла рассматриваться и как юридическая часть финансовой науки¹⁷. Как справедливо отмечает А. Н. Козырин, произошедшая во второй половине XIX в. дифференциация финансовой и финансово-правовой наук так и не смогла полностью освободить предмет науки финансового права от политических и экономических проблем¹⁸.

«В науке финансового права правовой, политический и экономический элементы нераздельны», – писал профессор Демидовского юридического лицея И. Т. Тарасов. «В ней анализ законов хозяйственных явлений и анализ правовых норм, определяющих государственно-хозяйственную сферу, идут рука об руку»¹⁹. Профессор Петербургского университета В. А. Лебедев полагал, что политэкономия изучает общие законы народного хозяйства, а финансовая наука, опираясь на нее, исследует строй государственного финансового хозяйства, его средства и способы удовлетворения государственных потребностей. При этом юридически-догматическое изучение финансового законодательства и есть финансовое право, а изучение правил финансового хозяйства с экономической и политической сторон составляет финансовую науку²⁰.

Несколько иной токи зрения придерживается наш современник С. В. Запольский. По его мнению, «появление новой отрасли правоведения – государственного хозяйства, ставшего впоследствии финансовым правом, вряд ли можно объяснять неким отпочкованием». Далее ученый подчеркивает: «Финансовое право XIX–XX вв. – глубоко самостоятельное явление развития общества, связанное с предыдущим этапом скорее всего лишь осмыслением опыта и отказом от ранее существующих юридических форм». По его предположению, «финансовое право в историческом ключе возникло вследствие накопления в обществе некоего значительного демократического потенциала, достаточного для проникновения публичной власти в денежно-имущественную сферу. Не движение денег как таковых, но деятельность государственной администрации во имя общего блага служит изначальной целью

¹⁷ См.: Кулишер И. М. Очерки финансовой науки. Вып. 1. Пг., 1919; Янжул И. И. Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах. СПб., 1899 и др.

¹⁸ Козырин А. Н. У истоков финансового права // У истоков финансового права. М., 1998. Т. 1. С. 15.

¹⁹ Тарасов И. Т. Очерк науки финансового права. Вып. 1. Ярославль, 1889. С. 7.

²⁰ См.: Лебедев В. А. Финансовое право. СПб., 1882. С. 86 и др.

науки государственного хозяйства – финансового права. Умеренность и разумность налогов, экономность в расходовании государственных средств, содействие экспорту и импорту, финансовое стимулирование производства, осуществление социальных программ – эти и другие подобные им лозунги навсегда нанесены на знамя финансового права – иным оно и не могло быть, возникая в свое время как следствие и инструмент демократических преобразований»²¹.

Однако в любом случае проблематика финансового права имела многочисленные пересечения с политэкономией, наукой о финансах, отчасти полицейским правом, государственным правом. Такая «многослойность» делает необходимым поиск истоков финансово-правовой мысли также в политэкономических исследованиях, а затем и в работах по финансовой науке, полицейскому и государственному праву. Специалисты по отечественной истории также не обходили вниманием финансово-правовые аспекты отечественной и всемирной истории. Это, соответственно, расширяет круг персонажей данной книги.

Подчеркнем, что в досоветский период деление ученых на юристов и экономистов по научной специализации было до известной степени условным. Так, до 1902 г. в России отсутствовало специализированное экономическое образование, а профессиональных экономистов готовили преимущественно на юридических факультетах университетов, где предмет «политэкономия» преподавался как основная дисциплина наравне с юридическими науками. Этому способствовало и то, что экономическое образование в России изначально содержало в себе обширную правовую составляющую. Так, на экономическом отделении Петербургского политехнического института, где впервые давалось высшее экономическое образование, на науки экономические было отведено 42 часа, а на юридические науки – 31 час. На естественнонаучные и технические дисциплины выделялось всего 17 часов, а на остальные – существенно меньше²². Характерно, что с 1907 по 1915 г. это отделение издавало «Известия Санкт-Петербургского политехнического института» с характерным подзаглавием «Отдел наук экономических и юридических». Число публикаций по экономике и праву (прежде всего, финансовому) в этом издании было примерно одинаковым, а некоторые авторы готовили публикации и по экономической и по правовой проблематике. Похожая ситуация сложилась и в других русских экономических вузах. В частности, в 1913–1917 гг. в Московском коммерческом институте не только был прекрасный подбор преподавателей экономических дисциплин, но и работали многие ведущие специалисты в сфере финансового права, в частности И. Х. Озеров, П. П. Гензель, А. А. Соколов и др., о которых будет сказано ниже.

В дореволюционный период переход преподавателя с кафедры политэкономии на кафедру финансового права, равно как и обратно, не был редкостью. Более того, научные дискуссии по проблемам финансов в тот период были своеобразным спором «между славянами», так как все его участники имели юридическое образование (до начала XX в.), хотя, естественно, с различной специализацией. Выпускники экономических факультетов и вузов впоследствии имели хорошую правовую подготовку.

Понятие «школа», в том числе в применении к праву, является неоднозначным. Во-первых, под ней понимают направления научной мысли и педагогической практики, созданные отдельными выдающимися учеными или группами ученых, разделяющими сходные методологические установки (например, историческая школа права). Во-вторых, достаточно часто ограничиваются только национальными школами права. Оба эти подхода обоснованны, а существование российской школы финансового права несомненно. В-третьих,

²¹ Запольский С. В. Теория финансового права. Научные очерки. М., 2010. С. 69–70.

²² Подробнее см.: Цен В. Э. Задачи Экономического отделения Санкт-Петербургского политехнического института. СПб., 1904 (оттиск из «Известий Санкт-Петербургского политехнического института». 1904. Т. 1).

научные школы привязывают к определенным университетским городам, научным центрам или даже регионам. В этом смысле говорят, например, о московской, петербургской, ярославской, казанской, киевской школах. Именно в данном контексте мы можем констатировать существование региональных школ финансового права в рамках единой российской школы финансового права.

Оговоримся, что мы склонны объединять научные и образовательные школы. Они характеризовались единством кадрового состава, известной зависимостью обоих видов деятельности от мировоззренческих и научных установок, зависимостью направлений научной работы от педагогических потребностей, системой координационных и субординационных отношений, организационным единством научных и педагогических работников в рамках учебных структур (кафедра, факультет, вуз и др.). В этой части мы не можем согласиться с разделением таких понятий, как «научная школа» и «педагогическая школа», как предлагается некоторыми исследователями²³. Все это позволяет говорить нам о единой юридической «семье» или, как в данном случае, российской школе финансового права, но включающей в себя относительно обособленные, со своими научными традициями школы финансового права, сформировавшиеся в научных университетских анклавах. В последнем случае такую школу, на наш взгляд, образуют три компонента:

1) *личностный* (учителя, ученики, администрация, технический персонал учебного заведения, научно-исследовательских учреждений и др.). Определенное значение для характеристики школы имеют ее основатель или основатели, обстоятельства и время основания, последующие лидеры. Важны ее качественный и количественный состав, предмет и методология научных исследований, формальные показатели научной работы (число научных публикаций, научные степени и звания и др.), наличие учеников – продолжателей научных исследований и др.

В финансовом праве такие школы были относительно немногочисленными и насчитывали в дореволюционный период, как правило, немногим более десяти исследователей, связанных «научным родством». После 1917 г. естественная преемственность в рамках юридической школы была во многом нарушена, а в некоторых случаях и искусственно прервана.

Мобильность преподавательского состава в российских вузах (прежде всего, в университетах) была относительно небольшой по сравнению, например, с германскими университетами. Самые выдающиеся ученые получали приглашение в столичные вузы, остальные же меняли место работы в порядке перевода, в качестве взыскания или когда в учебном центре, прежде всего новом, была острая нужда в преподавателе данной дисциплины. Это позволяло молодым преподавателям занимать профессорскую кафедру или начинать с доцентуры при отсутствии вакансий в своем вузе. В советский период ротация научных кадров до середины 50-х гг. прошлого века могла быть связана с такими экстремальными проявлениями, как «укрепление» кадрового состава отдельных вузов через принудительные переводы и даже ссылка или высылка отдельных научных деятелей. Впоследствии преобладало так называемое плановое распределение научно-педагогических кадров, утратившее в 70-х гг. почти всякий динамизм.

Еще менее характерной была смена места обучения для студентов, которая осуществлялась почти исключительно в вынужденном порядке (как дисциплинарная мера или способ наказания (исключение из университета), эвакуация в период войны и др.). Примечательно, что только в Варшавском, Дерптском и Томском университетах, а также в ярославском Демидовском юридическом лицее был разрешен прием выпускников не только гимназий, но и духовных семинарий. Это наложило отпечаток на социальный состав студенчества данных вузов;

²³ См.: Ильин А. В. Научные школы в юриспруденции // Правоведение. 2011. № 3. С. 261.

2) *материальный* (материальная база учебного процесса: библиотеки, аудиторный фонд и др.). Практически все университеты располагались в губернских центрах (кроме Одессы и Дерпта), где находились губернаторы и попечители учебных округов, жандармерия и центр местного дворянского общества, затем – губернские земства и органы городского самоуправления. Центром губернии был и Ярославль с его Демидовским юридическим лицеем. Все это позволяет говорить об относительно развитой и достаточно однородной материальной базе учебного процесса. Этим Россия существенно отличалась от стран Западной Европы, где университеты первоначально создавались преимущественно в небольших городах. Это касается, в частности, Англии (Оксфорд (конец XII в.), Кембридж (1209)) и Германии (Геттинген (1734), Марбург (1527), Тюбинген (1477)). Университеты в столицах (Лондон (1836) и Берлин (1810)) были созданы существенно позднее. Университеты в крупных английских (Бирмингем, Ливерпуль, Лидс, Шеффилд, Бристоль) и немецких (Франкфурт, Кельн, Гамбург) городах формировались уже в XX в.

Отметим, что в общем объеме денежных средств города (расходы студентов по месту учебы, книжная торговля и издательское дело, зарплата преподавателей и обслуживающего персонала, материальные затраты вуза и др.) финансы российских вузов (кроме Дерпта) занимали не очень существенное место. В советский период университеты и юридические вузы располагались почти исключительно в Москве и Ленинграде, либо в столицах советских республик (союзных и автономных), или в областных центрах;

3) *социокультурный* (социальная и культурная среда в городе или населенном пункте, где располагается учебное заведение или научное учреждение). Преподаватели и студенты были интегрированы в местную общественную среду: снимали квартиры или комнаты, пользовались бытовым обслуживанием, давали частные уроки или преподавали в других местных учебных заведениях (в том числе в гимназиях, школах, народных университетах). Они посещали театры и концерты (либо сами устраивали театральные представления), сотрудничали с местными благотворительными, профессиональными и научными организациями. Впоследствии они участвовали в земском и городском самоуправлении, в местных партийных организациях (прежде всего, кадетских). Городскими головами Казани, Одессы, Москвы и Дерпта уже во второй половине XIX в. стали профессора местных университетов. Представители юридических факультетов традиционно достаточно тесно сотрудничали с городскими службами. С 1858 г. они получили разрешение читать публичные лекции, а с начала XX в. организовывали и публичные диспуты. Немало представителей юрфаков принимали активное участие в деятельности местной печати. В советский период университетская общественность сохранила свое место в советских и партийных структурах.

Определенное значение имели даже архитектурные особенности зданий и учебных аудиторий, символизм профессиональной одежды, религия и нравственные устои местного населения, учеников и учителей, особенности языка, в том числе профессиональной терминологии, и принятых корпоративных норм поведения. Все это в совокупности создавало неповторимую атмосферу высшего учебного заведения, которой дышали как ученики, так и учителя. Данные компоненты в различных городах и регионах России имели существенные отличия, а в некоторых из них даже являлись уникальными.

При этом нет оснований причислять конкретного ученого непременно и только к определенной региональной школе финансового права. Традиционно многие преподаватели за свою академическую карьеру вели занятия в двух-трех, а иногда и более вузах. Например, Ярославль в силу ряда специфических причин, о которых будет сказано в соответствующем разделе данной книги, а также географической близости постоянно притягивал к себе преподавателей Московского университета, часть из которых многие годы служила в Демидовском юридическом лицее и Ярославском государственном университете. Некоторых ученых

можно причислить сразу к нескольким региональным школам финансового права, например московской, петербургской, ярославской, харьковской. Принадлежность к школе – не прописка и не штамп в паспорте, а этап научного и педагогического творчества. При некоторой условности понятия в такой трактовке «школа финансового права», на наш взгляд, имеет полное право на существование.

Подчеркнем, что при спорных вопросах «научного районирования» персонажей данной книги мы отдавали приоритет вузам (и соответствующим школам), где ученые преподавали курс финансового права или финансово-правовые спецкурсы, формировались как исследователи-финансисты, готовили публикации (или их наибольшее число, или главные) по финансовому праву. Некоторый субъективизм в распределение персоналий по школам по определению неизбежен, что нами, безусловно, признается. При этом ряд школ (московская, киевская, казанская и др.) были выражены наиболее рельефно, некоторые (петербургская, харьковская и др.) прослеживаются достаточно четко. Другие (дерптская (юрьевская), варшавская, томская и др.) только намечались, заявляя право на свое самостоятельное существование. Однако все они представляли относительно обособленные феномены.

Еще раз подчеркнем принципиальное положение. При несомненной важности научного «районирования» все ученые – специалисты в сфере финансового права России принадлежали и принадлежат к единой школе. Она имеет, в свою очередь, «общую родословную», общие корни. Но как в любой семье каждый ребенок, каждая региональная школа финансового права имеет свой индивидуальный характер, свою судьбу. При этом каждая школа российского финансового права, – будь-то московская, казанская, дерптская и т. д., – это «птенцы одного гнезда». Помимо очевидной научно-педагогической, языковой, ментальной, нормативно-правовой основы (как базы исследований) близости представителей российской школы финансового права, их объединяет общность исторической судьбы и тесное персональное пересечение. Так, *И. Я. Горлов* (1814–1890) одним из первых начал читать курс финансового права и написал первое фундаментальное исследование по теории финансов. При этом он был выпускником юридического факультета Московского университета (1833), получил ученую степень в Дерптском университете (1838), был экстраординарным профессором Казанского университета (1838–1847) и только затем перевелся в Петербургский университет, где стал ординарным профессором, а затем и деканом (1860–1863) юридического факультета. Бывшие профессора Демидовского юридического лицея, покинув стены данного вуза, продолжили преподавательскую деятельность: *А. А. Исаев* (1851–1919 (1924?)) – в Петербургском университете, *Э. Н. Берендтс* (1860–1924?) – в Императорском училище правоведения (Петербург).

Единство российской школы финансового права обеспечивалось и ее общим «немецким акцентом», когда влияние немецкой школы изначально было преобладающим, а затем неизменно существенным, о чем мы уже писали выше. Не случайно германский ученый *В. Рошер* выделял «немецко-русскую» школу политэкономии, из которой еще полностью не выделилось финансовое право. К представителям этой школы, в частности, причислялись персонажи нашей книги *Е. Ф. Канкрин*, *Г. (А. К.) Шторх*, *Х. А. Шлецер*. При этом немецкое влияние было не только опосредованным, но и вполне прямым. Так, *Е. Ф. Канкрин* многие годы был министром финансов России, *Г. Шторх* преподавал в Петербурге, затем служил в ведомстве иностранных дел, впоследствии являлся академиком (по разряду политической экономии) и вице-президентом Петербургской академии наук. В этом смысле они причастны к формированию петербургской школы. В числе первых преподавателей политической экономии Московского и Харьковского университетов, рассматривающих проблемы финансов, соответственно были *Х. Шлецер* и другой немец – *Л. Х. Якоб*.

К тому же в науке финансового права никогда не было острого противостояния региональных школ, хотя некоторые их особенности прослеживаются. Отметим, что научное «районирование» в финансовом праве, как, впрочем, и в других отраслях, никогда напрямую не было связано с административно-территориальным и национальным делением. Оно обосновывалось именно тремя вышеназванными факторами, которые и определяют понятие «школа». Не отрицая особенностей развития науки финансового права в различных регионах Российской империи и СССР, мы не склонны специально выделять, например, украинскую или польскую школы в соответствии только с национальным признаком, хотя выделение, например, киевской и харьковской школ не вызывает сомнений. В этом плане финансисты Украины кооперировались преимущественно с учеными Центральной России, причем это сотрудничество было взаимовыгодным. Так, выпускник Киевского университета (Университета Св. Владимира) *И. Т. Тарасов* (1849–1929) многие годы преподавал в Демидовском юридическом лицее, а затем – в Московском университете. В советский период тот же путь из Киева в Москву проделал *В. И. Лисовский* (1904–1997). Одновременно шел и обратный процесс. Например, корифей одесской (новороссийской) школы *С. И. Иловайский* (1861–1907) был выпускником Петербургского университета. В литературе отмечались следующие общие моменты в биографии харьковских профессоров начала XX в.: «... почти каждый из них служил в разные годы в университетах разных городов, петербуржцы едут в Харьков, харьковские специалисты отправляются на несколько лет служить в Дерпт (Тарту), Киев, Москву, Петербург, Ярославль и пр. Многие харьковские профессора защитили магистерские и докторские диссертации в Московском университете, многие были связаны работой и учебой с известным Демидовским юридическим лицеем в Ярославле. Такой обмен был не редкостью, ибо условия крупных городов, бытовые и материальные в том числе, не слишком разнились, а в итоге обмен информацией научных школ был значительный»²⁴.

Следовательно, у нас есть все основания анализировать развитие относительно единой российской (дореволюционной, советской и постсоветской) школы финансового права. Этот анализ осуществлен через изучение развития региональных ответвлений общероссийской школы. Это касается московской, петербургской (ленинградской), ярославской, казанской, томской, дерптской (юрьевской), варшавской, киевской, харьковской, одесской школ финансового права. Достаточно привести лишь несколько примеров, для того чтобы подтвердить вышеназванный тезис.

Так, совершенно очевиден особый путь развития дерптской школы финансового права. До реформы 1889 г. на юридическом факультете Дерптского университета преподавание ограничивалось преимущественно чисто юридическими предметами – гражданское и уголовное право с соответствующими процессами. Преподавание же таких предметов, как политическая экономия, финансовое право, полицейское право, не проводилось. В учебных планах эти дисциплины не включались в перечень главных обязательных предметов. Они лишь были рекомендованы студентам-юристам для посещения лекций без сдачи экзаменов и испытаний по этим предметам. Между тем названные дисциплины включались в учебные планы студентов других факультетов. Начиная с 1803 г. проводилась подготовка камералистов (экономистов) на технолого-экономическом разряде (отделении) философского факультета, а с 1850 г. – на историко-филологическом факультете. Там же и формировались соответствующие кафедры: кафедра политической экономии, кафедра камеральной науки, финансов и торговли. Соответственно такая организация учебного процесса и кафедр предопределяла и направленность научных исследований проблем финансового права (законодательства). Вряд ли эти исследования могли приобрести самостоятельность и обособлен-

²⁴ Федорова Е. Безымянное поколение // Гюнтер А. Записки правоведа, адвоката, бывшего меньшевика (1890–1984). М., 2004. С. 43–14.

ность от вопросов политической экономии и камеральных наук. Они могли рассматриваться попутно в рамках изысканий ученых-политэкономов и ученых-камералистов.

Более того, дореформенный Дерптский университет своим учебным процессом, нравами, языком преподавания (немецкий язык), научно-преподавательским составом был гораздо ближе к германским университетам, чем к российским. Отметим, что все университеты России, особенно в начале их истории, привлекали к преподаванию иностранных ученых, но ни в одном из них это привлечение преподавателей из-за границы не проводилось столь долго и широко, как это практиковалось в Дерптском университете. Так, кафедру политэкономии и статистики, которая после реформы 1889 г. из состава историко-филологического факультета была переведена на юридический факультет, в разное время занимали такие известные ученые, как А. Вагнер, Г. Кнапп, *Г. Дитцель* (1829–1884), с именами которых мы еще неоднократно встретимся на страницах данной книги. Вероятно, это послужило основанием для учреждения в конце 1827 г. в Дерптском университете «Профессорского института», имевшего целью подготовить, притом из русских людей, контингент будущих профессоров, необходимых для университетов России. Как писал Н. П. Яснопольский, «для осуществления этой задачи Дерптский университет оказался очень удобным для того времени мостом, соединявшим университеты России с заграничными вообще и в особенности с германскими»²⁵. Ранее мы уже упоминали о профессоре Казанского и Петербургского университетов И. Я. Горлове. Сюда следует добавить и других профессоров Петербургского университета, прошедших «Профессорский институт», а затем преподававших предметы юридического факультета (с включением в них политической экономии и статистики). Это *И. И. Ивановский* (1807–1887), *В. С. Порошин* (1811–1868) и др.

При всей важности отнесения ученых к той или иной школе для нас более насущным является создание «коллективной биографии» (просопографии) российских ученых – специалистов в области финансового права. Это научное направление относительно новое для российской науки, хотя достаточно распространено на Западе (В. Шредер, Х. Нимейер и др.). Просопография понимается как «эмпирическое исследование коллектива личностей в его общественном контексте с помощью индивидуальных биографий членов этого коллектива». Исходным в этом смысле является утверждение о том, что отдельный человек, тем более ученый, своеобразен. В то же время он универсален, определяется не только с индивидуальной, но и с общественной точек зрения. В связи с этим мы видим своей задачей создание такой «коллективной биографии», которая давала бы характеристику не только всем ученым-финансистам, но и каждому в отдельности. С другой стороны, надо показать, как биография каждого отразилась в биографии поколения, а коллективная судьба и исторический контекст проявились на жизненном пути и в научном наследии каждого.

²⁵ Яснопольский Н. П. Специализация учебных планов преподавания и занятия науками юридическими, государственными и экономическими в университетах России. Опыт исторического исследования. Киев, 1907. С. 101.

Глава 2

Развитие отечественного юридического образования и преподавание финансового права

2.1. Досоветский период: от стадии ученичества к «золотому веку»

Изначально юристов готовили на юридических факультетах университетов: Московского (1755), Дерптского (существовал с 1632, вновь открыт в 1802), Казанского (1804), Харьковского (1805), Варшавского (1816–1831, 1869–1915, эвакуирован в Ростов-на-Дону, именовался Донским (1915), затем – Ростовским университетом), Петербургского (1819), Киевского (Университет Св. Владимира) (1834), Новороссийского (в Одессе, образован на базе Ришельевского лицея, действовавшего с 1817) (1865), Томского (1888, юридический факультет открыт в 1898), Пермского (1916). В Саратовском университете (1909) юридический факультет был открыт уже в советский период. Своеобразное положение занимали юридические факультеты еще двух университетов: Гельсингфорского (переведен в 1828 из Або) (Гельсингфорс (Хельсинки), Финляндия) и Виленского (1579 как академия, юридический факультет открыт в 1641, преобразована в университет в 1803) (Вильно (ныне Вильнюс), Литва). Первый из них, строго говоря, не являлся российским университетом, хотя и именовался Императорским Александровским университетом в Финляндии, а его выпускники имели права выпускников российских университетов. Преподавание велось сначала на шведском, а затем и на финском языках. Нам не известно о значимых финансистах общероссийского масштаба²⁶, обучавшихся или преподававших там, чему изрядно способствовал и языковой барьер. Виленский университет был закрыт в 1832 г. и возобновил свою работу только в 1919 г. уже на территории Польши. Университеты до начала 1917 г. именовались Императорскими, что для краткости нами будет обычно опускаться.

Подчеркнем, что изначально юридические факультеты (называемые некоторое время отделениями (факультетами) нравственных и политических наук) занимали в структуре университетов ведущее место как по статусу, так и по числу студентов. Так, даже в начале XX в. в Петербурге, Киеве и Варшаве на юридических факультетах студентов училось больше, чем на остальных факультетах, вместе взятых²⁷. Всего в университетах доля обучающихся юриспруденции составляла около 40 % общего числа учащихся. Высокий статус этих факультетов определялся тем, что в глазах власть предержащих они являлись, прежде всего, кузницей кадров для государственной службы. Характерно, что уже в Утвердительной грамоте Московского университета (1804) закреплялось, что в нем будут преподаваться науки «как общие, каждому человеку нужные, так и особенные, служащие к образованию гражданина для разных родов государственной службы»²⁸.

Аналогичные нормы были закреплены и в уставах других университетов. Студенты-юристы традиционно держались обособленно и до начала XX в. были наиболее пассивными в общественной жизни по сравнению со студентами других факультетов. По

²⁶ Это не исключает того факта, что профессора этого университета преподавали интересующие нас дисциплины и публиковали свои работы на русском языке. Это касается, в частности, *И. Н. Шпльа* (?-1870), автора книги «Современная теория финансов и влияние ее на финансовую администрацию» (СПб., 1860). Однако преподавал он преимущественно в Петербурге, о чем будет сказано в соответствующем разделе.

²⁷ См.: *Лейкиша-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 59.

²⁸ ПСЗ РИ. Т. 28. № 21502. С. 648

воспоминаниям П. Н. Милюкова, студентов-юристов «считали будущими карьеристами и дельцами»²⁹. Для таких суждений были некоторые основания, однако в начале XX в. общественная активность и этой категории учащихся существенно повысилась. Впрочем, юридические факультеты до конца существования императорской России оставались в некоторой степени элитарными, с наиболее существенной дворянской прослойкой.

Специализированными юридическими высшими учебными заведениями являлись: Александровский лицей (открыт в 1811 как царское сельский лицей, с 1843 Александровский лицей в Петербурге, с 1848 давал высшее юридическое образование), Императорское училище правоведения (1835, Петербург), Лицей князя Безбородко (г. Нежин (1832), получил юридический профиль в 1840, преобразован в историко-филологический институт в 1875), Лицей Цесаревича Николая (Катковский) (1869, Москва). Демидовский юридический лицей вел истоки от открытого в 1805 г. в Ярославле Высших наук училища. В качестве юридического вуза Демидовский юридический лицей давал высшее юридическое образование с 1870 г. Кроме того, в 1867 г. в Петербурге образована военно-юридическая академия (с 1908 – Александровская военно-юридическая академия). В ней изначально преподавалось финансовое право, а в числе ее профессоров был *В. Г. Яроцкий* (1855–1917) (о нем см. далее). Это было военно-учебное заведение со всеми его атрибутами. Из остальных юридических вузов наиболее закрытым было Училище правоведения. Оно было организовано по типу закрытого пансиона и подчинялось напрямую Министерству юстиции.

Впоследствии юридические факультеты были открыты на высших женских курсах: Киевских (1872–1886, с 1906), Московских историко-филологических и юридических В. А. Полторацкой (1906), Петербургских (Бестужевских) (1906), Петербургских историко-литературных и юридических Н. П. Раева (1906), Варшавских (1909, эвакуированы в Ростов-на-Дону в 1915).

По университетской программе юридических факультетов функционировали негосударственные учебные заведения, предназначенные для обучения как мужчин, так и женщин: Психоневрологический институт (1907), Московский городской университет им. А. Л. Шиянвского (1908), Московский частный юридический институт (1915).

Кроме того, финансовое право преподавалось в коммерческих институтах: Киевском (1906), Московском (1906), Высших коммерческих курсах М. В. Побединского (Петербург, 1906, с 1917 – Торгово-промышленный институт), Петербургском (1906), Харьковском (1912 – коммерческие курсы, с 1916 – институт). Преподавателей, в том числе правовых и камеральных дисциплин, готовил Петербургский педагогический институт (1804–1819, 1829–1859), при котором существовало отделение (факультет) наук философских и юридических, где преподавались, в частности, политическая экономия, политическое право, коммерческие науки. Вероятно, одним из первых курс «Право финансовое и коммерческое» на этом факультете прочитал известный государственный деятель и ученый *М. А. Балугьянский* (1769–1847). Также одним из первых преподавателей финансовой науки в Петербургском университете (в составе которого изначально был философско-юридический факультет) стал его ученик по педагогическому институту профессор *М. Г. Плисов* (1782–1853), а среди выпускников этого пединститута был *Е. Г. Осокин* (1819–1880), в последующем профессор Казанского университета.

При Петербургском политехническом институте (открыт в 1902) действовало экономическое отделение (затем – факультет), а при Рижском политехническом институте (1862) функционировало коммерческое отделение, где также преподавалось финансовое право. Финансовое право преподавалась и в других политехнических институтах (Варшавском, Киевском, Донском (в Ростове-на-Дону)).

²⁹ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990. С. 120.

Система научно-исследовательских организаций и обществ, связанных, в том числе, с правовой наукой, в досоветский период только формировалась. Относительно длительную историю имели Императорская Петербургская академия наук, Вольное экономическое общество и Русское географическое общество. В третьей четверти XIX в. при университетах (первоначально при Петербургском, Московском и Казанском) и юридических вузах начали создаваться юридические общества. Действительные члены этих обществ активно занимались научно-исследовательской работой, а сами общества регулярно издавали журналы и труды.

По Утвердительным грамотам Московского, Харьковского и Казанского университетов (1804) они присваивали «степени или достоинства»: кандидатов (аналог современного диплома с отличием), магистра (аналог современного кандидата наук) и доктора. Преподавателям при этом присваивались следующие ученые звания: ординарный профессор, экстраординарный профессор, адъюнкт. Профессор или адъюнкт, «беспорочно и усердно в звании своем 25 лет прослуживший», удостоивался имени «заслуженного». Эта система была распространена и на другие университеты. По уставам этих университетов (1804) в составе отделения (факультета) нравственных и политических (или нравственно-политических) наук преподавались, в числе прочих, право естественное, политическое и народное, а также дипломатика и политическая экономия. Пионером в этой части выступило Ярославское училище высших наук (предшественник Демидовского юридического лицея), где по Уставу 1805 г. должна была преподаваться политическая экономия и наука финансов³⁰. В целом данные университетские уставы были достаточно демократичными и оставляли простор для некоторых академических свобод (выборность ректора, профессуры, университетского суда). В 1824 г. данный Устав был распространен и на Петербургский университет³¹.

Новый университетский Устав 1835 г. единодушно оценивается как реакционный (ограничение университетской автономии, упразднение университетского суда, усиление правительственного контроля за преподаванием), однако он разделил преподавание предметов «политэкономия и статистика» и «законы о государственных повинностях и финансах». Теперь они формально могли преподаваться на двух разных кафедрах, однако их четкого проблемного разграничения так и не произошло.

Согласно этому Уставу существовавшие ранее факультеты нравственно-политических наук упразднялись и вместо них создавались юридические. Такие изменения были связаны, в том числе, с увеличением потребности в квалифицированных юристах в условиях завершившейся систематизации отечественного законодательства. При этом новый факультет лишился кафедр философии, политической экономии, финансов, статистики. Соответственно, они вошли в состав философского факультета. Юристы эти дисциплины изучали, по сути, по программе этого факультета.

В Петербургском университете кафедра законов о государственных повинностях и финансах начала функционировать фактически с 1836 г., что впоследствии имело место и в других университетах. В Московском университете в 1839 г. учреждается отдельная кафедра государственных податей³². Эти кафедры можно считать предшественницами кафедр финансового права. На юридических факультетах Петербургского, Казанского и Харьковского университетов были учреждены также кафедры хозяйственных и камеральных наук. Общеуниверситетский Устав 1835 г., по мнению ряда исследователей, задачу университетского

³⁰ ПСЗ РИ. Т. 28. № 21606. С. 799.

³¹ Здесь и далее содержание университетских уставов дается по: Параллельный Свод общих Уставов Императорских российских университетов 1863, 1835, 1804 годов и Дерптского 1865 года. СПб., 1880.

³² См.: Вельский К. С. Финансовое право. М., 1995. С. 46.

образования студентов юридического факультета рассматривал весьма узко, так как «преследовал цель сделать политически безопасным преподавание юридических наук».

Подготовка на юридических факультетах стала носить более специальный характер, так как они должны были готовить «не ученых юристов, а чиновников, притом вполне благонамеренных»³³. С середины 40-х гг. XIX в. на юридических факультетах в той или иной мере шел процесс специализации студентов по двум разрядам (отделениям): собственно юридическому и камеральному (административному). В Петербургском и Казанском университетах такое разделение специализаций состоялось еще в середине 40-х гг., а в Киевском и Харьковском – в 60-е гг. XIX в. Соответственно, на юридическом факультете Петербургского университета в 1843–1860 гг. имелся особый камеральный разряд (отделение), готовивший выпускников к «службе хозяйственной или административной». Центральными дисциплинами при этом стали финансовое законодательство и политическая экономия. Это был своеобразный камеральный факультет столичного университета, через который прошел ряд известных финансистов, в частности *Ф. Г. Тернер* (1828–1906)³⁴.

Кстати, усердным защитником идеи о разделении юридического факультета Киевского университета на два отделения: юридических наук и государственно-административных наук, выступил известный профессор, а впоследствии государственный деятель Н. Х. Бунге, в то время занимавший должность декана юридического факультета. Отметим, что для Киевского университета в 1842 г. был принят особый Устав. На основании этого Устава по инициативе юридического факультета курс политической экономии был признан обязательной дисциплиной для студентов-юристов.

Своеобразным камеральным факультетом Московского университета стал Демидовский лицей, образованный на базе Ярославского училища высших наук в 1833 г., который, в свою очередь, послужил базой формирования Демидовского юридического лицея. Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного Совета от 9 августа 1833 г. главные познания для учащихся этого лицея должны были составлять науки юридические и камеральные³⁵. Последние содержали в себе совокупность многих технических, экономических и финансовых сведений, необходимых, как предполагалось, для подготовки чиновников сферы управления государственными имуществами и финансами. Конгломерат этих сфер охватывался общим понятием «камера»³⁶. Остальные дисциплины рассматривались как общеобразовательные, «суть уже второстепенные»³⁷. В связи с установленным профилем подготовки студентов в лицее вводилось преподавание, кроме прочего, финансов и политической экономии.

Университетский Устав 1863 г. зафиксировал замену преподавания «законов о государственных повинностях и финансах» на предмет «финансовое право». Это открыло путь к созданию кафедр с таким же названием. Однако кафедры в разных университетах могли именоваться и иначе: «кафедра теории финансов», «кафедра русского финансового права» и др. Первоначально такие кафедры появились в Московском, Казанском и Новороссийском университетах, но это мало отразилось на их научной специализации и взаимодействии с кафедрами политэкономии и статистики.

³³ См.: Яснопольский Н. П. Специализация учебных планов преподавания и занятия науками юридическими, государственными и экономическими в университетах России. Опыт исторического исследования. Киев, 1907. С. 15–16.

³⁴ Подробнее о нем см.: Лушникова М. В., Лушников А. М. Наука финансового права на службе государству. Ярославль, 2010. С. 140–146.

³⁵ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения // Царствование императора Николая I. 1825–1855 гг. СПб., (1825–1835 гг.). Т. 2, отделение I 1864–1224, 63. С. 467–168.

³⁶ См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XIV. С. 177.

³⁷ Покровский С. П. Демидовский лицей в Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914. С. 120.

Среди ученых степеней выделялись кандидаты права, магистры и доктора, а ученые звания включали в себя доцентов, экстраординарных профессоров и ординарных профессоров. Сохранился институт заслуженных профессоров. Это был самый демократичный Университетский устав за всю историю Российской империи, который последовательно исходил из принципа выборности ректоров и деканов факультетов, университетской автономии, подходу к коллективу вуза как корпорации. Был восстановлен университетский суд. По этому Уставу число кафедр и предметов, преподаваемых на юридических факультетах, возросло в два и более раз. На юридических факультетах были восстановлены кафедры, а в учебных планах – экономические и философские дисциплины. Н. П. Яснопольский писал, что «равноправность предметов юридических, политических и экономических составляет существенную характерную черту устава 1863 г.»³⁸. Более того, этот Устав создал условия для специализации кафедр и преподавания на юридических факультетах предметов юридических, государственных и экономических.

Следующий общеуниверситетский Устав 1884 г., по мнению Н. П. Яснопольского, остановил ход развития преподавания на юридических факультетах в направлении его дифференциации и широты плана подготовки специалистов. Ученый считал, что этот план даже сделал некоторый шаг назад³⁹. Так начался «обратный процесс» слияния юридических и государственно-административных отделений (разрядов) и учебных планов юридических факультетов, где такое разделение ранее было произведено.

В соответствии с последним дореволюционным университетским Уставом 1884 г.⁴⁰ на всех юридических факультетах следовало иметь кафедры финансового права. После этого нововведения университетские преподаватели стали переименовывать свои дисциплины, курсы сообразно названию той кафедры, которую они занимали, – финансовое право⁴¹. При этом был введен институт приват-доцентов, которые находились за штатом, не имели гарантированной нагрузки и жалованья, а их вознаграждение складывалось из средств, внесенных студентами за посещение занятий. Экстраординарные, ординарные и заслуженные профессора, а также штатные доценты по-прежнему находились в штате и имели стабильную нагрузку и зарплату. Система ученых степеней стала двухзвенной: магистр – доктор. Только в Варшавском и Дерптском (Юрьевском) университетах по-прежнему присуждали степень кандидата, однако она стала аналогичной диплому 1 степени всех иных университетов.

При всей реакционности этого Устава, отменявшего университетскую автономию, выборность ректоров, деканов и профессоров, отрицавшего корпоративность преподавателей и студентов вузов, он имел и позитивное значение. В частности, к преподаванию через приват-доцентуру можно было привлекать большее число преподавателей, вводить альтернативные курсы и др. Некоторое смягчение Устава 1884 г. актами 1899 и 1905 гг. оставило неизменным его охранительную направленность. Примечательно, что с января 1905 по сентябрь 1906 г. из-за революционных событий практически все вузы были закрыты, а для Варшавского университета эта пауза затянулась почти на три года. Отметим, что вышеназванные университетские уставы (1804, 1835, 1863 и 1884 гг.) не распространялись на ряд университетов, в частности Дерптский. Свои уставы имели и специализированные юридические вузы. Отличался и порядок их подчиненности. Университеты находились в ведении Министерства народного просвещения, так же как и Демидовский юридический лицей с Лицеем цесаревича Николая. Однако Александровский лицей относился к Ведомству учреждений

³⁸ Яснопольский Н. П. Указ. соч. С. 17.

³⁹ Там же. С. 19.

⁴⁰ См.: Общий Устав Императорских российских университетов 1884 года (Свод законов, Т. 11, ч. 1). М., 1911.

⁴¹ См.: Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 241–242.

императрицы Марии, а Училище правоведения подчинялось непосредственно Министерству юстиции и имело полувоенную организацию.

В 1906–1907 гг. в университетах на юридических факультетах осуществлялся переход в преподавании от курсовой системы к предметной. Так, в Московском университете на юридическом факультете все предметы были разделены на две группы: общую, обязательную для всех студентов, и специальную, которая включала курсы по трем специальным отделениям (отделение государственных наук, отделение цивилистических наук, отделение экономических наук). В общую группу обязательных дисциплин включался общий курс финансового права, а на отделении экономических наук читался специальный курс финансового права. Кроме того, П. П. Гензель в 1907–1908 академическом году вел теоретический специальный курс «История развития финансового хозяйства и новейшая финансовая политика на Западе, сравнительный анализ западноевропейских и русских бюджетов». В 1906 г. ординарный профессор Московского университета И. Х. Озеров был перемещен в Петербургский университет на кафедру финансового права, но ввиду недостатка в преподавателях остался в то же время в Московском университете приват-доцентом по кафедре финансового права⁴².

Юридический факультет Петербургского университета, по плану, выработанному факультетом, разделялся на два отделения – юридическое, а также экономических и государственных наук. Общие курсы по всем предметам, ранее обязательным, должны были прослушаны студентами обоих отделений, а ряд обязательных специальных предметов – обязательны лишь для студентов данного отделения. Так, для студентов государственно-экономического отделения вводились обязательные курсы: «Социальная политика в области рабочего вопроса» (В. Г. Яроцкий), «История экономических учений» (М. А. Курчинский).

Однако не все университеты в полном объеме перешли от курсовой системы преподавания к предметной. Так, в Киевском университете специализации учебных планов преподавания и разделения факультета на отделения, как, например, в столичных университетах, не проводилось. Юридический факультет Новороссийского университета также не считал возможным ввести предметную систему в полном объеме и разделить факультетские предметы на специальные отделы ввиду недостаточности наличного состава преподавателей. Финансовое право в то время там читал приват-доцент В. Н. Твердохлебов⁴³.

Кратко остановимся на системе подготовки научных кадров. Выпускников, окончивших курс и обнаруживших склонность к научным исследованиям, оставляли на соответствующих кафедрах на два года, по официальной терминологии, для «усовершенствования в науках и подготовки к профессорскому званию». При этом стипендия могла назначаться (т. н. «профессорские стипендиаты»), а могла и не назначаться. Это можно считать некоторым аналогом современной аспирантуры. Многие из проходящих научную подготовку направлялись в зарубежные командировки, прежде всего в Германию, где работали под руководством известных профессоров в ведущих университетах. Материалы к своим магистерским диссертациям они собирали также и за рубежом, в том числе в лучших библиотеках. В их числе можно назвать библиотеку Британского музея (Лондон), Королевскую библиотеку (Берлин), Национальную парижскую библиотеку и др. После этого соискатель научной степени сдавал магистерский экзамен (испытание), состоящий из двух частей: главный предмет (аналог современной специализации) и «дополнительные предметы», профиль которых зависел от главного. Все это отчасти сходно со сдачей кандидатского минимума. После его успешной сдачи лицо именовалось «магистрантом» и допускалось к защите магистерской диссертации («магистерскому диспуту»), которая, как правило, должна была быть опубликована в

⁴² См.: Академическая летопись // Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. 1907. № 2. С. 56–57.

⁴³ См.: Там же. 1907. № 3. С. 42–46.

виде книги. Ученая степень присваивалась университетом и дальнейшему утверждению не подлежала. Социальный статус магистра был достаточно высок: ему могло быть присвоено почетное потомственное дворянство, а при поступлении на государственную службу присваивался чин IX класса (титулярный советник). Он приобретал права на замещение должности доцента, приват-доцента, экстраординарного профессора. На должность приват-доцента могло претендовать лицо и не имевшее ученой степени, но известное своими учеными трудами и сдавшее магистерские экзамены.

Докторская диссертация могла стать продолжением магистерской, однако предполагала более высокий научный уровень, сопровождалась «докторским диспутом» (защитой) и присваивалась университетом. После защиты докторской диссертации хорошо зарекомендовавший себя экстраординарный профессор мог претендовать на должность ординарного профессора, а последний после 25-летней профессуры удостоивался звания «заслуженного профессора». В исключительных случаях за особые научные и педагогические заслуги магистр мог стать ординарным профессором. Широта и межотраслевой характер изучения проблем финансового права, как уже указывалось, приводил к тому, что специалисты в данной сфере защищали магистерские и докторские диссертации по различной научной специализации. Это относится к исследователям, получившим ученую степень по политической экономии (присуждается с 1827) (Г. Д. Сидоренко, Л. В. Ходский, А. Я. Антонович, В. Г. Яроцкий и др.), полицейскому праву (присуждается с 1867) (К. К. Гаттенбергер, И. Т. Тарасов, Д. И. Пихно, М. Д. Загряцков и др.). Непосредственно по финансовому праву первая защита магистерской диссертации состоялась в 1868 г. (В. А. Лебедев), а докторской диссертации – в 1871 г. (И. И. Патлаевский)⁴⁴. Всего до 1917 г. было защищено 13 докторских диссертаций по финансовому праву.

Подчеркнем, что нагрузка профессора юридического факультета обычно составляла 4–5 часов в неделю, много времени оставалось на научную работу. Кроме того, при содействии вуза можно было организовать зарубежную научную командировку или поездку по России с научной целью. Таким образом, условия для научной работы достаточно существенно отличаются от современной ситуации. К сожалению, в худшую сторону отличается и уровень подготовки современных аспирантов, как и уровень научных работ в целом. При этом не стоит идеализировать и дореволюционный период. В то время также немало было и ремесленников от науки, для которых научная работа заканчивалась защитой магистерской диссертации, а чтение лекций осуществлялось по «желтым листкам» своих давних записей. Однако среди героев этой книги таковых нет.

Напомним, что наука финансового права сформировалась в России только во второй половине XIX в. Зарождалась данная наука в лоне политической экономии, науки о финансах, отчасти даже государственного и полицейского права. На протяжении всего XIX столетия вопросы о соотношении науки финансового права, финансовой науки и политической экономии, соотношения финансового права и государственного, полицейского права разрешались неоднозначно. Шел процесс обособления, приобретения самостоятельного статуса наукой финансового права и учебной дисциплиной финансового права, имеющими свой предмет изучения и правового регулирования. В этот же период складывались и научные школы финансового права, как правило, на базе ведущих университетов. Но при этом с очевидностью прослеживается взаимообусловленность развития этих школ в едином процессе формирования российской школы финансового права. Особенно ярко процесс «самоопреде-

⁴⁴ См.: Кричевский Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Библиографический указатель. Ставрополь, 1998. С. 196–199. – Данные, приведенные на этих страницах о диссертациях по финансовому праву не совсем полные. В частности, нет указания на магистерские диссертации Н. Д. Силина (1914), П. Л. Кованько (1915), А. А. Алексеева (1917), докторскую диссертацию М. И. Фридмана (1916) и др.

ления» финансового права в тот период просматривается на примере издаваемых учебников по финансовому праву, поскольку они содержали авторское видение предмета и системы финансового права, о чем будет сказано ниже.

В качестве промежуточного вывода отметим, что российская школа финансового права, интегрированная в систему высшего, прежде всего университетского, юридического образования, в начале XX в. находилась на подъеме как по качественным, так и количественным показателям. В 1916 г. только на юридическом факультете Московского университета обучалось более 4 тыс. студентов, а общее число студентов-юристов в стране составляло, вероятно, около 20 тыс. человек. Советские вузы (даже с учетом невиданной ранее массовой заочной формы обучения) эту цифру смогли превзойти только во второй половине 40-х гг. XX в. Качественный уровень выпускников в целом соответствовал европейскому, а тщательный отбор и штучная подготовка магистрантов позволяли иметь научные кадры самого высокого уровня. Конец XIX – начало XX в. смело можно назвать «золотым веком» отечественной юридической науки, в том числе финансового права. К сожалению, впоследствии качественные показатели финансово-правовых исследований резко снизились, и в настоящее время даже о «серебряном веке» остается только мечтать.

Это не должно затушевывать и очевидные недостатки данного периода. Высшее образование по-прежнему оставалось монополией мужчин, за исключением женских вузов и части действовавших на общественных началах вузов со смешанным составом. Не были отменены ограничения на поступления в университеты выпускников духовных семинарий (кроме Дерптского и Варшавского университетов, а также Демидовского юридического лицея), оставалась квота на поступление евреев. В целом, политический режим с опаской относился к увеличению числа вузов и студентов, что приводило к искусственному сдерживанию их роста. Не редкостью было и прямое вмешательство политиков в дела вузов, что приводило к ряду кризисов. Наиболее яркий пример – увольнение из университетов в 1911 г. около 130 преподавателей (в том числе около четверти всей доцентуры и профессуры Московского университета) в знак несогласия с политикой тогдашнего министра народного просвещения Л. А. Кассо. кстати, в прошлом университетского профессора.

Первая русская революция и Первая мировая война негативным образом отразились на юридической школе и юридической науке. Попытки Временного правительства провести реформы в данной сфере были во многом блокированы продолжающейся войной, нарастающим социально-экономическим кризисом и дефицитом времени. Примечательно, что в его состав входили отметившиеся на ниве финансового права министры и товарищи министров А. И. Шингарев, М. В. Бернацкий, М. И. Фридман и др. Все они стали персонажами данной книги.

Выводы

1. Система высшего юридического образования в России начала формироваться в начале XIX в. В этот же период начинается преподавание курсов с элементами финансово-правовой проблематики. Оно осуществлялось либо в рамках политической экономии, либо автономно, как «права финансового» или «науки финансов». Организационно не предмет, не кафедры финансового права первоначально не выделялись. Впоследствии финансовое право преподавалось преимущественно на юридических факультетах университетов, в специализированных юридических вузах, в коммерческих институтах, система которых сложилась в начале XX в., а также на экономическом отделении Петербургского политехнического института. Однако проблема разграничения финансового права с финансовой наукой и политической экономией в досоветский период так и не была решена. Она остается дискуссионной, до некоторой степени, и в настоящее время.

2. Университетский Устав 1835 г. разделил преподавание предметов «политэкономия и статистика» и «законы о государственных повинностях и финансах». После этого они формально могли преподаваться на двух разных кафедрах в рамках юридических факультетов университетов, однако их четкого проблемного разграничения так и не произошло. Это положило начало формированию кафедр законов о государственных повинностях и финансах (в Московском университете – кафедра государственных податей). Эти кафедры можно считать предшественницами кафедр финансового права. На юридических факультетах Петербургского, Казанского и Харьковского университетов были учреждены также кафедры хозяйственных и камеральных наук, где одной из ведущих дисциплин стало финансовое право. Своеобразным камеральным факультетом Московского университета стал Демидовский лицей в Ярославле. На юридическом факультете Петербургского университета в 1843–1860 гг. имелся особый камеральный разряд, готовивший выпускников к «службе хозяйственной или административной». Центральными дисциплинами при этом стали финансовое законодательство и политическая экономия.

3. Университетский Устав 1863 г. зафиксировал замену преподавания «законов о государственных повинностях и финансах» на предмет «финансовое право». Это открыло путь к созданию кафедр с таким же названием первоначально в Московском, Казанском и Новороссийском университетах, однако это мало отразилось на их научной специализации и взаимодействии с кафедрами политэкономии и статистики. В соответствии с последним дореволюционным университетским Уставом 1884 г. все юридические факультеты должны были иметь кафедры финансового права. После этого нововведения университетские преподаватели стали переименовывать свои дисциплины, курсы сообразно названию той кафедры, которую они занимали, – финансовое право. Такая ситуация сохранилась до завершения досоветского периода.

4. К 1917 г. была создана достаточно стройная и эффективная система подготовки преподавательских и научных кадров, в том числе по финансовому праву. Она включала в себя оставление лучших выпускников на два года для «усовершенствования в науках и подготовки к профессорскому званию» при соответствующих кафедрах. Затем предполагались сдача магистерских экзаменов, защита магистерской и докторской диссертаций, а также зарубежные командировки в лучшие европейские университеты и научные библиотеки, а равно научные поездки по стране. Широта и межотраслевой характер изучения проблем финансового права приводил к тому, что специалисты в данной сфере защищали магистерские и докторские диссертации по различным наукам, в частности политической экономии и полицейскому праву. Непосредственно по финансовому праву первая защита магистерской диссертации состоялась в 1868 г. (В. А. Лебедев), а докторской диссертации – в 1871 г. (И. И. Патлаевский).

2.2. Советский период: взлеты и падения

Общей литературы по истории советского образования достаточно много, однако в большинстве своем она была подготовлена в 50–70-х гг. XX в. со всеми вытекающими последствиями⁴⁵. Несколько беднее литература по истории советского юридического образования и отдельных юридических вузов⁴⁶. Однако ее наличие позволяет воссоздать общую

⁴⁵ См.: Бутягин А. С., Салтанов Ю. А. Университетское образование в СССР. М., 1957; Высшая школа СССР за 50 лет / Под ред. В. П. Елютина. М., 1967; Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. Сб. М., 1979; Чанбарисов Ч. Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938). Уфа, 1973 и др.

⁴⁶ См.: Московская государственная юридическая академия. 1931–2006. М., 2006; Свердловский юридический институт. 50 лет. 1931–1981. Свердловск, 1981; Смыкалин А. С. Юридическое образование в СССР и Российской Федерации: исторический аспект // Юридическое образование и наука. 2000. № 2. С. 41–43; Очерки по истории юридических научных

канву его развития. Тем не менее можно констатировать, что история советской высшей юридической школы еще ждет своих исследователей.

Надо отметить, что естественное и техническое образование, несмотря на все пережитые катаклизмы первой половины XX в., смогло в советский период сохранить свои традиции и даже их приумножить. К сожалению, этого нельзя сказать о юридическом образовании. Начнем с того, что отношение новой власти к юристам было сугубо отрицательным, ибо они считались наиболее преданными «слугами самодержавия», стержнем старого государственного аппарата. Широкое распространение получила фраза А. Бебеля о том, что «юристы – самые реакционные люди». С легкой руки В. И. Ленина адвокаты определялись как «либеральная сволочь», а их, как и всех юристов, предлагалось взять в «ежовые рукавицы». В связи с этим победившие большевики изначально планировали не реформировать, а сломать всю старую систему подготовки юридических кадров, к чему они и приступили при первой возможности.

В «Известиях ЦИК РСФСР» от 26 декабря 1918 г. было напечатано следующее сообщение: «Ввиду полной устарелости учебных планов юридического факультета и несоответствия их новым запросам жизни народный комиссариат по просвещению постановил упразднить юридические факультеты и закрыть все отпущенные на них кредиты с 15 января 1919 г.»⁴⁷.

Симптоматичным стало возражение на это видного юриста, последнего ректора Демидовского юридического лицея и первого ректора Ярославского университета В. Н. Ширяева (1872–1937). Он писал: «Юридические факультеты до сих пор были главными рассадниками для подготовки деятелей в общественно-административной и главным образом в судебной отраслях; для этих отраслей деятельности юристы являлись наиболее пригодными по своей научной подготовке. Теперь эта подготовка признается устарелой и не соответствующей запросам жизни. Признается устаревшей и не соответствующей новым запросам жизни вся существовавшая до сих пор система юридического образования»⁴⁸. Являясь воспитанником и активным деятелем дореволюционной юридической школы, ученый сохраняет к ней высокое уважение. Но если новые деятели, полагает автор, усматривают в старой системе юридического образования какие-то серьезные изъяны, то вопрос надо ставить о ее разумном формировании в соответствии с новыми запросами жизни, а не об упразднении как таковой, что граничит с безразсудством.

При этом старая система явочным порядком начала разрушаться уже с 1 октября 1918 г., когда Декретом СНК РСФСР были упразднены все ученые степени и звания, кроме званий профессора и преподавателя, причем по существу без всяких формальных требований для их замещения. «Подготовка к занятию профессорской должности» (аспирантура) также была отменена. Одновременно были ликвидированы или преобразованы в государственные все бывшие негосударственные вузы. Так, в здании крупнейшего Московского городского университета им. А. Л. Шияевского, закрытого в конце 1918 г., разместился Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, а затем оно отошло Высшей партийной школе при ЦК КПСС, в которых юридических факультетов или отделений, естественно, не было.

Впрочем, начиналось все достаточно радужно. Единовременно были отменены все сословные и национальные пережитки (в том числе квоты на поступление евреев в университеты), женщины получили равные образовательные права с мужчинами, высшее образование стало бесплатным, для лиц с низшим образованием в 1919 г. были организованы

учреждений СССР / Под ред. В. М. Курицына и А. Ф. Шебанова. М., 1976; *Шебанов А. Ф.* Юридические высшие учебные заведения. М., 1963 и др.

⁴⁷ Известия ЦИК РСФСР. 1918. № 284 (548).

⁴⁸ *Ширяев В. Н.* Вопросы правотворчества и суда в Советской России // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. 1918–1919. Ярославль, 1920. С. 3.

рабочие факультеты. Искусственно сдерживаемый ранее рост числа вузов и студентов был преодолен, и только в 1918–1920 гг. было образовано 15 новых университетов. Так, на базе Демидовского юридического лица формируется Ярославский государственный университет (1918), начинают функционировать Азербайджанский (Баку) (1919), Воронежский (1918), Дальневосточный (Владивосток) (1920), Иркутский (1918) университеты. Императорский Московский университет был поименован 1-м Московским государственным университетом. До 1930 г. существовал и 2-й МГУ (без юридического факультета), из которого затем было выделено три отдельных института.

Относительно автономное руководство советской Украины пошло своим путем, и уже в 1920–1921 гг. на базе Киевского, Одесского (бывшего Новороссийского) и Харьковского университетов было создано несколько узкопрофильных институтов. Однако юридический институт был выделен только из состава Харьковского университета. Одновременно в этих городах создаются институты народного хозяйства, сформированные преимущественно на базе бывших коммерческих институтов, в которых были правовые отделения (факультеты). Эти отделения в 20-х гг. стали основными центрами подготовки юристов на Украине. Кроме того, юридические отделения этих институтов в начале 30-х гг. готовили выпускников по довольно экзотической специальности «юрист-экономист». Забегая вперед, отметим, что вышеназванные украинские университеты были воссозданы только в 1932 г., однако первоначально без юридических факультетов.

При этом даже открытие университетов приурочивалось к юбилею Октябрьской революции 1917 г. и сопровождалось ритуальными политическими закликаниями⁴⁹. Разнобой в учебных программах и зависимость читаемых курсов от персонального состава преподавателей не позволяют сделать глобального обобщения. Однако на конец 1918 г. на большинстве юридических факультетов преподавалась наука о финансах и политэкономия, существенно реже читалось финансовое право. В большинстве университетов сохранились кафедры науки о финансах, но кафедры финансового права были ликвидированы.

Фактическая ликвидация юридических факультетов началась уже в конце 1918 г., однако любой власти были нужны знающие администраторы. Это предопределило решение Коллегии Наркомпроса РСФСР в марте 1919 г. о создании факультетов общественных наук (ФОН), Положение о которых тогда же и было утверждено⁵⁰. ФОНы должны были заменить юридические факультеты и исторические отделения историко-филологических факультетов университетов. Они были призваны готовить «революционно-советские» кадры для нового правоохранительного и управленческого аппарата. Естественно, это предполагало замену старых преподавательских кадров на новые, советские, которых первоначально взять было негде. Новые факультеты общественных наук в разных университетах были созданы в конце 1919 – середине 1920 г. Определенную автономию в рамках ФОНа юристы сохранили, имея свое правовое (политико-юридическое) отделение во главе с деканом. Немаловажно и то, что были созданы экономические (социально-экономические) отделения, ставшие прообразами экономических факультетов, где также преподавалась наука о финансах и ряд других финансовых дисциплин. Выпуски осуществлялись по мере сдачи установленного перечня экзаменов и зачетов, а с 1923 г. вводились государственные испытания (экзамены) для выпускников. Отметим, что с 1919 по 1924 г. финансовое право в качестве отдельной учебной дисциплины не преподавалось, однако на некоторых правовых отделениях ФОНов читались спецкурсы по бюджетному праву, а наука о финансах преподавалась на экономических отделениях.

⁴⁹ См.: Декрет СНК РСФСР от 21 января 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 21.

⁵⁰ Сборник декретов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 11. М., 1920. С. 16.

При этом допуск к обучению всех желающих независимо от предварительной подготовки (кроме «классово чуждых элементов») в условиях острого недостатка преподавательского состава, да еще в условиях Гражданской войны, практически парализовал учебный процесс. Тем не менее после ее завершения В. И. Ленин сделал вывод, что «старая профессура» (а другой не было) не воспитывает, а «развращает» молодежь, обучая ее «старому буржуазному хламу», и этому «разврату» надо положить конец⁵¹. Второй стороной этого процесса стали сословные и классовые ограничения на получение образования. Сначала они касались детей представителей «бывших господствующих классов» (капиталистов, помещиков, священников, офицеров), затем – кулаков, «врагов народа», представителей «подозрительных» национальностей и др. Формально они были отменены во второй половине 30-х гг., но реально просуществовали до середины 50-х гг., а в более мягкой форме сопутствовали всему советскому периоду.

Процесс свертывания юридического образования совпал с введением режима жесткой экономии в период нэпа и «общим урегулированием сети высших учебных заведений». Отметим, что профессора, да и студенты-юристы, постоянно находились под угрозой сокращения и их не покидало чувство неуверенности в завтрашнем дне. Свои «буревестники революции» находились и в рядах самой университетской профессуры. Самым ярким из них стал А. Г. Гойхбарг (1883–1962), бывший в 1922–1925 гг. заведующим кафедрой гражданского права и деканом правового отделения 1-го МГУ⁵².

По его мнению, «с окончательным упрочением коллективизма исчезнет не только гражданское право, но и право вообще», и оно будет заменено «планомерной организацией»⁵³. По сути, это вело к отрицанию права и замене его непосредственным государственным и судебским усмотрением⁵⁴. Впоследствии он дошел до того, что открыл еще один «опиум для народа». А. Г. Гойхбарг писал: «...право есть еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа»⁵⁵.

Идея о ликвидации юридических отделений и ФОНов в целом была реанимирована в начале 1922 г., но в более широком контексте и в связи с общим сокращением сети вузов. Это соответствовало и общей стратегии по свертыванию системы широкого университетского образования и перехода к узкотехнической подготовке специалистов. Отсюда уменьшение числа университетов и рост численности профильных институтов: педагогических, сельскохозяйственных, индустриальных и др. В 1922–1925 гг. было принято решение о ликвидации ФОНов университетов (сначала Томск, Саратов, после Ленинград, Москва и остальные), а затем и некоторых университетов в целом. Такая судьба постигла, в частности, Ярославский и Северо-Кавказский (Ростовский) госуниверситеты. Хотя на базе последнего, среди прочих, открывается Финансово-экономический институт. Таким образом, подготовка юристов к 1925 г. сосредоточилась в небольшом числе факультетов права и хозяйства (с правовым отделением) или на факультетах советского права (строительства и права) университетов, прежде всего Московского и Ленинградского, которые выделились из ФОНов. С 1927 г. при 1-м МГУ впервые начало вводиться заочное обучение. Экономические отделения ФОНов после ликвидации последних были либо упразднены, либо слиты с экономическими отделениями других вузов. Так, экономическое отделение ФОНа Ленинградского университета в

⁵¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 52.

⁵² О нем см.: Лушников А.М., Лушникова М. В. Российская школа трудового права и права социального обеспечения: В 2 т. Т. 1. Ярославль, 2010. С. 368–374.

⁵³ Гойхбарг А. Г. Пролетариат и право. М., 1919. С. 6, 36, 37.

⁵⁴ Гойхбарг А. Г. Хозяйственное право РСФСР. М., 1923. С. 53.

⁵⁵ Гойхбарг А. Г. Основы частного имущественного права. М., 1924. С. 8.

1924 г. было слито с экономическим факультетом Ленинградского политехнического института.

Однако отмена прежнего финансового законодательства и необходимость формирования нового дали для науки финансового права неожиданный и позитивный эффект. Если раньше ученые-финансисты не всегда активно включались в экспертную и консультативную деятельность, изучали узкоприкладные или теоретические проблемы, то в условиях правового вакуума сложилась обратная ситуация. Многие ученые старой школы существенно интенсивнее, чем ранее, занялись именно финансовым законодательством, что привело и к некоторой «юридизации» изучения всех финансовых проблем. Этим объясняется и определенное изменение направления научных исследований ряда ученых, достигших значительных научных высот в различных сферах экономики и права в дореволюционный период. Именно в советскую эпоху они вплотную занялись проблемами финансового права (В. В. Святловский, И. М. Кулишер, С. А. Котляревский, М. Д. Загряцков и др.), которое сначала было менее политизированным, чем государственное или административное право, а также политэкономию.

Одновременно происходили и некоторые другие позитивные изменения. Так, с 1925/26 учебного года возобновилось преподавание финансового права в качестве отдельной учебной дисциплины, и такая практика сохранилась до 1929–1930 учебного года. После ликвидации ФОНов специальные финансовые отделения были открыты при Ленинградском политехническом институте, Московском и Ленинградском институтах народного хозяйства и Московском промышленно-экономическом институте. В 1925 г. проведен пятый набор на Центральные финансовые курсы (г. Москва) (300 человек), причем с 1926 г. набор на эти курсы должен был проводиться и в Ленинграде (еще 200 человек).

Кроме того, по инициативе Г. Я. Сокольникова (о нем см. далее) в 1921 г. создается Финансово-экономическое бюро Народного комиссариата финансов (Наркомфина, НКФ) РСФСР, в рамках которого функционировал Институт экономических исследований (ИЭИ) (создан в середине 1919 г.) со специальной финансовой секцией. Институт стал органом разработки финансово-экономических вопросов, в котором подвергались предварительному обсуждению основные проблемы финансового хозяйства страны, а также законопроекты по этой части. В этом он был похож на Ученый комитет царского Министерства финансов. ИЭИ должен был выполнять: 1) программы, выработанные по соглашению с НКФ, Госбанком и Госстрахом; 2) задания коллегии НКФ и ее отдельных членов; 3) отдельные поручения управления НКФ, Госбанка и Госстраха⁵⁶.

Впоследствии было создано и Ленинградское отделение института. С Институтом экономических исследований сотрудничали такие авторитетные специалисты старой финансовой школы, как: М. И. Боголепов, А. И. Буковецкий, П. П. Гензель, В. Я. Железнов, К. Я. Загорский, М. Д. Загряцков, С. А. Котляревский, И. М. Кулишер, И. Х. Озеров, М. А. Сиринов, М. Н. Соболев, А. А. Соколов, Л. Н. Яснопольский и др. С ними мы еще встретимся на страницах этой книги. С уходом Г. Я. Сокольникова в 1926 г. с поста наркома финансов СССР окончилась и история Института, закрытого в 1927 г.

С 1925 г. для подготовки научных кадров были открыты аспирантуры. Впрочем, число аспирантов-юристов к началу 40-х гг. не превышало 300, что сопоставимо с дореволюционными показателями числа «оставленных для подготовки к профессорскому званию», а в 1946 г. их было всего около 100. Начала формироваться система научных юридических учреждений. В 1923 г. основана Секция советского строительства Коммунистической академии, а в 1925 г. на ее базе формируется Институт советского строительства. В 1936 г. последний был включен в систему Академии наук СССР (АН СССР) и с 1959 г. именуется Институ-

⁵⁶ Подробнее об ИЭИ см.: Народный комиссариат финансов. 1917. 7 ноября (25 октября). 1922. М., 1922. С. 186–208.

том государства и права АН СССР (ИГПАН), ныне – ИГП Российской академии наук (ИГП РАН). В 1925 г. создается Государственный институт по изучению преступности и преступника (с 1931 г. – Государственный институт по изучению преступности, с 1933 г. – Институт уголовной и исправительно-трудовой политики). Затем он расширяет профиль и в 1936 г. переформируется во Всесоюзный институт юридических наук (ВИЮН), с 1963 г. – Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства (ВНИИСЗ), с 1988 г. – Всесоюзный научно-исследовательский институт советского государственного строительства и законодательства. С 1991 г. он переименовывается в Институт законодательства и сравнительного правоведения при Верховном Совете РСФСР, а с 1993 г. – в Институт законодательства и сравнительного правоведения (ИЗ и СП) при Правительстве РФ. На базе экономической секции Коммунистической академии в 1930 г. формируется Институт экономики, находящийся с 1936 г. в ведении АН СССР. С 30-х гг. функционировал еще ряд исследовательских учреждений, в частности Научно-исследовательский институт финансов. Напомним, что в 1924–1930 гг. действовала Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН), в рамках которой работал еще один Институт экономики и вышеназванный Институт советского строительства.

С 1934 г. начала восстанавливаться система научных должностей и званий, которая к началу 40-х гг. приняла форму, сохранившуюся до недавнего времени. Это преподаватель (ассистент), старший преподаватель, доцент, профессор. Ученые степени составили двоичную систему: кандидат наук – доктор наук, а сами защиты на их соискание стали осуществляться с 1938 г.

Финансово-правовая специализация до 90-х гг. не выделялась из административного права, а в рамках экономической науки с 1939 г. защищались диссертации по финансам, денежному обращению и кредиту⁵⁷. Даже в первых из них наличествует финансово-правовая составляющая. Так, А. И. Буковецкий и Н. Н. Ровинский (о них см. далее) защитили докторские диссертации в 1940 г., соответственно, на темы: «Финансовые взаимоотношения Турции и России» и «Государственный бюджет СССР». В изучение проблем финансовых учреждений свою лепту внесли и цивилисты. Так, в 1944 г. Р.О. Халфина (1909–1998) защитила кандидатскую диссертацию «Правовое положение государственного банка СССР». С 1937 г. были заново введены госэкзамены, а рабочие учебные планы приобрели относительную стабильность.

Параллельно с начала 30-х гг. активизировались своеобразные процессы концентрации и специализации экономического и юридического образования, связанного с изучением финансовых дисциплин. В 1930–1931 гг. создается сеть финансово-экономических институтов, наиболее крупные из которых открыты в Москве, Ленинграде, Казани, а также в Ростове-на-Дону, Харькове, Саратове, Иркутске, Ташкенте, формируется Всесоюзный заочный финансово-экономический институт в основном с 3–4-годовичным сроком обучения. В Москве и Ленинграде формируются плановые институты. Отчасти это была реакция государства на отчаянное состояние, сложившееся с кадрами профессиональных финансистов. Так, на конец 1925 г. из почти 18 тыс. работников средней и высшей квалификации от помощника фининспектора и выше только чуть больше 3 тыс. человек имели высшее образование, а у 12 тыс. не было даже систематической низшей подготовки. При ежегодной потребности в 500–600 финансистов вузы выпускали только около 100, что непрерывно ухудшало и без того низкие качественные показатели. Выпускники правовых отделений в это число входили крайне редко⁵⁸.

⁵⁷ См.: Диссертации по финансам, денежному обращению, кредиту, бухгалтерскому учету и анализу хозяйственной деятельности, защищенные на ученую степень доктора и кандидата экономических наук с 1939 по 1961 г. Библиографический указатель. М., 1962.

⁵⁸ См.: Бекаревич А. Низкая квалификация финансовых инспекторов // Финансовая газета. 1925. 22 октября; Черный

На 30-е гг. пришлось педагогические эксперименты: и без того короткий срок обучения был дополнен коллективным заучиванием и мудреным «лабораторным методом». По сути, знания большинство студентов получали в результате преимущественно самостоятельной работы. В этот же период развернулась борьба с разного рода «уклонистами» от линии партии, что не прибавляло времени на учебу. Бывали случаи, когда парткомы принимали решения о роспуске целых кафедр во главе с беспартийными профессорами. Таким образом, студенты-коммунисты могли «чистить» кадровый состав и определять структуру кафедр.

Вот как об этом писал А. Г. Зверев, студент Московского финансово-экономического института (МФЭИ) в 1930–1933 гг., а впоследствии многолетний нарком (министр финансов) СССР: «Некоторые ученые-экономисты являлись в прошлом акционерами или прямыми совладельцами различных фирм и предприятий. Им была присуща своя система взглядов на народное хозяйство... Это столкновение разных точек зрения приводило к резкой критике сохранившихся еще в нашей экономической науке пережитков прежних взглядов. В дискуссионной литературе бытовали особые термины: юровщина, соколовщина, озеровщина»⁵⁹. У А. Г. Зверева такая постановка вопроса не вызывает никаких сомнений, и он добавляет: «Взгляды сторонников этих теоретиков в конце 20-х годов проникли в вузовские учебники, пособия и лекции. Стояла, однако, задача не только всесторонне разработать в противовес им теорию социалистических финансов, но и правильно обучить практиков финансового дела... С этой целью была организована сеть финансово-экономических институтов и курсов»⁶⁰.

Получается, что и финансово-экономические институты были организованы в противовес университетам, где «окопались специалисты буржуазного типа». Суждение достаточно странное, но не оригинальное. Примечательно и то, что в своих мемуарах А. Г. Зверев не назвал ни одной фамилии преподавателей МФЭИ, хотя среди них были не только будущие «враги народа», но и его будущие товарищи по Наркомату финансов – В. П. Дьяченко, Н. Н. Ровинский и К. Н. Плотников. Впоследствии в Ленинградском госуниверситете (ЛГУ) в 1939 г. на базе исторического факультета создается первое в СССР отделение политической экономии, преобразованное в 1940 г. в политико-экономический факультет ЛГУ. Это положило начало восстановлению экономического университетского образования. Погоня за количественным ростом кадров привела к таким экзотическим мерам, как решения о создании во второй половине 30-х гг. Ленинградских педагогического финансово-экономического и учетно-экономического институтов или финансового факультета при Московском институте кооперативной торговли.

Постановлением ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров советского строительства»⁶¹ из состава университетов были выведены факультеты советского права. На их базе создавались институты советского права и институты советского строительства в Москве, Ленинграде, Саратове, Казани, Иркутске (в 1934 г. переведен в Свердловск) и др. Все они передавались в ведение Наркомата юстиции РСФСР и имели трехлетний (с 1934 г. – четырехлетний) курс обучения. План их набора составлял 1490 человек, что сопоставимо с наборами только Московского и Петербургского университетов в дореволюционный период. Институты советского права в 1936–1937 гг. были преобразованы в юридические институты. Примечательно, что на базе факультета советского строительства и права МГУ было создано сразу два института: Московский институт советского права и Московский институт советского строительства. Первый из них

Г.: 1) О типе специалистов-экономистов, необходимых Наркомфину, и о порядке их подготовки // Финансовая газета. 1925. 28 ноября; 2) Вопросы финансово-экономического образования // Финансовая газета. 1926. 28 апреля.

⁵⁹ Зверев А. Г. Записки министра. М., 1973. С. 117–118.

⁶⁰ Там же. С. 118.

⁶¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1931. № 29. Ст. 261.

в 1937 г. преобразуется в Московский юридический институт, второй в том же году реорганизован в Институт государственного права и государственного управления, а в 1938 г. – в Юридический институт Прокуратуры СССР. Наконец, в 1941 г. оба института были объединены в один Московский юридический институт.

К середине 40-х гг. юридические институты были также в Минске, Алма-Ате, Харькове и Ташкенте. В 1931 г. на базе Московского института советского права создаются Центральные заочные курсы советского права (с 1933 г. – Центральный заочный институт советского права, с 1935 г. – Центральный заочный правовой институт) с рядом консультационных пунктов в других городах. С 1937 г. он именуется Всесоюзным юридическим заочным институтом (ВЮЗИ), обучавшим около 6 тыс. студентов в заочных отделениях и секторах по всей стране. После некоторой трансформации ВЮЗИ был преобразован в 1994 г. в существующую ныне Московскую государственную юридическую академию.

Заочное образование на многие годы стало численно преобладающим в советской системе высшего юридического образования, хотя было весьма проблематичным в ходе коротких сессий за 3–4 года из практического работника с образованием, как правило, ниже 7 классов подготовить хорошего специалиста. Ситуация усугублялась тем, что до начала 50-х гг. даже на заочных отделениях более половины от общего числа учебных часов отводилось на марксистско-ленинскую подготовку. При этом во второй половине 40-х гг. в большинстве вузов имелось по 1–2 профессора-юриста, а полный комплект профессоров и доцентов был только в юридических институтах и на юридических факультетах Москвы, Ленинграда и Харькова.

Юридический факультет МГУ был восстановлен в 1942 г., а ЛГУ – в 1944 г. Соответственно, Московский и Ленинградский юридические институты влились в составы этих факультетов в 1954 г. Тогда же и другие юридические институты вернулись в качестве факультетов в состав своих университетов (Казанского, Ташкентского, Казахского, Белорусского). Самостоятельность сохранили Саратовский и Свердловский (ныне – Саратовская и Екатеринбургская государственные юридические академии), а также Харьковский юридические институты. На начало 1946 г. в стране было всего 9 юридических институтов и 10 юридических факультетов университетов с числом учащихся около 9 тыс., что было катастрофически мало.

Отметим, что с 1946 г. система юридического образования стала развиваться более рационально, без «революционных» шахаханий из стороны в сторону. Это было связано, в частности, с осознанием почти полного провала ставки на ускоренные темпы подготовки юридических кадров на краткосрочных курсах, зачастую заочных. Высшее юридическое образование, в значительной части заочное, в то время имели не более 20 % прокурорских работников и судейского корпуса, не говоря уже о следственном аппарате и милиции. Дореволюционная высшая юридическая школа не только оказалась качественно лучше, но и даже количественно превосходила советскую. Отчасти началу позитивных изменений положило Постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране»⁶².

К середине 50-х гг. сложилась относительно стройная система высшего юридического образования, сохранившаяся до конца советского периода. В специальных юридических институтах, прежде всего Свердловском, Саратовском и Харьковском, на 4-годичных курсах готовили преимущественно будущих работников прокуратуры и правоохранительных органов. Заочное образование концентрировалось в ВЮЗИ, а срок обучения увеличился до 4–6 лет. В университеты были возвращены юридические факультеты (например, в Ростовский в 1947 г.). Они имели 5-летний (6-летний на вечернем отделении) курс обучения. В

⁶² Подробнее о нем см.: Краковский К. П. Нить времени. Ч. 2. В 2 т. Т. 2. Ростов н/Д, 2005. С. 8–16.

новых университетах юрфаки, как правило, были изначально (Киргизский (1951), Башкирский и Дагестанский (1957)). К концу советского периода юридическое образование давали 52 юридических факультета университетов и специализированных юридических вуза с учетом филиалов. Для справки: в начале 2012 г. это число составляет около 1300.

Все эти перипетии имеют прямое отношение к заявленной нами теме. Можно констатировать, что школа финансового права, как, впрочем, вся финансовая и юридическая наука, а также соответствующее образование в советский период переживали перманентный кризис. Этот сюжет требует отдельного рассмотрения, но то, что финансовое право «растворялось» то в государственном, то в административном праве, очевидно. Этому способствовало и то, что значительная часть государственных доходов в то время имела неналоговый характер (продразверстки, реквизиции, конфискации, принудительные займы и др.). С 1930–1931 по 1938–1939 учебный год финансовое право в юридических вузах не преподавалось, т. е. его официально просто не существовало ни в качестве учебной дисциплины, ни в качестве науки. С 1938–1939 гг. формально возобновилось его преподавание, что ознаменовалось принятием соответствующей Программы курса в 1938 г. До этого государственное право традиционно делилось на государственное право в широком и узком смысле, причем финансовые правоотношения в этом контексте относились именно к государственно-правовым в широком смысле. От такого деления секция государственного права Института права АН СССР отказалась только в 1939 г.⁶³

При этом относительно сбалансированная Программа по советскому финансовому праву была утверждена только в 1940 г.⁶⁴ Однако даже в ней говорилось о «государственно-правовом характере советских финансовых правоотношений» (п. 2). Это положение подверг критике известный отечественный цивилист В. К. Райхер, последовательный сторонник самостоятельности отрасли и науки финансового права. Он констатировал в 1940 г.: «Наука советского финансового права является одной из самых юных наук в системе высшего юридического образования... Еще не издано ни учебника по финансовому праву, ни хотя бы учебного пособия, охватывающего сколько-нибудь широкий круг финансовых институтов»⁶⁵. Примечательно, что первый учебник по советскому финансовому праву был опубликован в том же 1940 г., а одним из его соавторов был В. К. Райхер, о чем будет сказано в дальнейшем. До середины 50-х гг. велась своеобразная «борьба за выживание» этой науки и научной дисциплины. При этом в литературе обоснованно утверждалось о том, что финансового права как самостоятельной отрасли определенный период времени не существовало⁶⁶.

Значительная часть видных ученых-финансистов в 30-е гг. были репрессированы, а оставшиеся в живых были лишены права преподавания. Разбалансированное в ходе экономической штурмовщины первых пятилеток финансовое хозяйство представляло собой сомнительный объект изучения в контексте финансового права. Достаточно сказать, что до 1941 г. государственный бюджет СССР включал в себя только средства союзного бюджета и бюджетов союзных республик, и только с этого времени стали включаться и средства местных бюджетов. Примечательно, что в ходе первой дискуссии о системе советского права (1938–1940) неоднократно высказывались мнения о том, что самостоятельной отрасли

⁶³ См.: Советское государство и право. 1939. № 3. С. 43 (прим.).

⁶⁴ См.: Программа по советскому финансовому праву для юридических высших учебных заведений. Разработана секцией финансового права Института права Академии наук СССР. М., 1940.

⁶⁵ Райхер В. Рец.: Программа по советскому финансовому праву для юридических высших учебных заведений // Советское государство и право. 1940. № 4. С. 115–117.

⁶⁶ См.: Халфина Р.О. К вопросу о предмете и системе советского финансового права // Вопросы советского административного и финансового права. Сб. М., 1952. С. 195.

финансового права не существует⁶⁷, хотя официально с 1941 г. Академия наук СССР признала финансовое право самостоятельной отраслью.

Совсем не случайно в 30-е гг. специалистов в области финансов перестали готовить на юридических и экономических факультетах университетов, и в массовом порядке создавались юридические и финансово-экономические институты, о чем уже упоминалось выше. Эти институты напрямую подчинялись, соответственно, Наркоматам юстиции и финансов СССР, а образование в них давалось узкоспециальное и даже утилитарное. Стране, как тогда считалось, нужны были напористые налоговые инспекторы и политически грамотные бухгалтеры, но никак не специалисты финансового права с фундаментальной университетской подготовкой. Финансовое право при этом, как уже указывалось, в 30-х гг. отдельно не преподавалось, а в дальнейшем занимало, мягко говоря, не самое важное место. Оно преподавалось на кафедрах под витиеватым названием «советское строительство, административное и финансовое право» (с начала 40-х гг.), а затем – «административное и финансовое право».

Некоторое оживление интереса к проблематике финансового права в 50-х гг. XX в. очевидно. Однако оно не привело к началу «золотых годов» финансового права, даже в его советском варианте, как об этом иногда указывается в литературе⁶⁸. Более того, некоторые теоретики права, в том числе С. С. Алексеев, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, до начала 60-х гг. отказывали в существовании финансовому праву как самостоятельной отрасли права⁶⁹.

И дело здесь не в количестве или качестве ученых-финансистов. Напротив, ученые того периода работали даже в более сложных интеллектуальных и организационных условиях, чем их российские предшественники. Их вклад в отраслевую науку достоин всяческого уважения и благодарности. При этом надо помнить, что потребность в финансовом праве всегда сопряжена хотя бы с элементами рыночной экономики, запросом на «тонкую настройку» хозяйственного механизма, относительно справедливое перераспределение средств, балансировку расходов и доходов. В советский же период при тотальной государственной собственности на средства производства государственные предприятия как плательщики налогов в идеологических эмпириях едва ли не совпадали с государством – сборщиком налогов, одновременно формировавшим и расходовавшим бюджеты всех уровней. Кроме того, в начале 60-х гг. отменяются налоги на доходы физических лиц, а значительная часть доходов по-прежнему продолжает иметь неналоговый характер. Это позволило повторно реанимировать идею о полной ликвидации налогов⁷⁰. Если сюда добавить крайнюю идеологизированность и узость интеллектуальной свободы, то можно констатировать следующее. Во второй половине XX в. советские ученые относительно активно исследовали проблемы финансового права, однако их возможности были сильно ограничены в силу как объективных, так и субъективных причин.

Осознание важности финансового права произошло уже в постсоветский период, а отдельные кафедры финансового права в юридических вузах начали функционировать с середины 90-х гг. К тому же бурная революционная эпоха явно не способствовала активизации научных изысканий. Постоянные войны, политические дискуссии, идеологическая

⁶⁷ См., например: *Агарков М. М.* Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 63.

⁶⁸ История финансового законодательства России/Под ред. И. В. Рукавишниковой. М., 2003. С. 6.

⁶⁹ См.: *Алексеев С. С.* Общие теоретические проблемы системы права. М., 1961. С. 32–33; *Шаргородский С. С., Иоффе О. С.* О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 106–110 и др. – С. С. Алексеев свое отношение к самостоятельности отрасли финансового права окончательно изменил только в 70-х гг. (см.: *Проблемы теории права*. Т. 1. Свердловск, 1972 // *Алексеев С. С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 148–149 и др.).

⁷⁰ См.: *Акимов А. Л.* Общество без налогов (Об отмене налогов). Л., 1961; *Аллахвердян Д. А.* Государство без налогов. М., 1960; *Хрущев Н. С.* Об отмене налогов с рабочих и служащих. М., 1960 и др.

травля, перерастающая в репрессии, сформировали новый тип советского ученого. Он отличался не только классическими качествами, присущими научному работнику, но и политическим чутьем к «колебаниям линии партии». В 30–50-х гг. это был вопрос физического выживания, а в дальнейшем он во многом определял научную и административную карьеру.

Марксистская идеология оказала существенное влияние на процесс развития отрасли и науки советского финансового права, о чем будет сказано отдельно. Было бы явным преувеличением, как это делалось в советский период, связывать формирование «подлинной, истинно научной» науки финансового права именно с марксизмом-ленинизмом и с советской научной школой. Другой крайностью было бы полное отрицание или односторонне негативная оценка влияния данной идеологии на изучение финансово-правовой проблематики. К этой проблеме мы еще вернемся на страницах данной книги.

Выводы

1. Система советского высшего юридического образования, как и преподавание финансового права, в первые 30 лет своего существования находились в состоянии перманентного реформирования. Еще в конце 1918 г. на большинстве юридических факультетов преподавалась только наука о финансах и политэкономия. В большинстве университетов сохранились кафедры науки о финансах, однако кафедры финансового права были ликвидированы. Юридические факультеты стали закрываться в конце 1918 г., а в марте 1919 г. принимается решение о создании факультетов общественных наук (ФОН). Определенную автономию в рамках ФОНа юристы сохранили, имея свое правовое (политико-юридическое) отделение во главе с деканом. Немаловажно и то, что были созданы экономические (социально-экономические) отделения ФОНов, ставшие прообразами экономических факультетов, где также преподавалась наука о финансах и ряд других финансовых дисциплин. Система подготовки научных кадров ликвидируется в 1918 г. (начала восстанавливаться в 1925 г.), упраздненная система научных степеней и званий реанимируется с 1934 г., а в полном объеме – только к началу 40-х гг.

2. В начале 20-х гг. XX в. был взят курс на уменьшение числа университетов и рост численности профильных институтов: педагогических, сельскохозяйственных, промышленных и др. В 1922–1925 гг. были ликвидированы ФОНы университетов. Таким образом, подготовка юристов к 1925 г. сосредоточилась в небольшом числе факультетов права и хозяйства (с правовым отделением) или на факультетах советского права (строительства и права) университетов, прежде всего Московском и Ленинградском. Экономические отделения ФОНов после ликвидации последних были либо упразднены, либо слиты с экономическими отделениями других вузов. В начале 30-х гг. они послужили базой создания финансово-экономических институтов.

3. В 1931 г. из состава университетов были выведены факультеты советского права, а на их базе созданы институты советского права и институты советского строительства. Все они передавались в ведение Наркомата юстиции РСФСР. Институты советского права в 1936–1937 гг. были преобразованы в юридические институты. В стране на начало 1946 г. насчитывалось 9 юридических институтов и 10 юридических факультетов университетов с числом учащихся около 9 тыс., что было катастрофически мало.

4. С 1946 г. система юридического образования стала развиваться более рационально. В 1954 г. большинство юридических институтов влились в юридические факультеты университетов, а система высшего юридического образования приобрела очертания, сохранившиеся до конца советского периода.

5. Школа финансового права, как, впрочем, вся финансовая и юридическая наука, а также соответствующее образование в советский период переживали периодические кри-

зисы. Финансовое право во многом утратило самостоятельность, «растворялось» то в государственном, то в административном праве. С 1931 по 1939 г. финансового права официально просто не существовало ни в качестве учебной дисциплины, ни в качестве науки, а до середины 50-х гг. велась своеобразная «борьба за выживание». Впоследствии оно преподавалось на кафедре «советское строительство, административное и финансовое право» (с конца 40-х гг.), а затем – «административное и финансовое право» (с середины 70-х гг.).

6. Осознание важности финансового права произошло уже в постсоветский период, а отдельные кафедры финансового права в юридических вузах начали функционировать с середины 90-х гг.

Раздел 2

Наука финансового права на службе государству: российские государственные деятели и развитие науки финансового права

*Никаким государственным талантом, никаким инстинктом
нельзя предугадать... путей решения государственных дел.*

*Талант и инстинкт, столь высоко ценимые в государственном
деле, увеличивают только силы государственных людей, уже
вооруженных силами науки.*

В. П. Безобразов

В данном разделе рассмотрим этапы развития российской науки финансового права в лицах, в том числе государственных служащих, которые свои научные взгляды, финансовые теории в той или иной мере проводили в жизнь. Их можно также назвать «практиками от науки финансового права». Они были сторонниками различных научных школ и течений, политических убеждений, но каждый из них посильно отличился и на ниве науки. О важности научного осмысления проблем государственных финансов для осуществления управления государством писали многие российские ученые, в частности В. П. Безобразов⁷¹.

Оговоримся, что финансовая наука, как и финансовое право, во многом выросли из потребности руководства государственным хозяйством. В свою очередь такое управление не могло осуществляться иначе, чем через законодательные установления. В связи с этим экономические и правовые вопросы первыми исследователями проблем финансов рассматривались в неразрывном единстве.

Российских государственных деятелей в интересующем нас аспекте условно можно разделить на несколько генераций.

1. *Предшественники* – заложили основы осмысления проблем финансового права. Их жизнь и деятельность пришлись преимущественно на конец XVII–XVIII в., а их работы были либо не известны современникам, либо доступны ограниченному кругу лиц.

2. *Чиновники, ставшие учеными*. Они стали основателями и первыми теоретиками, которые заложили основы научного понимания финансово-правовой проблематики. В большинстве своем они не имели специального образования либо получили его за рубежом. К научным исследованиям их подвигла не только внутренняя мотивация, но, прежде всего, исполнение должностных обязанностей. Отсюда и название этой категории, так как чиновничье начало в их научной деятельности было первичным. Их жизнь и деятельность пришлись преимущественно на первую половину XIX в.

3. *Ученые, ставшие чиновниками*. К этой категории относятся государственные деятели, которые, как правило, получали юридическое образование в России. Реже встречаются случаи, когда это образование было другого профиля или получено за рубежом. Многие из них еще в первые годы государственной службы стали авторами важных научных исследований, которые могли быть следствием как служебных заданий, так и реализации другой мотивации. На наш взгляд, в их деятельности уже преобладали научные начала, хотя многие из них более известны преимущественно как государственные деятели.

⁷¹ Безобразов В. П. О значении науки для образования должностных лиц в государственном управлении. СПб., 1879. С. 7 и далее.

4. На рубеже XIX–XX вв. наметился своеобразный *синтез между научным и служебным началом в исследованиях российских государственных деятелей*. Некоторые из них начинали как преподаватели университетов, некоторые переходили на преподавательскую работу с государственной службы, часть совмещала преподавание и службу. В связи с этим можно говорить о том, что наметился путь к синтезу названных начал.

5. Специально выделены государственные деятели и ученые, пик карьеры которых пришелся на 1917 г. и *связан с работой во Временном правительстве*. Это был не только особый период в политической истории России, но и своеобразный всплеск финансово-правовой мысли, когда управленческая элита в значительной степени объединилась с элитой научной.

6. *Советский период* оказался менее богатым на персоналии государственных деятелей, занимавшихся проблемами финансового права. Тому были как объективные, так и субъективные причины. Однако и он представлен рядом ярких личностей, деятельность которых пришлась преимущественно на 20-е – начало 30-х гг. XX в.

Данная классификация основана в целом на хронологическом принципе в сочетании с типами государственных деятелей, заявивших о себе и на научном поприще. Она предложена, прежде всего, для удобства в изложении материала, и ей не стоит придавать большее значение, чем она того заслуживает.

Глава 3

Предшественники (вторая половина XVII – конец XVIII в.) (Ю. Крижанич, Г. К. Котошихин, И. Т. Посошков, В. Н. Татищев и др.)

Все начиналось с *предшественников*, деятельность которых приходилась на переломный для нашего государства период. Вторая половина XVII–XVIII в. были временем подлинного возвышения России. Сначала она долго и мучительно выходила из кризиса Смутного времени рубежа XVI–XVII вв., после чего начался период восстановления территориальных контуров и внутреннего единства страны. Со времени царствования Алексея Михайловича (период правления 1645–1676) наметилось укрепление режима абсолютизма, который при Петре I (1689–1725) принял свои крайние, порой уродливые, формы. Подняв Россию «на дыбы», он устремил ее в погоню за Европой, однако вернул устои внутренней жизни к крепостным началам. Эпоха «дворцовых переворотов» (1725–1762) сменилась «золотым веком» Екатерины II (1762–1796). В итоге по своему военному и экономическому потенциалу Россия стала одним из лидеров европейской и мировой политики, но попытки преобразовать ее внутреннюю жизнь на демократических и правовых началах неизменно сталкивались с непреодолимыми препятствиями. Одним из таких препятствий была несбалансированность финансов государства, жесткий налоговый гнет для большинства населения и архаичная система налогообложения. В той эпохе и следует искать ручеек, давший начало реке отечественной финансовой мысли.

Отнесение к числу «предшественников» деятелей более отдаленных эпох, к примеру, известного публициста *И. С. Пересветова* (середина XVI в.), представляется нам достаточно проблематичным, хотя его важная роль в истории отечественной общественно-политической мысли очевидна⁷². Впрочем, в своем «Сказание о Магмете-салтане» он выразил мнение о необходимости сосредоточения финансовых ресурсов в царской казне («все доходы к себе в казну имати»), не сажать по городам наместников, а налоги со всего царства собирать в единую государеву казну чиновникам из центра. Чиновников же царских, собирающих налоги, «чтобы не прищалися, неправдою бы не судили», следует содержать на средства казны «кто чего достоин»⁷³. И. С. Пересветов положил начало недоброй традиции платить по полной мере за советы государю, так как, по всей видимости, был казнен во времена опричнины.

Традиционно в отечественной литературе перечень «предшественников» начинается с **Юрия Крижанича** (1618–1683). Это был хорватский дворянин, окончивший Загребскую католическую семинарию, а затем изучавший богословие и право в университетах Вены и Болоньи. Он стал доктором богословия (1642), ревностным католиком и одновременно сторонником всеславянского единства. У этого правоверного католического священника была большая тяга к всеславянскому единству, центром которого он считал Россию. Юрия можно признать европейски образованным ученым, получившим разностороннее религиозное и светское образование и в совершенстве владеющим немецким, итальянским и латинским языками.

⁷² Об этом см.: *Зимин А. А.* Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958; *Сабанти М. С.* Финансы и финансовая мысль в России IX–XVI вв. // Финансы СССР. 1984. № 9 и др.

⁷³ Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 151.

В 1659 г. по своей инициативе Ю. Крижанич приезжает в Россию и поступает на службу в Приказ Большого дворца. В 1661 г. по неизвестной причине (вероятно, сказал что-то лишнее) его ссылают в Тобольск, однако ссылка была необременительной и позволяла ему работать над историческими, экономическими и философскими трудами. В Тобольске он завершил работу по славянской грамматике, начатую еще в Москве. Именно в ссылке Юрий подготовил и свое обширное политико-экономическое исследование «Политические думы», известное больше под названием «Русское государство в половине XVII века», о котором речь пойдет ниже. В 1676 г., после смерти царя Алексея Михайловича, Ю. Крижанич возвращается из ссылки в Москву и назначается в Посольский приказ. В 1678 г. он навсегда покинул Россию. Ученый и миссионер погиб в битве с турками под Веной 2 сентября 1683 г., будучи священником в армии польского короля Яна Собесского⁷⁴.

Ю. Крижанич выдвинул программу преобразования, направленную на укрепление «совершенного самодержавия» ради «благоденствия поданных и всеобщей справедливости»⁷⁵. Целью государства Ю. Крижанич видел достижение «общей пользы». Он начинает с размышлений о богатстве и средствах к его увеличению (как и столетие спустя А. Смит). Будучи сторонником активной экономической политики государства, он считал, что вся торговля и промышленность – царская прерогатива, подданные занимаются ими только с дозволения царя. Юрий ясно осознает, что богатство казны зависит от богатства народа. Раньше физиократов он пришел к мысли о том, что корень благосостояния в сельском хозяйстве. Он выступил за монополию внешней торговли, т. е. на допущение чужеземцев к торговле смотрел как на большую беду и советовал правителю взять в свои руки всю внешнюю торговлю, чтобы знать, сколько и каких товаров вывозить и привозить. Совершенно в духе физиократов Ю. Крижанич предлагал вывозить преимущественно не сырье, а готовые изделия, что даст большие поступления в казну. Это сопровождалось призывом к разумному уменьшению импорта готовой продукции.

Очевидна его приверженность к стабильному денежному обращению. Чеканку монеты он считал исключительной прерогативой самой высшей власти, причем ставил ее первой среди всех властных прерогатив. При этом он противился выпуску низкопробной монеты, с низким содержанием в ней драгоценных металлов, т. е. чеканке дурной монеты, которую можно допускать лишь в крайней нужде. Твердую валюту, наряду с хорошими дорогами и развитием ярмарок, он считал основой успешного развития внутренней торговли.

Примечательно, что Ю. Крижанич одним из первых предложил учитывать передовой опыт стран Запада для реформирования финансовой системы России, хотя при этом предупреждал о пагубности слепого заимствования, бездумного копирования зарубежного опыта («чужебесия»). Юрий полагал, что такие важные вопросы, как введение новых налогов или увеличение ставки по старым, правительство должно решать совместно с подданными в виде заключения некоего договора, «принятого всем народом». Введение несправедливых податей, торговых пошлин, откупов, кабаков и гнусных поборов он считал недопустимым «тиранством» и даже «людодерством».

Являясь сторонником абсолютного самодержавия, он не исключал предоставления местных экономических свобод для развития подвластных монарху территорий. Это могло принимать форму территориальной налоговой и бюджетной дифференциации. Так, все госу-

⁷⁴ См.: Вальденберг В. Е. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912; Дацюк Б. Д. Юрий Крижанич – поборник свободы и единства славянских народов. М., 1945; Маркевич А. И. Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1876; Пичета В. Экономические и политические взгляды Юрия Крижанича. СПб., 1913; Пушкарев Л. Н. Ю. Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984 и др.

⁷⁵ Опубликована в 1859–1860 гг. под названием «Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича». Эта работа также известна под названиями «Политические думы» или «Разговоры о владетельстве». Под названием «Политика» этот труд был переиздан в нашей стране в 1965 и 1997 гг.

дарственные поборы он предлагал заменить одним прямым налогом, взимание которого поручалось бы местному самоуправлению.

Экономическое процветание и финансовое благополучие России он связывал с «благими законами» и вершением праведного суда. Юрий осуждал взяточничество местных чиновников, которые «продают правду». Основным лекарством от финансовых бед он считал радикальную законодательную реформу, а источником зла – «худое законоставие». Соответственно, закон не только должен быть справедливым, определять перечень налогов и порядок их взимания, но и обсуждаться с народом. Естественно, речь идет не об их согласовании с народными представителями, а, скорее, о необходимости учета пожеланий и экономических возможностей налогоплательщиков. По утверждению П. Н. Милюкова, хорватский ученый не только был автором финансовых преобразований, но и стоял у истоков первой систематической теории русского национализма⁷⁶.

По мнению русского историка В. О. Ключевского⁷⁷, с трудами ученого был знаком крайне ограниченный круг лиц. Правда, в число этих лиц входили, вероятно, цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич, некоторые государственные деятели – приверженцы реформаторского курса в правительстве второй половины XVII в. Труд Ю. Крижанича даже пытались напечатать, но он в тот период так и не вышел в свет. Это не помешало некоторым исследователям видеть в ученом предшественника И. Т. Посошкова⁷⁸, о котором будет сказано ниже.

Первым уроженцем России, изложившим свои взгляды на проблемы финансов, стал **Григорий Карпович Котошихин** (1630–1667). Однако обстоятельства изложения этих взглядов, как и весь жизненный путь автора, весьма своеобразны. Примерно в 1645 г. он поступил писцом в Посольский приказ, став в 1658 г. там же подьячим. Г. К. Котошихин участвовал в дипломатических миссиях за рубежом, в том числе в переговорах со Швецией (1661), в 1663 г. он вступил в тайные сношения со шведскими дипломатами и за плату предоставлял им информацию, в том числе секретную, касающуюся русско-шведских отношений. В 1664 г. он тайно бежал в Литву, ссылаясь на несправедливости к нему (наказание батогами за описку в царском титуле, конфискация имущества его и отца), а реально, скорее всего, опасаясь разоблачения предательства. Далее он поступил на службу и состоял при великом канцлере литовском Х. Паце. После улучшения русско-польских отношений в 1665 г., во избежание возможной выдачи России, он просит покровительства у шведов, которые не выдают «государева изменника». В 1666 г. бывший подьячий поступает на службу в ведомство государственного архива Швеции. Проживал он в доме служащего государственного архива, переводчика с русского языка Д. Анастасиуса. При этом Г. К. Котошихин проявил явно излишнее внимание к жене хозяина и не вернул своевременно долг. В итоге в пьяной драке он зарезал Д. Анастасиуса, шведским судом был приговорен к смертной казни и казнен в ноябре 1667 г. Примечательно, что его обезглавленное тело анатомировали и поместили в музей Упсальского университета.

Г. К. Котошихин обладал обширными знаниями о внутренней и внешней политике российского государства. Однако за перо он взялся не в научных целях и не в силу внутренних побуждений, а по поручению шведского канцлера М. де ля Гарди. Интересующее нас сочинение является справочным пособием для шведских дипломатов и торговцев. Написано он было, вероятно, в 1666 г. Среди разнообразных сведений о России в этой книге есть информация о приказах и иных государственных учреждениях, об административных

⁷⁶ См.: Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 3. М., 1995 (по изд. 1930). С. 115–133 и др.

⁷⁷ См.: Ключевский В. О. Русская история: В 3 кн. Кн. 2. М., 1993. С. 345–354.

⁷⁸ См.: Бадалич ИМ. Ю. Крижанич – предшественник И. Т. Посошкова // Труды отдела древнерусской литературы. 1963. Т. 19.

делах, торговых людях и торговле. Также подробно повествуется о событиях Медного бунта 1662 г., приводится много сведений по политической и экономической жизни России, причем в достаточно критическом аспекте. По-видимому, одним из первых он попытался определить масштабы выпуска монет, содержание копеек в монетах более высокого номинала, рассмотреть направления изменений политики в сфере денежного обращения. С его расчетами впоследствии не соглашались некоторые отечественные исследователи, в частности И. И. Кауфман⁷⁹.

Судьба сочинения Г. К. Котошихина также достаточно необычна. Будучи переведенным на шведский язык, оно было не доступно русским читателям. Только в 30-е гг. XIX в. о нем узнал историк и писатель А. И. Тургенев. Опубликовано оно было в России в 1840 г. под названием «О России в царствование царя Алексея Михайловича». До 1917 г. оно переиздавалось четыре раза, публиковалось и в советский период⁸⁰. Эти записки о России трудно назвать трактатом по финансовому праву, хотя их содержание отличается информационной насыщенностью и острой полемичностью. Так, автор выступил против «порчи» металлических денег посредством уменьшения содержания в них драгоценных металлов, что привело, по его мнению, к Медному бунту 1662 г. Он прямо писал о скудости серебряных денег и обесценении медных монет, что вызвало голод, акции протеста, а затем массовое применение смертной казни и ссылки.

Бывший чиновник указывал на отрицательные последствия излишне тяжкого налогового бремени, которое не увеличивает доходы казны, а, наоборот, подрывает развитие хозяйства. В зачаточном виде выражена идея о плодотворности стимулирования ремесла и земледелия, как потенциальных источников благосостояния государства. Достаточно подробно им показан механизм сбора различных налогов, осуществляемый различными приказами. Вполне современно звучит критика государственного аппарата и его деятельности, в частности по руководству финансовой системой.

По мнению современного публициста В. Р. Мединского, и Крижанич и Котошихин создали очень устойчивые PR-концепции противоположного характера⁸¹. Мысль интересная, однако такое понимание личностей европейца-славянофила и русского западника представляется слишком упрощенным и имеющим слабую связь с исторической действительностью.

Иван Тихонович Посошков (1652–1726) являлся автором труда «Книга о скудости и богатстве» (1724). Известный экономист и финансист А. Н. Миклашевский (о нем см. далее) назвал его «первым русским экономистом», затронувшим и проблемы финансов. «Книгу о скудости и богатстве» А. Н. Миклашевский назвал целой программой переустройства государства, где «главным источником благосостояния является земля», но и без промышленности развитие России невозможно. С такой оценкой были согласны исследователи и последующих периодов⁸².

И. Т. Посошков был выходцем из семьи ремесленника-ювелира. Сам он занимался различными ремеслами, затем стал купцом, предпринимателем, владельцем земли. Он был человеком, наделенным весьма разносторонними талантами: изобретатель (усовершенство-

⁷⁹ См.: *Кауфман И. И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910. С. 100–101, 115–116 и др.

⁸⁰ См.: *Котошихин Г. К.* О России в царствование царя Алексея Михайловича // Бунташный век. М., 1983. С. 407–544 (по изд. 1913 г.). Переиздана в 2000 г.

⁸¹ См.: *Мединский В. Р.* Особенности национального пиара. Правдивая история Руси от Рюрика до Петра. М., 2010. С. 580–589.

⁸² См.: *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. СПб., 1898. Т. 24. С. 691; *Семенкова Т. Т.* Посошков о деньгах и денежном обращении // Деньги и кредит. 1989. № 6; *Аникин А. В.*: 1) Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990. С. 21; 2) Иван Посошков и Петр Великий // Бизнес. 1991. № 1 и др.

вал огнестрельное оружие), предприниматель, конструктор и наладчик печатных станков, специалист по винокурению («водошных дел мастер»), иконописец, знаток богословия, замечательный публицист. Он, вероятно, не получил систематического образования, но хорошо знал духовную литературу и прошел хорошую школу практической деятельности. Есть основания считать, что И. Т. Посошков хорошо знал Соборное уложение 1649 г., а его настольной книгой был «Домострой», написанный одним из сподвижников молодого Ивана Грозного священником Сильвестром (середина XVI в.).

«Книга о скудости и богатстве» представляла собой личное обращение к Петру I с целью объяснить, откуда берутся скудость и богатство, и предложить методы увеличения богатства. Это была своеобразная программа «исправления всех неисправ» России. И. Т. Посошкова отличали определенная свобода мысли, критическое отношение к окружавшей его действительности. Так, еще в 1696 г. он входил в кружок лиц, группировавшихся вокруг строителя подмосковного Андреевского монастыря старца Авраамия, в келье которого они и собирались. Собеседники делились новостями и суждениями об увиденном и услышанном, тем более что самые свежие сведения они получали от участников кружка приказных подъячих Бубнова и Кренева. Члены кружка, в том числе И. Т. Посошков с братом, порицали непорядки в правительственном механизме, непомерное разбухание штатов в приказах, неточничество судей, неподъемное налоговое бремя на купечество, непорядок в «денежном деле». Старец Авраамий хотел донести до царя Петра причины такого недовольства, однако вместо аудиенции угодил с другими членами кружка в застенки Преображенского приказа. Для большинства из них этот «идейный бунт» закончился ссылкой, а братья Посошковы смогли в тот раз оправдаться⁸³. Возможно, Ивана Тихоновича спасло то, что он уже в то время был известен как денежный мастер, наладчик печатных станков и работал по заданию монетного двора. Однако такая удача на долю правдивого и стремящегося к публичности деятеля выпадала не всегда.

Отметим, что первое его произведение «Письмо о денежном деле» (1699–1700, не сохранилось) было подано в правительство и содержало предложение чеканить новую монету «мелкой дробью». Это предложение в связи с началом изготовления медных монет шло в русле финансовой реформы Петра I, когда были упразднены такие счетные единицы, как «деньга» (полкопейки) и «алтын» (три копейки), а на смену им пришла десятичная система со стокопеечным рублем. Известно, что наш герой в 1699–1700 гг. занимался на монетном дворе наладкой немецких печатных станков по изготовлению монет и продолжал там служить, по меньшей мере, до 1704 г. Затем он трудился на казенном питейном дворе в Москве (до 1708). После написания «прожектов» по денежному делу увлекся проблемами религии, написал сочинение против раскольников и лютеран «Зеркало, сиречь изъяснение очевидное и известное на сусумудрия раскольнича» (1709), вступил в переписку с митрополитом, а затем местоблюстителем патриаршего престола Стефаном Яворским, митрополитом Дмитрием Ростовским. Затем И. Т. Посошков занимался предпринимательством в Новгороде и Петербурге, производил гербовую бумагу, построил аптеку, брал государственные подряды на поставку вина и на откуп таможенный сбор в одной из волостей Новгородского уезда. Это позволило первому русскому экономисту на практике изучить проблемы отечественных финансов. Он много путешествовал, бывал за рубежом (посетил Стокгольм).

Свой жизненный путь Иван Тихонович завершил в тюрьме Тайных розыскных дел канцелярии в феврале 1726 г. Большинство исследователей склоняются к тому, что причиной его ареста в 1725 г. была поданная им Петру I «Книга о скудости и богатстве». Император ее, по всей видимости, прочитать не успел, но кем-то из его приближенных она была признана слишком крамольной. Есть и другая, вполне в духе нашего времени, версия о «споре хозяй-

⁸³ См.: Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 63–64.

ствующих субъектов». И. Т. Посошков был человеком небедным (имел дома в Петербурге и Новгороде, в Кашинском уезде, в селе Марьино, винокуренный завод в Новгороде и др.) и несколько раз в процессе своей коммерческой деятельности сталкивался с князем А. Д. Меншиковым и его людьми. Возможно, последние посредством ареста конкурента пытались совершить банальный рейдерский захват. Как известно, вдова ученого и его малолетний сын не получили ничего, а все недвижимое имущество по решению суда еще за несколько недель до смерти ученого досталось второму мужу его старшей дочери, человеку «мутному» и, судя по всему, непорядочному.

Основной труд И. Т. Посошкова был опубликован только в 1842 г. во многом стараниями известного русского историка М. П. Погодина (1800–1873). Н. С. Мордвинов, о котором будет сказано далее, так выразился в письме названному историку: «Я вменяю себе в обязанность чувствительнейше благодарить вас за доставление мне случая узнать великие и отличительные способности Русского крестьянина»⁸⁴. Эта публикация имела большой научный резонанс, пик которого пришелся, однако, на вторую половину XIX – начало XX в. Подчеркнем, что первый русский экономист не был государственным деятелем в современном смысле слова (хотя некоторое время и находился на государственной службе на казенных монетном и питейном дворах), но являлся «доносителем» и «прожектором», т. е. автором проектов политико-экономических преобразований, а также подрядчиком и откупщиком, активно взаимодействующим с казенными учреждениями. В этом аспекте его с известной долей условности можно отнести к государственным деятелям и без всякой условности – к общественным деятелям.

К заявленной теме теоретические построения И. Т. Посошкова имеют прямое отношение и позволяют рассмотреть отправную точку генезиса русской финансово-правовой мысли. Отметим, что некоторые обороты речи и стиль работы до сих пор вызывают дискуссии и различные толкования. Так, он в разных финансовых контекстах (в некоторых случаях как синонимы) и с разными прилагательными использует такие слова, как «богатство», «прибыток», «пожиток», «достаток» и даже «харч», значение которых не уточняется. Вряд ли может вызвать симпатии его нетерпимость к людям иных религиозных взглядов, вплоть до призыва сжигать раскольников. Отметим, что сам Иван Тихонович некоторое время был близок к раскольникам и с трудом преодолел этот соблазн. Явно излишне выглядит и его предубеждение против всего заграничного, замкнутый национализм, граничащий с ксенофобией. В части приверженности к мелочной государственной регламентации И. Т. Посошков превзошел самого Петра I, вплоть до предложения государственного «установления» цен на основные виды товаров в целях избежания вредной конкуренции. Впрочем, это была некоторая неизбежная передержка крайнего меркантилизма в русской вариации.

Историк А. Г. Брикнер не без основания отмечал, что «в мыслях Посошкова было много невежества, простодушия и наивности», что в представленных им правительству проектах «было много детского». Этот историк считал, что по своим финансовым воззрениям Посошков стоял далеко ниже Петра I и своего ученого современника в России Ю. Крижанича и что его труды не имеют никакого значения в истории науки не только всемирной, но и отечественной⁸⁵. Однако это не отменяет оригинальности и до известной степени многосторонности исследований И. Т. Посошкова, проникнутых чувством патриотизма и заботой о благе народа. С этим в целом согласны даже достаточно жесткие критики его научного наследия. Так, упомянутый А. Г. Брикнер отмечал: «...нет сомнения, что Посошков был замечательным умственным явлением в России конца XVII и начала XVIII столетий как чистый умственный самородок, образовавший сам себя при своих прирожденных дарованиях, под

⁸⁴ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 6. М., 1892. С. 321.

⁸⁵ См.: Брикнер А. Г. Иван Посошков. Ч. 1: Посошков как экономист. СПб., 1876. С. 8–9.

косвенным воздействием западноевропейского просвещения, заносившегося к нам приезжими иностранцами»⁸⁶.

Написанное им за 50 лет до А. Смита сочинение «О скудости и богатстве», о котором уже упоминалось выше, провозглашает многие здравые экономические понятия без всяких авторских притязаний, а в виде бесхитростных, проникнутых любовью к богу, царю и отечеству заметок. В них мы находим толкование всех важных вопросов того времени. Этот труд состоит из 9 глав. Девятая глава под названием «О царском интересе» всецело посвящена финансам; в ней автор выступает против разнообразных пошлин и советует ввести единый десятинный поземельный налог, т. е. разделяет точку зрения известного французского ученого Ф. Кенэ, родоначальника школы физиократов.

Иван Тихонович однозначно высказался за принятие развернутого законодательства о налогах, так как чиновники «хочут излишню взять», а государству в этом интереса нет. По мнению Посошкова, при множестве сборов управление и взимание обходятся очень дорого; и «ныне, – писал автор, – многие вымысленники вымыслили хомутные, банные, с подвочиков десяты, отчего людям турбация великая». Он также высказался против подушной подати и соляной монополии и советовал свободную торговлю солью с небольшим акцизом. Он предлагал соотносить каждый новый налог с видами народного благосостояния и интересом частных лиц, ибо «худой тот сбор, который казну царю собирает, а людей разоряет». Д. М. Львов подчеркивал, что Посошков не одобрял питейной монополии, высказывался против выпуска низкопробной монеты⁸⁷.

Его идеи созвучны идеям меркантилистов: опора на купечество (без которого, по его словам, «никакое не токмо великое, но ни малое царство стояти не может») и свобода торговли. При этом он ратовал за развитие перерабатывающей промышленности и активное вмешательство государства во все экономические процессы. Как и Ю. Крижанич, он подчеркивал значение сельского хозяйства, и в этой части его идеи созвучны физиократам. И. Т. Посошков независимо от французских физиократов формулирует их излюбленную аксиому: бедные крестьяне – бедное государство, богатые крестьяне – богатое государство. Иван Тихонович не был категорическим противником крепостного права, но предлагал внести в отношения между помещиками и крестьянами гуманность и экономическую рациональность. Он предлагает ограничить законом размер крестьянских повинностей помещику (барщину, оброк), отделить крестьянские земли от помещичьих и отдать их крестьянам в вечное владение. От этих мер он ожидал резкого роста производительности труда в земледелии. Чтобы рационально использовать крестьянский труд, И. Т. Посошков предлагал расширить оброчную систему. Крестьянам, отпущенным на оброк, надо платить в ремесле или промышленности сдельно, чтобы они были заинтересованы в результатах своего труда. Аргументы ученого в пользу наемного труда и сдельной оплаты, по сравнению с крепостным трудом и барщиной, убедительны и прогрессивны для своего времени.

Его взгляды, еще раз подчеркнем это, во многом созвучны меркантилизму. Он всячески призывал государя защищать отечественный рынок от иностранной конкуренции. Закупать за границей предлагалось только те товары, которые не производятся в России, но необходимы для отечественного «домостроительства». Напротив, на вывозимые из России сырье и продукты сельского хозяйства рекомендовалось устанавливать высокие вывозные таможенные пошлины, причем эту «отпускную пошлину» предлагалось включать в цену товара и взимать непосредственно с российских купцов. По мнению И. Т. Посошкова, это не только пополнит казну но и будет стимулировать отечественных предпринимателей к вывозу не сырья и полуфабрикатов, а готовой продукции, тариф на которую был существенно ниже

⁸⁶ Там же. С. 8.

⁸⁷ См.: Львов Д. М. Курс Финансового права. Казань, 1887. С. 45.

или вовсе отсутствовал. Отметим, что таможенный тариф 1724 г. шел вразрез с предложениями ученого и предусматривал низкие вывозные пошлины на сырье и полуфабрикаты.

При этом меркантилизм русского самородка отличался от западноевропейского, представители которого главным источником богатства страны считали внешнюю торговлю. И. Т. Посошкова интересовали внутренние источники богатства. В своеобразной форме он выразил идею о том, что содержание любого лица не должно быть менее установленного уровня: «богатство-достаток» каждого «чина» не должно было становиться «напрасной скудностью»⁸⁸. Некоторые советские исследователи склонялись к тому, что И. Т. Посошков уже считал труд главным источником богатства⁸⁹. Но это совсем не очевидно, хотя целью труда он и называл «прибыток».

В его сочинении можно разглядеть проект новой финансовой системы (мнение о «собрании казны»), которая строилась на поземельном налоге, основанном на оценке земли⁹⁰, и из обложения всего товарооборота всеобщим акцизом. В связи с этим разрозненное и разорительное взимание целого ряда внутренних торговых пошлин он предлагал заменить взиманием пошлины один раз в размере 10 % от стоимости товара. Это не только могло бы обеспечить двух- и даже трехкратное увеличение собираемости, но и оптимизировать, как бы мы сейчас сказали, налоговое администрирование. И. Т. Посошков резонно подчеркивал, что многочисленность налогов порождает и большое число канцелярий и чиновников, которые «кормятся теми государственными сборными деньгами» и, кроме того, эти же деньги и крадут. Предложенная налоговая консолидация способствовала бы как уменьшениям затрат на государственный аппарат, так и сокращению масштабов воровства.

Государственные доходы он именовал «царским интересом» и ставил в центр своего исследования. Ученый предлагал взимать налоги со всех сословий, кроме духовенства, с учетом имущественного положения налогоплательщика. Владельцы обрабатываемой земли («по засеву») должны были платить подоходный налог. Он показал себя противником подушной подати и непомерного налогового бремени, ибо «крутое собрание не собрание, но разорение». В его книге подчеркивалось, что если «людей от разорения соблюдати, то оно собрание и споро и прочно будет». Советовал Иван Тихонович и предоставлять льготы «в царских поборах» в том случае, если человек «себе и детям своим построит палаты»⁹¹. Ученый явно указывал на непродуктивность системы внутренних торговых пошлин, которые затрудняли перемещение товаров внутри страны. Окончательно рублевая пошлина и все 17 таможенных сборов с внутренней торговли были отменены только в 1753 г. После этого таможенный тариф стал инструментом исключительно внешней торговли⁹².

И. Т. Посошков предполагал значительное увеличение налоговых поступлений за счет включения в оборот пустошей и утаенных земель, изменения объекта налогообложения и расширения расписания тяглого населения, в том числе за счет обложения всех «чинов», включая дворян. Со временем и крестьяне должны были платить не только поземельный, но и подоходный налог. При этом налоговая система должна была стимулировать увеличение «прибытка», т. е. вновь произведенного продукта, определенная доля которого в виде налогов поступит в казну. В зачаточном виде ученый поставил вопрос о перекачке части средств из сельского хозяйства в промышленность посредством налогового инструментария, о кре-

⁸⁸ См.: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 8, 42, 89, 114 и др.

⁸⁹ См.: История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 1 / Под ред. А. И. Пашкова. М., 1955. С. 329.

⁹⁰ А. Г. Брикнер впервые высказал мнение о том, что у И. Т. Посошкова зародилась идея земельного кадастра и подоходного налога с собственников обрабатываемых земель (см.: *Брикнер А. Г.* Иван Посошков. Ч. 1: Посошков как экономист. СПб., 1876. С. 258, 277 и др.). По мнению А. И. Буковецкого, Посошков был очень близок к идее земельного кадастра (см.: *Буковецкий А. И.* Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 218).

⁹¹ *Посошков И. Т.* Указ. соч. С. 78, 128, 200, 210.

⁹² См.: *Лушников А. М.* Таможенное право. Ярославль, 2004. С. 12–15.

дитовании и субсидировании промышленности. По мнению ученого, «земляной сбор», т. е. поземельный и подоходный налоги должны стать основными налоговыми ресурсами государства. Одновременно он предложил отменить мелкие и плохо собираемые так называемые «канцелярские сборы», которые признавались просто неприличными для царского величия. Это касается почти 40 разновидностей таких сборов, существовавших к 1724 г. Наиболее экзотичными из них являлись постоялый, конский, водопойный, банный, мельничный, пчелиный («пчелный») и другие сборы.

В центре внимания предлагаемого исследования находились и проблемы денежного обращения. Этот сюжет отражен и в письме на имя Перта I «Доношение о новоначинающихся деньгах», написанном в 1718 г. Оно не сохранилось, однако его содержание отражено в «Книге о скудости и богатстве». Исследователь полагал, что цена денег внутри страны может быть номинальной, базироваться только на авторитете царской власти, независимо от реального обеспечения. Очевидно, что относительно денег ученый был сторонником номинализма (от лат. имя, название), основывал покупательную силу денег на юридическом акте, опирающемся на авторитет государства. Для него были важны не вес и даже не чистота металла в монете, а ее название, номинал, присвоенный государством. По мнению ученого, и медную золотниковую (4,3 г меди) «цацу» (монету) можно выдать царским повелением за рубль, и она должна при расчетах считаться рублем. И. Т. Посошков призывал из дешевой меди чеканить дорогие деньги, что, с одной стороны, даст казне доход, а с другой стороны, предоставит стране достаточное для развивающейся торговли количество денег. Он призывал делать легкие деньги из меди, серебро беречь, а золотые монеты печатать только в целях поддержания престижа государства за рубежом. Иван Тихонович предлагал сделать медные деньги не мелочью при серебряных и золотых монетах, а именно основой денежного обращения. Их покупательная способность основывалась на ограниченном размере эмиссии и «кредите» (доверии) центрального банка и государства. Его деньги были чем-то вроде современных бумажных денег. Очевидно, что он ничего не знал о шотландце Дж. Ло, который в это же время и с этой же целью во Франции, где он был главным контролером (министром) финансов, создавал бумажную денежную систему вскоре потерпевшую крах⁹³. При этом и у русского и у шотландца была одна цель – принести казне доход и дать государству изобилие денег. Примечательно, что после краха бумажной денежной системы во Франции (1720) Дж. Ло приглашался в 1721 г. на русскую службу однако отказался он нее⁹⁴.

Однако наш соотечественник не был чистым номиналистом, хотя, вероятно, и склонялся к господствующей на Западе товарно-металлической теории денег. Так, во внешней торговле он признавал необходимость полноценных денег, ибо западные купцы «почитают серебро и медь». В связи с этим для устойчивости денежного обращения и повышения престижа самодержавия серебряная монета должна чеканиться без всяких примесей и из металла самой высокой пробы. Эти же требования относились и к медной монете. При этом ученый осуждал выпуск низкопробной, «сумесной» (из смеси металлов) монеты, которая радует только фальшивомонетчиков и должна быть изъята из оборота. Все мелкие серебряные монеты предполагалось перечеканить в полтинники и рубли, однако использовать их преимущественно во внутренней торговле, а на внешнем рынке расплачиваться только червонцами. Изъятые из оборота мелкие серебряные и фальшивые монеты И. Т. Посошков считал нужным заменить легкой медной монетой, что дало бы казне огромный доход в 1840 тыс. рублей. В русле учения меркантилистов укрепление серебряного русского рубля связывалось с запретом вывоза драгоценных металлов за рубеж и необходимостью печатать золотые

⁹³ См.: Горн Д. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов. СПб., 1895.

⁹⁴ См.: Троцкий С. М. «Система» Джона Ло и ее русские последователи // Франко-русские экономические связи. Москва; Париж, 1970. С. 90–120.

монеты в малых количествах для повышения престижа страны⁹⁵. Петровские мероприятия в финансовой сфере подвергнуты И. Т. Посошковым острой критике. В частности, он отмечал недостатки двух основных финансовых монополий: соляной и винной.

Завершая обзор творчества И. Т. Посошкова, отметим, что ему посвятили содержательные исследования многие видные ученые-финансисты, о которых мы будем говорить в дальнейшем⁹⁶. Например, В. П. Безобразов считал, что идеи А. Т. Посошкова «не имели никакого значения в истории науки не только всемирной, но и отечественной», что в узкомеркантильных понятиях его нет «особой высоты и гениальности», что меркантилизм русского ученого «не заключает в себе ничего полного и систематического, а перемешан со множеством других специальных мыслей»⁹⁷. И. Т. Тарасов подчеркивал, что ученый «был абсолютистом и меркантилистом, воспитанным не наукою, а жизнью... Меркантилизм Посошкова вылился в менее рельефную форму, проникал не во все хозяйственные сферы, которых он касался, и переплетался с некоторыми воззрениями, характеризующими иное, позднейшее экономическое учение». И. Т. Тарасов считал, что как финансист наш герой «ступает твердою ногою в область нового, нарождающегося тогда, хотя и не известного ему учения физиократов, видевших в земле, в производительности природы единственный источник богатства и потому считавших ренту единственным податным объектом». С этим связано то, что идеи ученого появились «как бы на рубеже двух исторических периодов» развития финансово-правовой мысли⁹⁸. Исследователи левой ориентации (Г. В. Плеханов, В. В. Святловский и др.) подчеркивали отсталость его финансово-экономических воззрений от аналогичных, сформировавшихся в то время в странах Запада⁹⁹. В советский период личность и научное наследие первого русского экономиста также не были обделены вниманием исследователей¹⁰⁰. Подчеркнем, что было бы наивным видеть в И. Т. Посошкове предшественника или единомышленника А. Смита, основателя классической политэкономии, хотя в советской литературе такое мнение встречалось. Очевидно, что в силу отсутствия как объективных, так и субъективных предпосылок наш герой не мог и не создал ничего подобного. В его творчестве обостренное чувство нового сочеталось с крайним консерватизмом, меркантилизм с экономическим либерализмом, а номинализм с физиократией. Однако это не умаляет значения И. Т. Посошкова как первого русского экономиста, специалиста в сфере финансов, оригинального мыслителя и просто неординарной личности.

Перечень предшественников продолжает действительно крупный государственный деятель **Василий Никитович Татищев** (1686–1750). Это был выходец из знатной, но обедневшей дворянской семьи, выпускник Московской инженерной и артиллерийской школы. В данном учебном заведении, одном из первых в России, он получил основательную техническую подготовку, ознакомился с гуманитарными науками. Эта школа, наряду со Школой математических и навигацких наук, стала кузницей кадров руководителей во всех сферах общественной жизни – от военной до промышленной, финансовой и научной¹⁰¹. Сам В. Н. Татищев начал службу при царском дворе, затем, с 1704 г., находился на военной

⁹⁵ Посошков И. Т. Указ. соч. С. 235–241.

⁹⁶ См.: Безобразов В. П. Иван Посошков (как экономист). СПб., 1876; Тарасов И. Т. Иван Посошков (Историко-биографический очерк) // Юридический вестник. 1880. № 10. С. 179–209 и др.

⁹⁷ См.: Безобразов В. П. Рец. на кн.: Брикнер А. Г. Иван Посошков. Ч. 1: Посошков как экономист. СПб., 1876 // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1879. Т. 33. С. 761–763.

⁹⁸ Тарасов И. Т. Указ. соч. С. 198–200.

⁹⁹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 21. М., 1925. С. 106; Святловский В. В. Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России. Ч. 1. СПб., 1913. С. 173–176 и др.

¹⁰⁰ См.: Кафенгаузен Б. Б. И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1950; Платонов Д. Н. Иван Посошков. М., 1989 и др.

¹⁰¹ См.: Лушников А. М. Армия, государство и общество. Ярославль, 1996. С. 14–27.

службе. Участник знаменитой Полтавской битвы (1709), где был замечен Петром I и впоследствии пользовался его покровительством. Царю он отвечал неизменной преданностью и верностью. Затем молодой дворянин находился на военно-дипломатической службе (резидент в Германии и Швеции), где приобщился к европейской учености, пристрастился к книгам по истории, экономике и философии. В 1724–1726 гг. в Швеции он изучал экономику и финансы. При всей верноподданности Василий Никитович был человеком самостоятельным, смелым в суждениях и поступках, что проявилось и на его государственной службе. Современный историк Я. А. Гордин так охарактеризовал его: «Татищев, могучий самоучка, образовывался органически и творчески, изучая то, что требовала от него жизнь в каждый отдельный момент. Механик и математик, он стремился к системе, но система его интеллектуального существования была подвижной, ориентированной на динамику жизненных процессов, прагматически учитывающей меняющиеся жизненные потребности государства, страны, человека»¹⁰². В. П. Безобразов так написал о В. Н. Татищеве: «В нем поражает столь редкое везде и всегда, и столь счастливое в этом случае сочетание человека науки и человека дела... Он был вполне европеец по образованию, вместе с тем с ног до головы русский человек. Он считал Россию неразрывной частью общеевропейского мира, но знал ее особые исторические и национальные условия»¹⁰³. По общепризнанному мнению, Василий Никитович был «одним из образованнейших и ученейших людей своего времени», обладал «четким и реалистическим умом».

В 1720–1722 гг. и 1734–1737 гг. он управлял казенными заводами на Урале и всем Уральским краем, был одним из руководителей Монетной конторы (1727–1733), занимавшейся чеканкой золотой монеты. При этом он составил предложения для новой императрицы Анны Иоанновны, которые позволили бы исправить денежную систему, находящуюся в плачевном состоянии. Одно из них состояло в том, чтобы изъять из оборота старые неполноценные серебряные монеты и переплавить их на монеты установленного образца. Данное предложение было принято к исполнению. Однако на этих должностях он вступил в конфликт с уральским предпринимателем А. Н. Демидовым, а затем и с всесильным временщиком князем А. Д. Меншиковым. Сенат оправдал В. Н. Татищева от всех ложных наветов, но осадок, как говорится, остался.

В 1737–1739 гг. он возглавлял Оренбургскую экспедицию, в 1739–1741 гг. – Калмыцкую комиссию, а в 1741–1745 гг. был астраханским губернатором. С его именем связано основание Екатеринбурга, Оренбурга и Перми. Василий Никитович дослужился до чина тайного советника (светского генерал-лейтенанта), на всех государственных постах проявил себя как талантливый организатор, дельный администратор и широко мыслящий руководитель, однако он не смог ужиться с петербургскими властями, избежать обвинений в коррупции, отставки и ссылки (с 1745), имевшей, однако, достаточно щадящий характер. С 1736 г. он находился под следствием, некоторое время провел в Петропавловской крепости. Несмотря на несомненную вороватость большинства «птенцов гнезда Петрова», начиная со светлейшего князя А. Д. Меншикова, Василий Никитович был, по всей видимости, человеком добросовестным и порядочным, а все обвинения против него были следствием довольно витиеватой и грязной интриги. В литературе обоснованно отмечается «его непрестанное стремление водворять законность и правомерность во всех окружающих его отношениях и подчинять точной норме закона всякий личный произвол»¹⁰⁴.

С этим суждением есть основание согласиться, тем более что в его центральном публицистическом произведении «Разговор о пользе наук и училищ» в центр поставлено не

¹⁰² Гордин Я. Меж рабством и свободой. СПб., 1994. С. 189.

¹⁰³ Безобразов В. П. Василий Никитович Татищев. Очерк его деятельности по горной части. СПб., 1887. С. 34.

¹⁰⁴ Там же. С. 35.

подчинение монаршей воли, а «целительность разумных законов». Этот труд В. Н. Татищева историк П. Н. Милюков назвал первой пробой «русской интеллигентской мысли»¹⁰⁵. Его упование на гласное принятие и умеренность законов (ибо «неумеренные казни разрушают тем закон»), их преемственность и учет традиций нашли отражение и в финансово-правовых взглядах ученого. В целом это был прагматик, не утративший романтичности, и реалист, видевший не только ближайшую, но и дальнюю перспективу. Жесткие реалии переломной эпохи не позволили в полном объеме реализоваться богатым интеллектуальным и организаторским способностям этого незаурядного политического деятеля и ученого.

Не сложилась и личная жизнь В. Н. Татищева: в 1728 г. он подал в Синод прошение о разводе с женой, с которой имел двоих детей, обвинив ее в измене, пьянстве и попытке отравить его. Дело это, по обычаю, заволокитили, но супруги с тех пор проживали раздельно. В январе-феврале 1730 г., в период между царствованием Петра II и Анны Иоанновны, он поддержал идею ограничения монархии и стал, таким образом, одним из первых идеологов отечественного аристократического парламентаризма, вождем и душой партии так называемого «шляхетского конституционализма». При этом он был одним из самых молодых и наименее знатным (всего лишь статский советник, или полковник) из всех основных действующих лиц этой драмы. Напомним, что идеологами абсолютизма были архиепископ Феофан Прокопович и граф А. И. Остерман, а идеологами «вельможного конституционализма» — князья Д. М. Голицын и В. Л. Долгорукий. Конституционный проект нашего героя был наиболее компромиссным, совмещал в себе сохранение сильной самодержавной власти с представительным органом (от «общенародия», т. е. всех привилегированных сословий) и определенными правовыми ограничениями абсолютизма.

Впоследствии В. Н. Татищев отказался от этих идей, но высшей властью до конца так прощен и не был. Все это закончилось, как упоминалось выше, его отставкой и ссылкой в 1745 г., в которой отставной сановник и провел в неустанных научных трудах последние пять лет жизни, с отлучкой на допросы и кратковременное заключение. Среди его наиболее рьяных гонителей окажутся такие видные сановники, как сенатор Новосильцев, генерал Тараканов, граф М. Г. Головкин, князь Н. Н. Трубецкой. Все они по настоянию В. Н. Татищева подписали самый умеренный конституционный проект, чем поставили под удар свою будущую карьеру. Этому они ученому никогда не простили. Судебные процессы против него длились непрерывно с 1736 по 1750 г., т. е. до смерти ученого, и напоминали театр абсурда. Сначала его, мягко говоря, недобровольно, отправили в 1734 г. обустраивать восточные окраины империи, затем обвинили во взяточничестве и отдали под суд. Дело почти сразу развалилось, но немедленно было возбуждено новое — и так пятнадцать лет подряд. При этом подсудимый управлял Оренбургским краем и Астраханской губернией, решал сложные калмыцкие дела и определял политику в отношении Персии, писал первый настоящий научный труд по русской истории. В итоге в архиве скопилось 12 томов следственных дел, которые явно были «шиты белыми нитками». Вышеназванные «сильные персоны», да и сама царица таким изощренным образом показывали опальному мыслителю цену «верховенства закона». Умер ученый под караулом в своей деревне Болдино под Москвой, которая для него ни чем не напоминала пушкинскую «болдинскую осень».

Встречавшийся с ним в последние годы жизни английский купец Д. Хенвей так описывал внешность ученого: «Этот старик отличался внешностью Сократа, поджарой фигурой, которую он сохранил благодаря большой умеренности, а также постоянной занятости ума. Если он не писал, не читал, не обсуждал деловые вопросы, он играл в кости сам с собой,

¹⁰⁵ Милюков П. Н. Указ соч. Т. 3. С. 186, 212–220 и др.

перекидывая их из одной руки в другую»¹⁰⁶. Неплохой способ тренировки памяти и кистей рук, добавим от себя.

Еще в период государственной службы он проявил себя как разносторонний ученый, прежде всего, как историк, автор пятитомной «Истории Российской с самых древнейших времен», а также как географ¹⁰⁷. Свою «Историю...» он готовил около 20 лет и в 1739 г. представил в Академию наук. Василий Никитович одним из первых предложил периодизацию истории России и выделил три формы государственного строя: монархию, аристократию и демократию. Кроме того, ученый составил первый русский энциклопедический словарь – «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский», доведя его до буквы «К». Очевиден его вклад также в развитие наук истории права и государственного права. Современный исследователь В. А. Томсинов в связи с этим не без основания утверждает: «Василий Никитович Татищев является родоначальником не только русской исторической науки, но и русской научной юриспруденции»¹⁰⁸.

Не обошел он стороной и проблемы финансовой науки, чему посвящены его «Рассуждения о ревизии поголовной и касающемся до оной» и глава XI «Краткой российской географии», а также «Представление о купечестве и ремеслах» (1748 г.) и «Краткие экономические до деревни следующие записки» (1742 г.)¹⁰⁹. По печальной традиции при жизни ученого почти ничего из его многочисленных работ напечатано не было.

В его научной и политической деятельности сочетались холодность экономиста и математика, страстность историка и политического мыслителя, а также напористость драгунского офицера. Взгляды ученого на налоговую политику России в постсоветский период подверглись специальному рассмотрению¹¹⁰. Впрочем, в интересующем нас ключе изложение взглядов Василия Никитовича достаточно разрозненно и фрагментарно, что не может быть оценено в качестве более или менее целостной теории. Свои размышления, как и Ю. Крижанич, а позднее А. Смит, он начинал с богатства народов. Налоги, по его мнению, не должны отягощать народ. Это – государственная необходимость, но размер налогов должен быть экономически обоснованным, позволять поддерживать удовлетворительное состояние крестьянского хозяйства. Как считал В. Н. Татищев, рост потребностей государства не обязательно должен увеличивать налоговое бремя, ибо дополнительные средства можно получить и путем более рационального и экономного использования ресурсов. Он выступал категорическим противником «изобретения» новых налогов и сборов с населения, чем так увлеченно занимались так называемые «прибытки» во времена Петра I. При этом не брались в расчет реальные возможности подданных и экономическая ситуация в стране, что еще больше ухудшало ситуацию. Важное место Василий Никитович уделял экономному расходу финансов. С этой целью он предлагал уменьшить военные расходы и иметь на постоянной основе небольшую по численности, компактную, но боеспособную армию в оборонительных целях. С этой же целью он предлагал уменьшить срок службы для дворян, что позволило бы экономить государственные средства и не отвлекало бы их от хозяйственной деятельности.

В качестве единицы обложения крестьянского хозяйства ученый предлагал размер обрабатываемой земли, т. е. был сторонником введения поземельного налога. При этом он

¹⁰⁶ Цит. по: Аникин А. В. Указ. соч. С. 54–55.

¹⁰⁷ См.: Попов Н. В. Н. Татищев и его время. М., 1861; Дейч Г. М. В. Н. Татищев. Свердловск, 1962; Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1981 и др.

¹⁰⁸ Томсинов В. А. Василий Никитович Татищев // Российские правоведы XXVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 1.

¹⁰⁹ См.: Татищев В. Н.: 1) Избранные труды по географии России. М., 1950; 2) Избранные произведения. М., 1979.

¹¹⁰ См.: Торопыцын И. В. Взгляды Татищева на налоговую политику российского государства // Налоговый вестник. 2000. № 2. С. 169–171 и др.

настаивал, чтобы крестьянство было «податями сколько можно облегчено». Он осуждал практику передачи сбора налогов в руки армии, что было характерно как для петровских времен и к чему вернулись в царствование Анны Иоанновны. Это означало, что солдаты и сержанты становятся бесконтрольными распорядителями имуществом и даже жизнями налогоплательщиков. Следствием этого стало повальное бегство крестьян и разорение купечества. Одним из первых ученых выступил за профессионализацию и специальную профессиональную подготовку государственных чиновников финансовой системы, а одним из главных предметов обучения он называл законоучение.

Очевидно, что Василий Никитович также одним из первых предлагал учитывать при организации налогообложения не только текущие запросы казны, но и экономические возможности налогоплательщиков, не только ближайшие, но и отдаленные последствия увеличения налогового бремени. Кроме того, он был сторонником более равномерного распределения налогового бремени на население, перевода взимания повинностей преимущественно в денежную форму. Конструктивным считалось закрепление за крестьянами определенных земель и взимание фиксированного оброка. Барщина должна была применяться в ограниченном числе случаев. В перспективе ученый не исключал освобождения крестьян, хотя считал это пока несвоевременным.

В. Н. Татищев первым предложил для увеличения числа фабрик и развития торговли создать банк для купечества, используя деньги дворянства и духовенства. Здесь с очевидностью прослеживается идея кредитования купечества за счет средств дворянства и духовенства, которые аккумулировались бы в государственном банке. Отметим, что Государственный заемный банк, который состоял из Дворянского заемного банка и Купеческого банка, был создан Указом Елизаветы Петровны в 1754 г., уже после смерти ученого. Его взгляды на купечество были вполне меркантилистскими, а призывы уменьшить налоговое бремя на него и защитить высокими таможенными тарифами на ввозимые товары достаточно традиционными. Богатство нации он видел в развитой системе ремесел и торговли, хотя его эквивалентом считал все-таки приращение драгоценных металлов.

В дальнейшем некоторые проблемы финансового права затронули в своих трудах дипломат *Дмитрий Алексеевич Голицын* (1734–1803) и активный деятель трех царствований от Екатерины II до Александра I *Алексей Борисович Куракин* (1759–1829). Однако по глубине и широте проработки названной проблематики они явно уступали своим предшественникам¹¹¹.

Таким образом, представители первой российской генерации ученых-финансистов смогли обозначить ряд подходов к проблемам финансового права, хотя их труды были либо не известны современникам, либо известны ограниченному кругу лиц. В связи с этим трудно говорить об их влиянии на финансовую политику государства, за исключением, возможно, трудов В. Н. Татищева. В то же время научное наследие вышеназванных деятелей позволяет нам вести речь о генезисе финансовой науки уже на рубеже XVII–XVIII вв.

¹¹¹ Подробнее о них см.: Лушникова М. В., Лушников А. М. Наука финансового права на службе государству. Ярославль, 2010. С. 56–61

Глава 4

Чиновники, ставшие учеными (первая половина XIX в.)

Как в русской, так и в мировой истории еще не было двух таких соседних, но не похожих друг на друга веков, как XVIII и XIX вв. «Галантный» век Просвещения сменил рациональный век «железа и крови». Если для первого были характерны лозунги «свобода, равенство и братство», естественное право и общественный договор, то во втором получили распространение такие понятия, как «индивидуализм, свободная конкуренция, утилитаризм». На смену «романтикам» пришли прагматики, причем как на должности в государственных структурах, так и на роли «властителей дум». Кумирами были уже не столько Ж. Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье, Д. Дидро, сколько И. Бентам, А. Смит, Д. Рикардо, Г. Спенсер. На смену патриархальному укладу аграрной цивилизации приходила жесткая и рационалистическая цивилизация индустриальная. В Европе активно воспринимался, а главное реализовывался, лозунг либерального реформаторства: «Хочешь выжить – проводи реформы». Невиданными ранее темпами изобретались технические новшества, а их оперативное внедрение оказывало все большее влияние на роль в мировой политике того или иного государства. В этом отношении именно на рубеже веков феодально-крепостническая система исчерпала свои внутренние ресурсы и показала свою экономическую и социальную несостоятельность. Новый век для России начался с краткого правления и трагической смерти Павла I, продолжился широкими реформаторскими замыслами Александра I и их трагической неосуществленностью. Наконец, Николай I и его ближайшее окружение, осознававшие необходимость коренных реформ, в очередной раз не решились на их проведение. В результате первая половина XIX в. в истории России отмечена не только победой в Отечественной войне 1812 г., территориальной экспансией и укреплением тогдашней «вертикали власти». Этот период памятен и упущенными возможностями, сохранением, хотя и с некоторой трансформацией, архаичной политической и экономической системы¹¹². При этом стоит согласиться с американским историком экономики Дж. Ф. Нормано, который отмечал: «В то время как в других районах неразвитого или слабо развитого капитализма экономисты и публицисты часто писали и все еще пишут стихи... в России поэты, романисты и драматурги обсуждали экономические судьбы мира. Русская интеллигенция в течение почти всего XIX столетия обсуждала и решала судьбы капитализма, будущее Европы, упадок западной цивилизации...»¹¹³ В эту работу включились и российские государственные деятели, среди которых были и талантливые реформаторы, и консерваторы-государственники, и свободлюбивые декабристы.

4.1. На благо царя и Отечества (М. М. Сперанский, М. А. Балугьянский, Е. Ф. Канкрин и др.)

Вторая генерация чиновников, связанных с финансово-правовой проблематикой, представлена именами преимущественно видных и высших государственных деятелей. Первое место среди них в политической и экономической истории страны занимает **Михаил Михайлович Сперанский** (1772–1839). Литература о нем обширна и разнообразна, в связи с чем напомним только о последних публикациях постсоветского периода¹¹⁴. В интересую-

¹¹² См.: Пушников А. М., Махров Н. И. Реформы и контрреформы в России (XIX – начало XX в.). Ярославль, 2000. С. 4–42.

¹¹³ Normano J. F. The Spirit of Russian Economics. New York, 1945. P. 3.

¹¹⁴ См.: Сперанский С. И. Учение М. М. Сперанского о праве и государстве. М., 2004; Томсинов В. А. Светило российской

щем нас финансово-правовом аспекте достойны внимания труды А. В. Романовича-Славатинского, В. Н. Твердохлебова, А. А. Ялбулганова и др.¹¹⁵ Рассуждения М. М. Сперанского о проблемах финансов публиковались неоднократно как в досоветский, так в советский и постсоветский периоды¹¹⁶.

Биография Михаила Михайловича достаточно известна, поэтому остановимся на ее основных вехах. Выходец из семьи приходского священника, он родился 1 января 1772 г., окончил Владимирскую семинарию с присвоением ему «прозвания» Сперанский (от лат. надежда). В конце 1788 г. как один из лучших учеников начал обучение в Петербургской (Алекса́ндро-Невской) главной духовной семинарии (с 1797 г. – Духовная академия). По окончании обучения, с 1792 г., его определяют на должность учителя математики, а затем физики и риторики. В 1795 г. он назначается учителем философии и дополнительно префектом семинарии. Свои обширные знания он получил не столько в духовной семинарии, сколько самостоятельно. Он хорошо знал основные европейские языки, а французским, английским и латынью владел свободно. Его познания в сфере права, экономики, философии, богословия соответствовали современным ему европейским стандартам, так как он изучил практически всю изданную по этой тематике литературу на языке оригинала. В частности, он одним из первых начал переводить на русский язык труды британского юриста И. Бентама. Его любимым времяпровождением, без разделения досуга и работы, были чтение и подготовка записок и проектов по различным проблемам, которые составляют сотни и в полном объеме не изучены до настоящего времени. На его образ жизни наложила отпечаток и личная трагедия ученого. Его жена, англичанка (дочь гувернантки, приехавшей с Британских островов), умерла в ранней молодости при родах, и он остался один с новорожденной дочерью на руках. Повторно семьи он так и не создал, отдавая все свое время работе и воспитанию дочери.

Круто его судьбу изменило занятие должности секретаря князя А. Б. Куракина. Когда последний стал генерал-прокурором в 1799 г., М. М. Сперанский поступает на службу в его канцелярию в чине титулярного советника (светского капитана). Действительным статским советником (светским генерал-майором) он стал уже в 1801 г. Забегая вперед, отметим, что до чина тайного советника (светского генерал-лейтенанта) он дослужился всего за десять лет и получил его в 1809 г. После создания министерств в 1802 г. он получает пост директора департамента МВД, а после его разделения на экспедиции возглавляет вторую экспедицию государственного благоустройства. Эта экспедиция как раз и занималась подготовкой проектов государственных преобразований. В 1803 г. М. М. Сперанским составляется «Записка об устройстве служебных и правительственных учреждений в России», где последовательно проводится идея конституционной монархии и разделения властей. Наконец, с 1807 г. молодой чиновник становится статс-секретарем Александра I, в 1808 г. включается в Комиссию по выработке Уложения законов, назначается одновременно товарищем (замести-

бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 1991 (2-е изд. 2006); Федоров В. А.: 1) М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997; 2) М. М. Сперанский // Российские реформаторы XIX – начала XX в. М., 1995. С. 34–76; Чибиряев С. А. Великий российский реформатор. М., 1993 и др.

¹¹⁵ См.: Дроздова Н. П. Проекты финансовых преобразований М. М. Сперанского и их реализация // История изучения общественных финансов в Санкт-Петербурге. Сб. СПб., 1997. С. 43–50; Романович-Славатинский. Граф Михаил Михайлович Сперанский. Киев, 1873; Семенова Т. Г. Финансовые реформы М. М. Сперанского // Финансы СССР. 1989. № 4; Твердохлебов В. Н. Сперанский и его деятельность в области финансов и денежного обращения // Советские финансы. 1945. № 12. С. 25–30; Ялбулганов А. А. Михаил Михайлович Сперанский // У истоков финансового права. М., 1998. С. 19–34. – Данный автор подготовил в том же издании содержательные очерки о жизненном пути и научном наследии Н. П. Тургенева (с. 109–120) и М. Ф. Орлова (с. 277–294), о которых речь пойдет далее.

¹¹⁶ См.: Сперанский М. М.: 1) Мысли о новых билетах казначейства // Русская старина. Т. 8. СПб., 1873; 2) План финансов // Сб. Императорского русского исторического общества. Т. 45. СПб., 1885; 3) Записки о монетном обращении с замечаниями Канкрин. СПб., 1895; 4) Проекты и записки. Л., 1961; 5) План финансов // У истоков финансового права. М., 1998. С. 35–98; 6) Руководство к познанию законов. СПб., 2002 и др.

телем) министра юстиции. В конце 1808 г. Александр I поручил своему секретарю составление общего плана преобразований общественно-политического строя России. В октябре 1809 г. такой план был разработан и получил название «Введение к Уложению государственных законов». На 1808–1812 гг. приходится период его максимального карьерного возвышения, когда он становится одним из наиболее влиятельных чиновников империи, косвенно влиявшим почти на все проблемы внутренней и внешней политики. Вместе с высоким статусом в его жизнь вошла огромная законопроектная работа, занимавшая до 18 часов в сутки без выходных. В начале 1810 г. Комиссия по составлению Уложения была преобразована в Комиссию при Государственном Совете, а ее директором стал М. М. Сперанский, одновременно являвшийся и первым секретарем Государственного Совета. Он явил собой новый тип государственного деятеля из интеллигентов-разночинцев и всеми своими карьерными успехами был обязан своим знаниям и деловым качествам. Естественно, что его блестящая карьера никогда бы не состоялась, если бы к нему не благоволил Александр I.

Михаил Михайлович был не столько «кабинетным ученым», сколько замечательным исполнителем монаршей воли, способным совместить свое либеральное мировоззрение с точкой зрения царя. Современники и потомки заслуженно называли его «светилом русской администрации», «светилом русской бюрократии», «генеральным секретарем», «гениальным бюрократом». Потенциально это был самый выдающийся реформатор XIX в., но практически ни одно из его начинаний не было доведено до конца, а некоторые были воплощены в жизнь более столетия спустя. При этом М. М. Сперанский был человеком честолюбивым, порой самонадеянным и гордым, стремящимся всегда быть первым, но это не переходило у него в гордыню и не достигало стадии самолюбования. Современники отмечали то, что ученый всегда тщательно следил за своей внешностью, был одет по последней моде. Его стремление быть основным докладчиком у императора и во всевозможных комитетах и комиссиях было общеизвестно. Как человек, вышедший из социальных низов, он ценил свое высокое положение в служебной иерархии.

В рамках подготовки бюджетной реформы в конце 1809 г. им разрабатывается «План финансов», утвержденный Александром I в феврале 1810 г. Надо отметить, что вышеназванный план был в какой-то степени результатом работы целого коллектива специалистов. Об этом будет сказано ниже. Здесь же отметим, что в подготовке данного документа, на наш взгляд, кроме М. М. Сперанского, наиболее активное участие приняли М. А. Балугьянский и Н. С. Мордвинов. С ними мы еще встретимся на страницах данного повествования. Видный ученый-финансист, профессор Киевского университета А. В. Романович-Славатинский считал, что при составлении этого плана «были строго проведены идеи Адама Смита, первым наставником которых у нас был Балугьянский»¹¹⁷. В. А. Буковецкий прямо назвал нашего героя «одним из примернейших русских учеников А. Смита» и связывал это также с влиянием М. А. Балугьянского¹¹⁸.

С 1812 г. М. М. Сперанский оказывается в опале, отправляется в ссылку в Нижний Новгород и Пермь, однако это не помешало ему с 1816–1819 гг. являться пензенским губернатором, а с 1819–1821 гг. – сибирским генерал-губернатором. Примечательно, что одной из причин его опалы стала симпатия реформатора к французской законодательной системе, в том числе к Кодексу Наполеона (Гражданскому кодексу Франции) 1804 г., наиболее прогрессивному в то время. Дошло до того, что его обвинили в шпионаже в пользу Франции. Вероятно, уверовавший в свои возможности реформатор в частном разговоре с пренебрежением высказался об императоре, что «доброжелателями» немедленно было сообщено по инстанции.

¹¹⁷ Романович-Славатинский. Граф Михаил Михайлович Сперанский. Киев, 1873. С. 22.

¹¹⁸ Буковецкий А. И. Указ. соч. С. 220.

В 1821 г. он был возвращен из ссылки в столицу, назначен членом Госсовета по департаменту законов и занялся преимущественно вопросами систематизации российского законодательства. После воцарения Николая I эта работа ученого получила высочайшее одобрение, а результатом ее стало «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах (1830) и «Свод законов» в 15 томах (1832). В 1826–1829 гг. он осуществлял общее руководство II Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, специально учрежденной для составления и издания вышеназванных актов, хотя официального назначения не получил. Начальником этого отделения с 1826 по 1847 г. был ближайший сподвижник реформатора М. А. Балугьянский, о котором будет сказано ниже. Работу на поприще систематизации законодательства венчал графский титул, полученный М. М. Сперанским в конце 1839 г. Всего он был награжден семью российскими (включая высшие ордена Александра Невского и Андрея Первозванного) и рядом зарубежных орденов (в том числе прусским орденом Красного Орла).

Он заложил своеобразную отечественную традицию, когда государственная деятельность и научная работа до известной степени объединялись. При этом главными научными трудами становились планы и программы, объяснительные записки, рассуждения о различных сферах государственной деятельности и др. Так, «План финансов» напрямую касался преобразований в сфере бюджета, налогов, денежного обращения, управления государственным хозяйством посредством, прежде всего, изменений в законодательстве. По форме изложения План отличался лаконичностью, ясностью и конкретностью формулировок. Предлагаемые мероприятия по спасению финансов России были приведены в стройную систему взаимосвязанных мер. При этом определялся порядок реализации этих мероприятий и сроки исполнения. «План финансов» имел две части: устройство финансов на 1810 г. (текущий план) и постоянное устройство их с 1810 г. на будущее время (перспективный план).

Появление «Плана финансов» было продиктовано тяжелым финансовым положением страны, огромным дефицитом ее бюджета, который покрывался неконтролируемым выпуском новых ассигнаций и займами. Россия оказалась на грани финансового краха. Для восстановления ее финансовой системы необходимо было решить две основные задачи: 1) устранить дефицит бюджета, уравнив доходы с расходами; 2) погасить государственный долг. Соответственно «План финансов» включал разделы: 1) о соразмерности доходов и расходов; 2) монетная и кредитная системы; 3) управление финансами¹¹⁹. По сути, речь шла о кардинальных реформах в области бюджета, кредита, денежного обращения и управления финансами.

О бюджетной системе. Согласно «Плану финансов» основным правилом бюджетной системы должно быть обеспечение соразмерности расходов с приходами, причем расходы должны учреждаться по приходам. Дефицит бюджета следует устранять сокращением расходов (издержек) и увеличением доходов. Все расходы, согласно Плану, подразделялись по категориям в зависимости от критериев классификации: 1) по управлению (по министерствам, по двору и проч.); 2) по степени нужды (необходимые, полезные, избыточные и излишние); 3) по пространству (государственные, окружные, волостные); 4) по характеру (обыкновенные и чрезвычайные); 5) по виду издержек (постоянные и переменные). Все статьи расходов распределялись в соответствии с указанными классами.

В доходной части бюджета доходы подразделялись в зависимости от источников на налоговые (подати и налоги) и неналоговые (доходы с казенных капиталов и доходы с казенной собственности).

В «Плане финансов» были заложены также основы бюджетного процесса: 1) порядок разработки проекта бюджета (росписи) учрежденным при Министерстве финансов специ-

¹¹⁹ См.: Михаил Михайлович Сперанский. План финансов // У истоков финансового права. М., 1998. Т. 1. С. 35–99.

альным комитетом, 2) внесение его на рассмотрение в Государственный Совет, 3) Высочайшее утверждение бюджета (годовой росписи доходов и расходов), а равно 4) порядок его исполнения на основании смет министерств через Казначейство под контролем Министерства финансов, которое дает заключения по кредитным запросам министерств. Планом предусматривалось придание государственному бюджету (росписи) силы закона на финансовый год¹²⁰.

Л. Н. Яснопольский (о нем см. далее), крупный специалист в области бюджетного права, утверждал, что М. М. Сперанский впервые создал формальную систему русского бюджетного права. «План финансов» был призван воплотить в финансовую практику идеи бюджета как «основного финансового закона» и создать гарантии его правильного составления. Более того, под контроль «основного финансового закона» должна быть поставлена вся деятельность Министерства финансов, а сам он должен внести порядок в «способы законодательствования абсолютной монархии». По мнению ученого, замысел преобразований был направлен против сверхсметных ассигнований как коренного зла русского бюджета, что, в свою очередь, позволило бы сохранить равновесие между утвержденной росписью доходов и расходов государства. Л. Н. Яснопольский утверждал, что законодательный порядок утверждения бюджета был краеугольным камнем бюджетно-правовой системы, смоделированной М. М. Сперанским. Если бы «План финансов» был осуществлен, то для русского бюджета были бы созданы те же правовые условия, в которых существует бюджетная практика в конституционных государствах. Ученый полагал, что теоретические идеи, адекватные идеям бюджетной реформы 1862 г., в зародышевой форме почти все были развиты в законодательстве Сперанского. Вклад последнего в развитие именно финансового права оценивается очень высоко¹²¹.

О налоговой системе. В «Плане финансов» в качестве сокращения дефицита бюджета рассматривались два пути: государственный кредит или увеличение налогов. М. М. Сперанский отдал предпочтение второму пути. В качестве задач реформы провозглашались достижение баланса доходов и расходов, увеличение наполняемости бюджета через введение новых обоснованных и не наносящих вред хозяйству внутренних акцизов и пошлин. Увеличение налогового бремени при этом не должно быть произвольным. Реформатором предлагались введение поземельной подати вместо подушной, отмена устаревших винных откупов и введение существующих в других государствах акцизов. Причем введение поземельной подати должно сопровождаться участием депутатов в губерниях, которые производят раскладку данной подати по волостям и уездам.

О монетной (денежной) системе. В «Плане финансов» монетная система рассматривалась в единстве с кредитной системой, сопоставлялись металлические монеты и кредитные бумаги. Монеты характеризовались свойствами достоверности, удобства и обширности. Кредитные бумаги, по «Плану финансов», «та же самая монета металлическая, но усовершенствованная в степени и пространстве обращения»¹²². В благоустроенной монетной системе устанавливались два рода монет: серебряная банковая и разменная (серебряная и медная). Медная монета должна иметь единственное предназначение – размен серебряной монеты.

О кредитной системе. В «Плане финансов» кредитные бумаги подразделялись на 4 класса: 1) кредитные бумаги, основанные на серебре; 2) бумаги, которые основаны на меди; 3) бумаги, основанные на товарах и недвижимом имуществе (векселя, закладные и заемные

¹²⁰ Там же. С. 48.

¹²¹ См.: Яснопольский Л. Н. Очерки русского бюджетного права. 1. Исторический обзор составления наших государственных росписей и бюджетная реформа Татаринова. М., 1912. С. 110 и далее.

¹²² См.: Михаил Михайлович Сперанский. План финансов С. 59.

бумаги, т. е. облигации); 4) бумаги, которые основаны на предложениях капитала (ассигнации). Первые два класса мы отнесли бы к бумажным деньгам.

Кредитная система также призвана обеспечить уравнивание доходов с расходами. В «Плане финансов» предусматривалось прекращение нового выпуска ассигнаций, а все старые ассигнации признавались государственным долгом, обеспеченным богатством государства. Но государственный долг, как известно, необходимо уплачивать (погашать). Финансовая практика других государств, как указывается в «Плане финансов», использует следующие способы погашения бумаг: 1) отказ платежей или банкротство; 2) выкуп ассигнаций; 3) возвышение их кредита; 4) уменьшение количества бумаг, уравнивая их с металлической монетой; 5) уничтожение бумаг. В «Плане финансов» предусматривалось для погашения имеющихся в обороте ассигнаций открыть внутренний заем, который должен быть основан на серебре по курсу. Причем заем предлагался в разных видах, чтобы в случае неудачи одного вида заменить другим. Реформа как монетной, так и кредитной системы предполагала учреждение банка, основанного на серебре.

Об управлении финансами. Реформа управления в сфере финансов предполагала соединение всех государственных доходов и расходов в одном управлении – Министерстве финансов. В нем за источники дохода должен отвечать министр финансов, за движением капиталов – государственный казначей, за общую проверку (ревизию) – государственный контролер.

Отечественный ученый А. В. Романович-Славатинский большинство «животворных начал», внесенных Сперанским в российскую финансовую администрацию, связывал с преобразованием денежной системы. По его мнению, это касалось того, что он первым признал наши ассигнации действительным государственным долгом, обеспеченным «на всех богатствах империи», признал необходимость постепенного пресечения выпуска новых ассигнаций и погашения государственных долгов, установил главной монетной единицей серебряный рубль. Кроме того, по мнению А. В. Романовича-Славатинского, русский реформатор был близок к идее А. А. Татаринова (о нем см. далее) о единстве кассы и сосредоточении контроля. Он установил, что чрезвычайные расходы по требованию министров могут устанавливаться не иначе как по рассмотрению Госсовета, первым потребовал гласности росписи государственных доходов и расходов, наконец, составил в 1810 г. тариф, который был родоначальником и моделью для всех позднейших наших тарифов¹²³.

Одной из целей Плана было повышение доверия общества к прочности государственных учреждений. Предполагалось установление более эффективного контроля над государственными издержками. Именно в соответствии с данным Планом в 1811 г. учреждается Главное управление ревизии государственных счетов, во главе которого встал государственный контролер. Первым эту должность получил сподвижник М. М. Сперанского *Б. Б. Кампенгаузен*, занимавший эту должность до 1823 г.

Чиновник Министерства финансов *И. С. Блюх* (о нем см. далее) по прошествии почти 70 лет со дня принятия «Плана финансов» в своем фундаментальном исследовании, посвященном истории русских финансов, отмечал, что этот план заложил «твердые начала в бюджетном деле», что являло собой «важный, но тяжелый подвиг М. М. Сперанского». И. С. Блюх оценивал М. М. Сперанского и его сподвижника Н. С. Мордвинова как «двух защитников строгого сбережения государственных доходов и восстановления нормального денежного курса»¹²⁴.

Ближайшим сподвижником М. М. Сперанского был еще один видный государственный деятель **Михаил Андреевич Балугьянский** (1769–1847). Это был уроженец Венгрии

¹²³ См.: Романович-Славатинский. Указ. соч. С. 22–23.

¹²⁴ См.: Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. История-статистика. СПб., 1882. Т. 1. С. 110, 132.

(родился 26 сентября 1769 г. в местечке Фельсе-Ольева), словак (возможно, украинец) по национальности, подданный Австрийской империи Габсбургов. В венгерской транскрипции его фамилия читается как «Балудянский», под которой он и был известен в Европе. Он окончил в 1787 г. Королевскую академию правоведения в г. Кашау (ныне г. Кошице в Словакии) и юридический факультет Венского университета (1789). Данный университет в то время был признанным центром изучения финансовой науки, где преподавал один из отцов-основателей данной науки И. Зонненфельс. Таким образом, воспитан наш герой был в духе классического австрийского консерватизма, во враждебности к несбыточным либеральным теориям. При этом характер он имел миролюбивый и общительный, склонялся к компромиссам и не любил лобовых столкновений. К тому же он умел учиться, а его идейные воззрения были открыты для эволюции. По некоторым данным, уже будучи преподавателем, он входил в кружок политических радикалов, однако этой «детской болезнью» он переболел достаточно быстро и без последствий.

Сразу после завершения учебы М. А. Балугьянский начал вести занятия в Гражданской академии Гросс-Вардейн (г. Надьвард, ныне на территории Венгрии) по политической экономии, полицейскому, финансовому и торговому праву. С 1796 г. он уже доктор права и профессор Пештского университета, где руководил кафедрой истории, статистики, публичного и народного права, некоторое время исполнял должность декана. К тому времени это был ученый с европейским именем, специалист по политической экономии и финансовому праву. Он владел пятью основными европейскими языками, рядом славянских языков. Уже в России выучил русский, на котором достаточно много писал, однако наш язык дался ему с большим трудом и он так и не избавился от сильного акцента, предпочитая в общении французский.

В начале 1804 г. он прибыл в Россию по официальному приглашению для преподавания в Учительской гимназии (с 1804 – Петербургский педагогический институт) по кафедре политической экономии. В том же году он был приглашен в только что созданную Комиссию составления законов (отдел государственного хозяйства и финансов). С названной комиссией ученый сотрудничал до ее упразднения в 1826 г. Его можно считать ближайшим помощником М. М. Сперанского в подготовке «Плана финансов». Его отношения с известным реформатором были хорошими и равными, но по человеческому типу М. М. Сперанский представлял полную противоположность нашему герою. Пожалуй, единственный упрек, который сделал Михаил Андреевич своему русскому коллеге, заключался в том, что тот не был глубоко знаком с немецкой культурой и наукой, так как не знал в совершенстве немецкий язык. Именно ориентация М. М. Сперанского на французский опыт государственного строительства, менее устойчивого, чем германский, способствовала, по его мнению, неудачам проводимых реформ¹²⁵. В свою очередь М. М. Сперанский всегда неизменно высоко отзывался о М. А. Балугьянском и своим интересом к учению А. Смита он во многом был обязан своему товарищу. В целом они работали согласованно и результативно¹²⁶.

С 1809 г. Михаил Андреевич назначается начальником 4-го отделения («публичного права и государственной экономии») Комиссии составления законов при Министерстве юстиции, с 1810 г. по просьбе министра финансов Д. А. Гурьева ведет разработку различных проектов по его ведомству. В 1817 г. ученый возглавил Комиссию погашения государственных долгов Министерства финансов и работал в ней до начала 1829 г. Преуспел он и на педагогическом поприще, став в 1813 г. деканом философско-юридического факультета Петербургского педагогического института. Там в качестве профессора им читался

¹²⁵ См.: Баранов П. И. Михаил Андреевич Балугьянский, Статс-секретарь, Сенатор, Тайный советник. (1769–1847). Биографический очерк. СПб., 1882. С. 41–43.

¹²⁶ См.: Грюневальд И. Сперанский и Балугьянский. Участие в установлении узаконений для Прибалтийских губерний // Русская старина. 1882. Т. 35. С. 41–58.

курс «Право финансовое и коммерческое», причем без всякого вознаграждения. В 1819 г. он становится первым ректором Санкт-Петербургского университета, одновременно занимает кафедру энциклопедии права, политических наук и политической экономии. Кроме того, в 1813–1817 гг. он преподавал юридические науки (естественное, публичное и народное право) великим князьям Николаю (будущий Николай I) и Михаилу. О его преподавательских качествах сведения неоднозначные. Эрудиция ученого, ораторский дар и лекторское воодушевление не ставили под сомнение, однако впечатление ослабляло не совсем твердое знание лектором русского языка.

В 1821 г. в знак протеста против увольнения ряда университетских профессоров за «неблагонадежность» М. А. Балугьянский оставляет пост ректора, а со следующего года назначается старшим членом Комиссии составления законов, занимается упорядочением административного и финансового законодательства, формирует ряд предложений по совершенствованию финансовой деятельности государства. Как уже указывалось выше, в 1826–1847 гг. он возглавлял II Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, на которое возлагалась задача по систематизации российского законодательства: создание Полного собрания законов Российской империи в хронологическом порядке, составление систематического Свода действующих законов, Составлений уложений (новых законов). Управление всеми работами по кодификации было поручено М. М. Сперанскому. С 1826 г. М. А. Балугьянский стал тайным советником¹²⁷.

После ухода с поста ректора столичного университета Михаил Андреевич полностью не оставил преподавания, хотя зачастую читал лекции «без содержания» (до 1824 г.). Его по-прежнему интересовали проблемы просвещения. В частности, он выступил инициатором отправки студентов юридических факультетов российских университетов для обучения в Берлинский университет, а затем и в другие германские университеты. В целом эта практика сохранялась с 1829 по 1835 г. Михаил Андреевич постоянно поддерживал связь с европейским научным миром, переписывался с немецким ученым А. Гумбольдтом и министром внутренних дел Пруссии Л. Штейном. Помимо профессиональных знаний в области правовых и экономических наук, М. А. Балугьянский неплохо разбирался в архитектуре, живописи, музыке, играл на флейте.

Ученый со временем окончательно сроднился со своим новым отечеством, в 1837 г. был возведен в русское дворянство. По вероисповеданию униат, последнее причастие он принял по православному обряду. От своих венгерских привязанностей он сохранил только пристрастие к токайскому вину. Современники свидетельствовали, что глубокая ученость сочеталась у него с детским добродушием, полным отсутствием рисовки. При этом ученый был прямодушен и эмоционален, совершенно не умел льстить и нередко страдал за свою несдержанность. Жизнь он вел самую скромную, с небрежением относился к своей внешности, был непривлекателен в еде, а со второй половины 20-х гг. XIX в. большую часть времени работал в кабинете в своей квартире, облачившись в свой старый халат. С возрастом он приобрел типичную профессорскую рассеянность и мог прийти на прием, одевшись в два фрака. По выходу после приема он долго удивлялся тому, что забыл дома плащ, перепутав его со вторым фраком. Сетование Михаила Андреевича в частных разговорах на недостаток средств можно понять, поскольку он имел 10 детей, 7 из которых дочери. Естественно, достойное устройство их судьбы по меркам того времени требовало немалых средств.

Его финансово-правовые воззрения выражены как в уже упомянутых государственных проектах, так и в ряде статей, в которых он преимущественно разбирает экономическое уче-

¹²⁷ См.: Баранов П. И. Указ. соч.; Белозеров С. А., Дубянский А. Н. Михаил Андреевич Балугьянский // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 109–116; Тамсинов В. А. Михаил Андреевич Балугьянский // Российские правоведы XXVIII–XX веков. Очерки жизни и творчества: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 202–220; Фатеев А. Н. Академическая и государственная деятельности М. А. Балудянского в России. Ужгород, 1931 и др.

ние А. Смита о природе и причине богатства народов¹²⁸. Читаемый им курс политэкономии также был построен в основном в соответствии с идеями А. Смита. В отечественной литературе Михаила Андреевича даже именовали, не без основания, «первым наставником» идей А. Смита в России¹²⁹.

Напомним, что его практическая деятельность была связана в значительной части с финансовым законодательством. Изменения в нем он ставил в зависимость от изменений общего политического курса, с возможной отменой крепостного права. Михаил Андреевич придерживался прогрессивных идей о придании государственному бюджету силы закона, о введении поземельной подати, о соответствии тяжести налогового бремени экономическим возможностям налогоплательщиков. Он разрабатывал теоретические основы создания кредитных учреждений, порядка определения системы государственных смет.

К сожалению, крупных печатных трудов на русском языке ученый не имел, а составленные им рукописные труды по большей части не известны. Так, в записке на имя министра финансов Д. А. Гурьева от 22 ноября 1816 г. он упоминает о составлении обширного труда в 8 томах на русском и французском языках «по политической экономии и финансам». Там же он говорит о ряде проектов разных финансовых мероприятий, принятых в 1810 г. и введенных постепенно в 1810–1812 гг. Вероятно, среди них есть и первичная записка о будущем «Плане финансов». Также ученый пишет о наличии трех обширных записок с изложением истории финансовой администрации России от Петра I до 1812 г. Им упоминается о разработанном финансовом плане, одобренном Александром I в 1814 г. Перечислены, среди прочего, поданные им проекты преобразований кредитных учреждений, банков, о введении бумажных денег. Есть данные о написании им сочинения «Изображение различных хозяйственных систем»¹³⁰. Насколько нам известно, ни один из этих актов, ни одно сочинение не были полностью опубликованы, а о большинстве из них в литературе нет даже упоминаний.

М. А. Балугьянский заложил ряд новых для России традиций. Так, он был первым крупным ученым, который сначала совмещал преподавание в вузе с государственной деятельностью, а затем полностью перешел на государственную службу. Свои научные амбиции он смог реализовать, как нам представляется, именно на поприще государственной деятельности. М. М. Сперанский также начинал как преподаватель, но преподавал непрофильные для финансов дисциплины и практически сразу полностью переключился на госслужбу. Кроме того, М. А. Балугьянский смог подготовить учеников как в Петербургском педагогическом институте, так и из числа подчиненных ему чиновников. Это относится и к *Н. И. Тургеневу*, о котором речь пойдет ниже.

На службе во II Отделении императорской канцелярии Балугьянский оставался до самой смерти, последовавшей 3 апреля 1847 г. В последние годы жизни он уже плохо слышал и плохо видел. Его руководитель, главноуправляющий II Отделением Д. Н. Блудов, заступив на эту должность, доложил Николаю I, что начальник II Отделения Балугьянский, слепой и оглохший старик, должен быть отправлен в отставку. На это Император довольно резко ответил: «Позвольте, граф, мне и Михаилу Андреевичу остаться на наших местах до нашей кончины»¹³¹.

Нельзя не отметить, что взгляды ученых на конкретный вклад авторов в подготовку «Плана финансов» разнятся. Так, некоторые исследователи отдают пальму первенства М.

¹²⁸ См.: Балугьянский М. А.: 1) Национальное богатство // Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1–2. С. 45–71, 33–70; 2) Статья теоретическая о разделении и обороте богатства // Там же. 1808. Т. 2. Ч. 2. С. 1–26.

¹²⁹ Романович-Славатинский. Граф Михаил Михайлович Сперанский. Киев, 1873. С. 22.

¹³⁰ См.: Баранов П. И. Указ. соч. С. 14, 38 и др.

¹³¹ См.: Фатеев А. Н. Указ. соч. С. 55.

А. Балугьянскому или называют его «планом Балугьянского-Сперанского»¹³². Достаточно оригинальным выглядит приписывание авторства «Плана финансов» М. М. Сперанскому, Д. А. Гурьеву и Н. С. Мордвинову¹³³. Очевидно, что Д. А. Гурьев (1751–1825), бывший с 1802 г. товарищем министра, а в 1810–1823 гг. – министром финансов России, в соавторы включен быть не может. Реформаторские способности этого чиновника его современники оценивали достаточно скромно, а предложенные им проекты, в том числе по освобождению крепостных крестьян (1819), были крайне консервативны. Говоря современным языком, это был «крепкий хозяйственник», деятельность которого на посту министра финансов имела достаточно печальные последствия. Кроме того, его отношения с М. М. Сперанским были натянутыми, и Д. А. Гурьев имел прямое отношение к опале известного реформатора. Так же очевидна важная роль М. А. Балугьянского, который был наиболее подготовлен именно к финансово-правовым аспектам преобразований. Более того, первоначально записка по этому предмету была представлена, вероятно, именно М. А. Балугьянским. Однако мы считаем правильным называть автором «Плана финансов» именно М. М. Сперанского, так как он был главным идеологом, движущей силой его создания, представлял проект Александру I и в Госсовете. Это роднит План с так называемыми «именными» законами, например в США, хотя в подготовке таких законов принимает участие целый круг политиков и специалистов. Первоначально его проект обсуждался в узком составе государственных деятелей, в который входили, помимо вышеназванных лиц, министр внутренних дел В. П. Кочубей (1768–1834), будущий государственный контролер Б. Б. Кампенгаузен (1772–1823), граф С. О. Потоцкий (1762–1829)¹³⁴. В Департаменте экономии Госсвета План представлял Н. С. Мордвинов, о котором речь пойдет в следующем параграфе.

Несколько иную роль в генезисе науки финансового права сыграл другой высший российский сановник **Егор Францевич Канкрин** (1774–1845). Георг (Егор) Канкрин родился 16 ноября 1774 г. в г. Ганау (Гессен), обучался в университетах Гессена и Марбурга, доктор права (1794). Его интересы уже с молодости были достаточно разнообразны. Он живо интересовался вопросами философии, архитектуры и археологии, неплохо играл на скрипке, был любителем театра, написал немало рецензий и несколько рассказов.

Молодой специалист приехал в 1797 г. в Россию, где его отец, известный минералог, заведовал Старорусскими соляными заводами. Первоначально Петербург, да и вся Россия произвели на него не лучшее впечатление, а первые шесть лет в своем новом отечестве он провел с высоким чином надворного советника, но без определенного служебного положения и даже в нужде. Только в 1800 г. благодаря покровительству графа А. И. Остермана он получил должность помощника своего отца в Старой Руссе с чином коллежского советника, но это принципиально не изменило ситуации.

В 1803 г. он определен на службу в МВД советником при экспедиции государственного хозяйства, в 1809 г. – инспектором иностранных колоний Петербургской губернии. Записка, напечатанная Е. Ф. Канкриным в 1809 г., о военном искусстве "Fragmente uber die Kriegskunst" (анонимно, СПб., 1809; 2-е издание, Брауншвейг, 1815) и работа «О системе и средствах продовольствования больших армий» обратили на себя внимание немецких генералов при Александре I. В начале 1811 г. он назначается помощником генерал-провиантмейстера Военного министерства, в 1812 г. – генерал-интендантом I Западной армии, а в начале

¹³² См.: Белозеров С. А., Дубянский А. Н. Указ соч. С. 112; Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб, 1909. С. 81; Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948. С. 34 и др.

¹³³ См.: Коломиец А. Г. Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра Освободителя. М., 2001. С. 245.

¹³⁴ Подробнее о них см.: Лушникова М. В., Лушников А. М. Наука финансового права на службе государству. Ярославль, 2010. С. 77–79.

1813 г. – генерал-интендантом всей действующей русской армии, с которой он совершил заграничный поход 1813–1814 гг. На Е. Ф. Канкрине лежала обязанность организации снабжения продовольствием войск и позднее – ликвидации расчетов с союзными государствами и Францией.

В 1815 г. он представил отчет о своей деятельности как генерал-интенданта, опубликованный позднее (в 1857). Исследователями его организаторские способности на военнотыловом поприще в целом оцениваются положительно, хотя встречаются и достаточно резкие замечания¹³⁵. В 1816–1820 гг. он находился при Главной квартире в Могилевской губернии. В этот период Е. Ф. Канкрин вернулся к научным занятиям и написал ряд работ на немецком языке: "Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswirtschaft" («Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство»), анонимно, Мюнхен, 1821)¹³⁶, также "Ueber die Militar-Oekonomie im Frieden und Kriege" («О военной экономике во время войны и мира», анонимно, СПб., 1820–1823). В 1820 г. Егор Францевич назначен членом Военного совета, в 1821 г. – членом Государственного Совета по Департаменту государственной экономики. Наконец, с 1823 по 1844 г. он был министром финансов России, в 1828 г. произведен в генералы от инфантерии, а в 1829 г. ему было пожаловано графское достоинство. Е. Ф. Канкрин являлся почетным членом Петербургской (с 1824) и Парижской (с 1844) Академий наук, кавалером 8 российских (в том числе высших Александра Невского и Андрея Первозванного) и многих иностранных (в том числе австрийского Леопольда и прусского Черного Орла) орденов.

Еще до назначения на пост министра финансов он изложил свое финансовое кредо в ряде публикаций, прежде всего в упомянутой работе «Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство». Егор Францевич считал ее сугубо теоретической, однако она прошла малозамеченной и вызвала только отрицательные отзывы. Между тем это оказалась определенная программа его практической деятельности на посту министра финансов. Его перу принадлежит и записка об освобождении крепостных крестьян (1816 г., подана Александру I в 1818 г.). В этом проекте отражены его отрицательное отношение к крепостничеству и тяга к постепенности. Отмену крепостного права он предлагал начать в 1820 г., а завершить к 1850 г.

Как экономист Е. Ф. Канкрин причислялся германским экономистом В. Рошером к русско-немецкой школе и к противникам либеральной школы А. Смита. Финансово-правовые взгляды ученого и их реализация в деятельности на посту министра финансов исследованы достаточно подробно. Довольно высоко оценили их российский финансист, чиновник Министерства финансов И. С. Блюх (о нем будет сказано отдельно), известный специалист по финансовому праву В. А. Лебедев и историк А. А. Корнилов¹³⁷. Некоторые специалисты по финансовому праву досоветского и постсоветского периодов более сдержанны и намного более критичны¹³⁸.

И. С. Блюх дал следующую емкую характеристику финансовой системы Е. Ф. Канкрин: «Е. Ф. Канкрин с беспощадным упорством ввел свою систему в дело управления финансами и применял ее во всех частях: частный кредит подпал под влияние государствен-

¹³⁵ См., напр.: *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М., 2007. С. 160, 193, 399–340, 438.

¹³⁶ В этой книге ученый уже высказал те взгляды, которые затем проводил в жизнь, когда стал министром финансов.

¹³⁷ См.: *Блюх К. С.* Финансы России XIX столетия. История-статистика. Т. 1. СПб., 1882. С. 155–241; *Лебедев В. А.* Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896; *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М... 1993 (по изд. 1918). С. 167–174. – Впрочем, А. А. Корнилова известный финансист А. И. Буковецкий отнес к «невнимательным и ничего не знавшим читателям» (*Буковецкий А. И.* Указ. соч. С. 221).

¹³⁸ См., например: *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909; *Судейкин В. Т.* Восстановление в России металлического обращения (1839–1843). М., 1891; *Левичев И. Н.* Реформа Канкрин//Деньги и кредит. 1993. № 4; *Семенова Т. Г.* Е. Ф. Канкрин и финансы России//Финансы СССР. 1991. № 10 и др.

ного, частная промышленность ослаблена в пользу государственной, кредитные учреждения послужили лишь орудием для финансовых операций казны. Хотя нельзя отрицать, что граф Канкрин был ярким защитником покровительственной системы, в самом узком значении этого слова, и поборником запретительной системы, введенной в 1822 г., благоволил к устарелым идеям, считая либералов своими личными врагами, считал железные дороги опасными разрушителями народного благосостояния, ввел откупную систему в питейном деле вместо акцизной... Но все-таки он представляет собой одного из крупнейших государственных деятелей в истории русских финансов, оказавшего незабвенные услуги России и ее экономическому развитию... Его более чем двадцатилетняя деятельность отозвалась самым благоприятным образом на государственных финансах, торговле, промышленности»¹³⁹.

Действительно, его взгляды на проблемы финансов были достаточно консервативны, и тот же И. С. Блюх отмечал «инертность и враждебное отношение Е. Ф. Канкрин к всем новшествам»¹⁴⁰. Он был против развития системы частных банков, не поощрял государственное субсидирование строительства железных дорог и частных предприятий. Дело доходило до того, что когда долгосрочные ссуды должны были выдаваться казенным банкам, то это допускалось только с личного разрешения министра. Сам министр любил говорить, что главная заслуга его «не столько в том, что он сделал, сколько в том, чему помешал»¹⁴¹. Частные банки Канкрин сравнивал с шарлатанством. Сильно противился он и введению телеграфа, который будто бы никогда не в состоянии заменить курьеров. При нем искусственно поддерживалась кустарная дворянская промышленность, но недостаточно стимулировался рост крупного промышленного производства. В целом в экономической сфере решительные преобразования так и не были произведены, да Е. Ф. Канкрин к ним и не стремился. Постоянный рост военных расходов, низкая исполнительская дисциплина, коррупция на всех этапах государственной власти сделали экономику того периода «экономикой застоя».

Как уже указывалось, Е. Ф. Канкрин был сторонником государственного протекционизма, хотя и с известной гибкостью. Об этом свидетельствует хотя бы то, что таможенный тариф пересматривался при нем 6 раз, причем постоянно в сторону увеличения. Он последовательно проводил жесткую экономию бюджетных средств, а введение новых податей и сборов считал только крайней мерой. Однако в условиях постоянных войн, которые вела Россия, это было крайне сложно. При нем была восстановлена система винных откупов, введены акцизы на табак, инородцы были обложены подушной податью. Введение винных откупов вместо винной монополии в 1827 г. в первые годы дало некоторый финансовый эффект, но затем откупщики стали скрывать от казны доходы, а уровень взяточничества в этой сфере превысил все мыслимые масштабы. Министр считал винные откупы более эффективными с экономической точки зрения, чем государственная монополия на винокурение¹⁴². Он стремился засекретить реальное состояние отечественных финансов и государственный бюджет, даже не допускал гласности при обсуждении его проекта. Широкое применение получило использование средств казенных учреждений и государственные займы, которые он считал злом, хотя и неизбежным.

Вследствие своей крайней бережливости, порой переходящей в жадность, министр финансов стал персонажем многих притч и анекдотов. Говорили, что он даже дома ходил только в генеральской шинели, курил только российский табак, а обстановка его кабинета

¹³⁹ Блюх К. С. Финансы России XIX столетия. История-статистика. Т. 1. СПб., 1882. С.243–244.

¹⁴⁰ Там же. С. 202.

¹⁴¹ Лебедев В. А. Указ. соч. С. 6.

¹⁴² См.: Канкрин Е. Ф. Записка о разных способах взимания питейного дохода, 1826 г. // Сборник сведений и материалов по министерству финансов. 1866. Кн. 3.

была настолько аскетичной, что там не было даже стакана для воды. Подчеркнем и то, что практически все свои произведения он публиковал анонимно. Впрочем, последнее было следствием скорее не скромности, а писательского честолюбия, опасения последующей критики. П. Ф. Брок (1805–1875), бывший министром финансов в 1852–1858 гг., рассказывал следующую историю. Однажды на докладе у Николая I он получил от государя вопрос о возможности выделения денежных средств на определенные мероприятия. П. Ф. Брок ответил, что для выполнения воли Его Величества всегда средства найдутся. Николая I такой ответ очень обрадовал, и он сказал: «Очень рад, Брок, что я не встречаю в тебе того всегдашнего противоречия, которому меня научил Канкрин. Он, бывало, придет ко мне в туфлях (граф Канкрин страдал опухолью ног), станет у камина греть себе спину, и, что бы я ни говорил, у него всегда один ответ: "Нельзя, Ваше Величество, никак нельзя..."»¹⁴³ Впрочем, это не помешало ему 21 год занимать пост министра финансов. Этот своеобразный рекорд в нашей истории смог превзойти только А. Г. Зверев (1900–1969), бывший наркомом (с 1946 г. – министром финансов) СССР с 1938 по 1960 г., с небольшим перерывом в 1948 г., когда он был заместителем министра финансов СССР.

При этом несомненно одно. Е. Ф. Канкрин был достаточно незаурядным финансистом и видным государственным деятелем. Его чиновничье «долголетие» было связано отчасти с его научными познаниями и такими человеческими качествами, как честность, скромность, бережливость. Его работоспособность в годы министерства была просто поразительной: он работал по 15 часов в день, не считая времени приема посетителей и просителей. Если в начале своего управления министерством финансов он имел репутацию мизантропа, нелюбимого ворчуна с резкими выходками и немца, безбожно коверкающего русский язык, то вскоре все изменилось. Он приобрел репутацию не только честного счетовода, которого трудно обмануть, но и знатока в сфере финансов и хорошего организатора. М. А. Корф, бывший подчиненный Е. Ф. Канкрин, так писал о нем: «С обширными, если не всегда глубокими знаниями по всем отраслям знаний человеческих, с изумительною деятельностью и быстротою в работе, с прозорливою дальновидностью, наконец, с умом необыкновенно практическим, в нем соединялся чрезвычайный дар находить простую и удобную развязку для самых сложных и прихотливых вопросов. В речах его, несмотря на странный немецкий их склад и еще более странный выговор, всегда было что-то пластическое, осязательное для умов и понятий всех степеней...»¹⁴⁴ Не стоит забывать, что при абсолютной монархии деятельность министра финансов могла осуществляться только при поддержке монарха. Николай I благоволил Е. Ф. Канкрину постоянно и неизменно.

Отметим, что большинство своих более поздних финансовых исследований Е. Ф. Канкрин подготовил в виде сообщений, обзоров, записок, докладов. В 1838 г. он читал лекции по финансовой науке великому князю Александру Николаевичу (будущему Александру II) (напечатаны в Петербурге в 1880 г. под заглавием: «Краткое обозрение Российских финансов графа Е. Ф. Канкрин»). Перед оставлением министерства он представил государю «Обзор примечательнейших действий по финансовой части в течение 20 последних лет».

Многие взгляды ученого представляют значительный интерес, тем более что некоторые из них имели реальное воплощение. Принципы его финансово-правовой политики можно свести к следующим: 1) бережливость и экономия бюджета, отказ от всех непроизводственных расходов, в том числе от излишних военных. Его кредо в этой части выражено в словах: «Я скряга на всё, что не нужно». Результатом должен стать бездефицитный, сбалансированный бюджет; 2) осторожность в пользовании государственным кредитом, централизованный контроль за его выдачей. Совершенствование финансового контроля и отчетности,

¹⁴³ Цит. по: Блюх И. С. Указ. соч. С. 242.

¹⁴⁴ Цит. по: Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 199.

необходимость иметь финансовые резервы на случай чрезвычайной ситуации; 3) крайняя осторожность в установлении новых налогов, избежание увеличения прямого обложения, гибкое обложение косвенными налогами. Воздержание от введения новых налогов должно сопровождаться усовершенствованием взимания старых; 4) поднятие отечественной промышленности, в том числе посредством покровительственных таможенных тарифов (которые, впрочем, не должны быть запретительными) и ограниченного государственного кредитования; 5) упрочение денежной системы и проведение финансовой реформы с целью укрепления рубля и стабилизации денежного обращения; 6) при осуществлении вышеназванного руководствоваться правилом «не ломать, а постепенно улучшать». Конечной целью своей финансовой политики он видел повышение благосостояния народа и отдельных слоев его быта. В связи с этим вымогать доходы у беднейшей части населения он считал столь же непристойным, как и рубить плодоносящее дерево.

Практическая деятельность Е. Ф. Канкрин на посту министра финансов России была чрезвычайно разносторонней. С его именем связаны упорядочение русской денежной системы, усиление протекционизма и улучшение государственной отчетности и счетоводства. Между тем денежная реформа 1839–1843 гг. была проведена по инициативе не столько Е. Ф. Канкрин, сколько императора Николая I. Идея реформы была взята из проекта Джона Гранта, представленного последним Александру I в 1821 г. Из проектов реформ за основу были взяты проекты М. М. Сперанского и Е. Ф. Канкрин, разница между которыми сводилась только к тому что первый из них предлагал прибегнуть к зарубежным займам, а второй считал возможным обойтись без оных. Проект Н. С. Мордвинова по традиции был признан нереалистичным. Кстати, взгляд Канкрин на бумажные деньги был отрицательным, по его мнению, советовать государству выпускать бумажные деньги – это то же, что советовать юноше идти в игорный дом. При упадке в цене бумажных денег он предлагал не погашение, а их предварительное фиксирование, т. е. девальвацию. Уменьшение количества бумажных денег должно делать не посредством больших займов, а посредством сбережений, отчуждения государственных имуществ в частные руки и введения особенных налогов.

В силу Высочайшего манифеста 1 июня 1843 г. ассигнации и иные бумажные знаки стали обмениваться на «государственные кредитные билеты», в свою очередь разменные на звонкую монету. Вся реформа была проведена с большой осторожностью и постепенностью. Теоретически Е. Ф. Канкрин считал бумажные деньги продуктом высокоразвитого хозяйственного строя и допускал их с рядом ограничений (разменный фонд, тщательный контроль со стороны государства, производительные цели выпусков и т. д.). Неразменные деньги – долг государства, и в случае злоупотреблений – самый несправедливый налог; отсюда явное предпочтение Е. Ф. Канкриным металлических денег. В. Т. Судейкин, также персонаж нашей книги, писал, что восстановление в России металлического обращения стало достижением блестящего результата служебной деятельности гр. Канкрин. Этим он увековечил свое имя в экономической истории России, что было уделом весьма немногих наших государственных деятелей¹⁴⁵. Вместе с тем В. Т. Судейкин отметил и коренной недостаток – «реформа не создала эластичности в области денежно-кредитного обращения и не знала выпуска кредитных рублей соответственно нуждам торговли и промышленности под обеспечение легко реализуемого коммерческого актива банка»¹⁴⁶.

При Е. Ф. Канкрине было восстановлено денежное обращение, но не было принято достаточных мер по его укреплению. Ошибочной признавалась и политика, когда кредитное обращение оставалось только в руках государства. И. И. Кауфман, еще один персонаж нашей

¹⁴⁵ См.: Судейкин В. Т. Восстановление в России металлического обращения (1839–1843). Исторический очерк. М., 1891. С. 1.

¹⁴⁶ Там же. С. 64.

книги, считал, что заслуга в проведении денежной реформы Е. Ф. Канкрин не так уж велика, а Николай I опередил его в понимании законов денежного обращения. Более того, роль графа в проведении реформы он считает скорее отрицательной, особенно в «осторожном» приеме звонкой монеты во все платежи казне. Однако И. И. Кауфман не преминул назвать графа «самым лучшим финансистом России и одним из лучших финансистов Европы»¹⁴⁷. Основательную критику встретила денежно-кредитная реформа Е. Ф. Канкрин и за границей, где Н. И. Тургенев, проживавший в Париже, высказал против этой реформы серьезные возражения. Сделанные им возражения были двоякого рода: одни касались способа восстановления металлического обращения, другие же были направлены против главных оснований реформы. Н. И. Тургенев считал возможным восстановить металлическое обращение, уничтожив ассигнации мелких достоинств. Он указывал на вред выпуска депозитных билетов мелких достоинств и ссылаясь при этом на пример Франции¹⁴⁸.

В таможенной политике Е. Ф. Канкрин был сторонником не охранительных, но протекционистских и фискальных пошлин. В этом смысле, а также благодаря его симпатиям к государственному вмешательству в народнохозяйственную жизнь, его частнохозяйственному пониманию роли государства, наконец, его отношению к промышленности, нашего героя иногда называют «русским Кольбером». Относясь отрицательно к тарифу 1819 г., он в общем соглашался с покровительственным тарифом 1822 г., хотя и находил отдельные ставки чрезмерными. Пересмотры тарифов при Е. Ф. Канкрине (1825, 1830, 1831, 1836, 1838, 1841 гг.) сопровождались повышением и понижением отдельных ставок, но в целом носили повышательный характер; тем не менее их результаты, в общем, в смысле роста таможенных доходов, русской промышленности и активности баланса были благоприятны. В частности, тариф 1826 г. повлек рост русского сахарного производства. Во избежание роста контрабанды была увеличена таможенная стража и улучшена организация таможенного дела, хотя роста контрабанды и злоупотреблений на таможне избежать не удалось.

При этом улучшение финансовой системы связывалось им с развитием науки, технического прогресса и образования. Егор Францевич учредил мануфактурный совет, устраивал промышленные выставки в Петербурге и Москве, давал специальные поручения агентам министерства за границей. Он основывает Технологический институт в Петербурге, по его инициативе создается ряд специальных изданий, в том числе «Коммерческая газета», «Журнал мануфактур и торговли» и др. Его усилиями были облегчены процедуры при открытии промышленных учреждений. Граф содействовал развитию овцеводства, горного дела (преобразование горного законодательства, казенной горной промышленности, горного управления, корпуса горных инженеров, организация геологических изысканий); лесного дела (преобразование Лесного института, новые училища для подготовки лесничих, заграничные командировки, особые инструкции по лесному хозяйству); ввел уставы о векселях, торговой несостоятельности и о системе российских мер и весов.

Финансовая система Е. Ф. Канкрин основывалась по-прежнему на подушной подати, но доходы возросли благодаря привлечению к подати иностранцев и пересмотру торговых налогов. Министр финансов повысил гербовый сбор, ввел акциз на табак (единственный новый налог за годы его министерства) и вернулся, как уже указывалось, к оказавшейся выгодной в финансовом отношении откупной системе продажи алкоголя. О натуральных податях и повинностях отзывался как об обременениях, которые стесняют трудолюбие, дают безнравственным чиновникам повод к притеснениям, но сразу оговаривался, что в полукультурном государстве (т. е. России) могут быть выгодны как для казны, так и подданных.

¹⁴⁷ См.: Кауфман И. И.: 1) Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909. С. 59, 68 и далее; 2) Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910. С. 197.

¹⁴⁸ Пит. по: Судейкин В. Т. Восстановление в России металлического обращения. С. 55–56.

Сословное представительство в деле распределения и назначения податей считал совершенно излишним и бесполезным для народа на том основании, что в конституционных государствах гораздо легче ввести любой новый налог, чем в истинной (патриархальной) монархии.

Приняв финансовое управление в годы крупных бюджетных дефицитов, Е. Ф. Канкрин, хотя и не был в состоянии их устранить, все же значительно, со свойственной ему бережливостью, сократил. И это несмотря на экстренные расходы, связанные с турецкой и персидской войнами, восстанием в Польше, эпидемиями и т. п. Он ликвидировал финансовые последствия Отечественной войны 1812 г. и значительно упрочил русский государственный кредит. По официальным данным, военные действия в 1812–1815 гг. обошлись России в 400 млн руб. с остатком 26 млн от сумм, ассигнованных на ее ведение. Требования союзников о выплате им 360 млн руб. на продовольствование наших войск за границей во многом его стараниями были снижены до 60 млн руб. Одним из первых он замахнулся «на святая святых» государственного бюджета, а именно, попытался уменьшить военные расходы. Об этом он мог говорить буквально афоризмами: «что миллион-то батальон», «что я сберегаю, то все уйдет на казармы и крепости» и др. В этой части борьба за экономию бюджета шла с переменным успехом, а в период почти непрерывных войн министр ее явно проигрывал.

Меньше внимания он уделял местной финансовой администрации и сельскому хозяйству. Относясь отрицательно к государственным займам, особенно заключаемым с производительными целями внутри страны и неконсолидированными, он под давлением обстоятельств, однако, прибегал к ним и ввел в обращение особые краткосрочные обязательства, так называемые билеты государственного казначейства, отказавшись, впрочем, окончательно от выпуска неразменных бумажных денег. В общем, повторимся еще раз, деятельность Е. Ф. Канкринина – и это отвечало всем его взглядам – была лишена радикально реформирующего характера. С одной стороны, это обеспечивало большую практичность и приспособленность к жизни его мероприятий, с другой стороны, это не могло устранить основной хозяйственной отсталости страны, сказавшейся позднее, в годы Крымской войны.

За свою долгую государственную деятельность министр финансов нажил немало тайных недоброжелателей и откровенных врагов, которые обвиняли его во всех смертных грехах. Обвинения его во взяточничестве и коррупции сразу можно опустить как необоснованные. Нередко Е. Ф. Канкринина упрекали в нелюбви к России и презрении к русским. Это тоже явное преувеличение, хотя бы потому, что в 1821 г. ему сделали очень выгодное предложение о переходе на австрийскую службу, но он отказался, предпочитая российское подданство. Обвинения Егора Францевича в чрезвычайном самолюбии и неуважении к чужому мнению имеют под собой основу, но это было свойственно многим известным личностям, в том числе и некоторым героям данной книги. Наиболее компетентным критиком его финансовой политики был адмирал Н. С. Мордвинов, о котором будет сказано далее. Примечательно, что по многим вопросам они были и единомышленниками. Это касается необходимости сокращения военного бюджета, введения твердого серебряного рубля, частично вопросов таможенного тарифа. Однако адмирал критиковал министра за консерватизм и неподвижность его финансовой системы, за отрицание роли общественного кредита, за введение питейных откупов, за сохранение в неизменности налоговой системы, за тайный государственный бюджет и др.

Помимо этого, его часто упрекали за то, что его финансовые сочинения основаны на ложных посылах, что в финансовом деле он был простым эмпириком, а в таможенном – прямым протекционистом и врагом свободной торговли. В упрек ученому ставили и то, что он поклонник только казенных кредитных учреждений и противник акционерных обществ, что засекретил бюджет и крайне непоследовательно судил о бумажных деньгах, что вообще его воззрения «крайне враждебны науке» и др. Многие из этих обвинений также необос-

нованны или спорны. Например, замена винных откупов казенной монополией привела к не меньшему валу критики правительства, о чем будет сказано в разделе, посвященном С. Ю. Витте. Скептическое отношение Егора Францевича к железным дорогам станет более понятным, если иметь в виду, что противников их развития в то время было немало и в Европе, в числе которых были британский фельдмаршал и премьер-министр А. Веллингтон (1769–1852) и известный французский политический деятель А. Тьер (1797–1877).

Е. Ф. Канкрин, как уже указывалось, был человеком консервативным, не склонным ускорять ход событий, но в перспективе он признавал важность железных дорог, свободы торговли, акционерного капитала, освобождения крепостных и др. Один из лучших русских специалистов по финансовому праву В. А. Лебедев (о нем будет сказано отдельно) считал, что Е. Ф. Канкрин «был в свое время едва ли не единственным из наших государственных деятелей, практическая деятельность которых имела научную прокладку». Далее он писал: «...нельзя судить о государственных и общественных деятелях, так сказать, вне пространства и времени, выхватывать их из той общественной, политической и моральной обстановки, в которой им приходилось жить и действовать... Необходимо перенестись в ту атмосферу, в тогдашние условия... При таком приеме суждений Канкрин останется навсегда замечательнейшей, выдающейся личностью в истории нашего экономического и финансового быта...»¹⁴⁹ В. А. Лебедев также писал, что Канкрин был человеком парадоксальным и деспотичным, но зато в высшей степени честным и преданным. Свои воззрения, высказанные им в 1821 г., он сохраняет до конца жизни.

Стоит отметить еще одну заслугу ученого перед российской финансовой наукой. В 1824 г. по его инициативе был учрежден Ученый комитет Министерства финансов под руководством члена-секретаря. При комитете одновременно учреждается библиотека, которая по богатству финансовой и экономической литературы впоследствии стала одной из лучших в России. Ученый комитет не только изучал проблемы науки финансового права в прикладном ключе, но проводил обучение специалистов в сфере обложения оборота алкоголя, переподготовку налоговых и таможенных инспекторов. Примечательно, что свидетельство специалиста по акцизным сборам на рубеже XIX–XX вв. выдавалось не только после сдачи экзамена, но и по представлению диссертации. Что касается библиотеки Ученого комитета, то в 1901 г. в ней была собрана основная выпущенная на тот период литература по финансовому праву и политической экономии на русском и основных европейских языках¹⁵⁰.

Уже в отставке, в Париже, Е. Ф. Канкрин написал в 1844 г. свой последний труд «Экономия человеческого общества и финансовый строй» (на немецком языке). Судьба, которая выпала на долю этого сочинения в России, не очень завидная. Как писал неизвестный переводчик этой работы в 1868 г., труду графа Канкрин «не было на русской общественной арене места», так как все «русское и старое без разбора клеймилось печатью отвержения и рутинности»¹⁵¹. Сочинение ученого, по словам переводчика, игнорировалось, а впоследствии стало «предметом насмешек по камертону заграничных агентов теории фритредерства». В предисловии к изданию переводчик сокрушался по поводу слепого пристрастия к западной науке, к западным теориям и считал, что сочинение графа «пора вынуть из-под спуда мрака и опалы и предложить для изучения русскому мыслящему обществу». При этом отмечалось, что данное сочинение содержит множество драгоценных практических замечаний. Знакомство с этим трудом позволит читателю убедиться, что «весьма несправедливо принимают графа Канкрин за какого-то абсолютного врага теории фритредерства... Эта тео-

¹⁴⁹ Лебедев В. А. Финансовое право. М., 2000. С. 18–19.

¹⁵⁰ См.: Систематический каталог библиотеки Ученого комитета Министерства финансов. Ч. 1–2. СПб., 1901.

¹⁵¹ См.: Сочинение графа Канкрин «Экономия человеческих обществ и финансовое устройство»: В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1868 (перевод с нем). С. III.

рия в отдаленном будущем должно и в России непреложно верная, но Канкрин был врагом только ее применения теперь, в данную минуту, к младенчеству еще, в сравнении с его зрелыми уже конкурентами, русскому народу»¹⁵². Почему в заглавие работы вынесено «экономия человеческих обществ»? Автор это объясняет тем, что, по его убеждению, законы политэкономии вначале должны обнимать совокупность всех земель и народов, а потом уже применяться к отдельным народам.

Сочинение Е. Ф. Канкрин распадается на три части. Первая часть «О происхождении политической экономии» включает в себе краткий, но полный очерк всей политической экономии, предназначается для всех, как популярное сочинение. В этой части содержатся разделы: о богатстве; производство, распределение, потребление. Вторая часть включает в себя повторение того же самого, что изложено в первой части, но гораздо в более подробном виде. Она предназначена уже для специалистов и лиц, которые особенно заинтересуются истинами политической экономии. В ней автор повествует о силе природы и поземельной ренте, о народонаселении, границах производства, недвижимых имуществах в части земельной собственности, горной промышленности, предпринимателях и ассоциациях, чистом доходе, капитале, деньгах и денежных ценностях, банковских учреждениях, конкуренции, торговле. Наконец, третья часть адресована лицам, изучающим финансовое устройство (быт). В ней даются замечания о доходах государства (доманах, податях, государственных монополиях), о расходах, финансовом балансе, бюджете, финансовой администрации, внутренней организации кассовой системы и государственном контроле.

Сам автор, предваряя свое произведение, писал о том, что его книга не содержит ни исторического, ни критического, ни полемического изложения науки политической экономии. Пребывая в течение 21 года на посту министра финансов обширной империи, по словам автора, он имел возможность на практике много раз проверить положения науки политической экономии и познакомиться с практическими изъятиями из правил теории. Автор поставил своей целью воспроизвести из зеркала своей жизни то, что, по его мнению, нужно ввести в область этой науки, чтобы привести ее в гармонию с действительной жизнью¹⁵³.

В заключение своего сочинения Канкрин в качестве «духовного завещания в пользу России» называет основные правила, которые должны лежать в основе всякого финансового управления и которыми должен руководствоваться министр финансов:

1. Первая обязанность министра финансов – это способствовать – сколько от него только зависит – поднятию уровня национального богатства.

2. Вторую обязанность министра финансов составляет умножение доходов путем, прежде всего, отсечения излишних расходов, отвращением злоупотреблений с введением лучшего контроля и потом только, когда это окажется совсем неизбежным, – путем повышения податей и учреждения новых налогов, которые всегда должны быть глубоко и зрело продуманы.

3. Неотъемлемую обязанность министра финансов составляет противодействие не необходимому приросту расходов.

4. Министр финансов должен поддерживать ход научных сведений, практических познаний и развития механической талантливости нации.

5. Министр финансов должен иметь строгое наблюдение за должностными лицами своего ведомства, образовывать (обучать) их, поднимать уровень нравственной стороны подчиненного персонала, оплачивать достойно службу. Зарубежный опыт финансового управления необходимо сначала глубоко и основательно изучать, а затем переваривать в дух страны и национализировать.

¹⁵² Там же. С. IV.

¹⁵³ Там же. С. 6.

6. В отношении к государственному кредиту министру финансов следует держать себя осмотрительно, всемерно заботясь о его охране, но не относясь к нему с чересчур излишней робостью¹⁵⁴.

Завершить краткий очерк о неоднозначной фигуре Е. Ф. Канкрина, тем не менее, хочется оценкой его личности, которую дал все тот же переводчик его сочинения. Он, к сожалению, не указал своего имени, но сказал о нашем герое так: «... немец по происхождению, но ставший русским по душе, и тем самым давший собой живой пример, чем стать должен каждый русский подданный, из какой бы он ни был нации»¹⁵⁵.

Таким образом, М. М. Сперанский, М. А. Балугьянский и Е. Ф. Канкрин внесли весомый вклад в развитие отечественной финансовой науки и, в частности, в развитие науки финансового права. Несмотря на различный подход к проблемам финансов и даже мировоззренческие установки, их роднила общность подходов к необходимости сбалансированного бюджета, жесткой экономии бюджетных средств, стабильности денежной системы, умеренности налогообложения. К сожалению, по уже проявившейся традиции современники и ближайшие потомки достаточно плохо были знакомы с их трудами как в силу объективных, так и субъективных причин.

4.2. Оппозиция Его Величества (Н. С. Мордвинов, Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов и др.)

Если персонажи предыдущего параграфа были, при всей силе их интеллекта и независимости мышления, правоверными монархистами и деятельными высшими чиновниками империи, то о героях этого параграфа стоит сказать иначе. Они были в различной степени оппозиционны к современной им экономической и, в меньшей степени, политической системам. Однако это была, как бы мы сейчас сказали, системная оппозиция, или оппозиция Его Величества (а не Его Величеству). Это относится и к находившемуся всю свою карьеру на политическом Олимпе Н. С. Мордвинову который всегда имел особую позицию. Не случайно он стал единственным членом Верховного уголовного суда отказавшимся подписать смертный приговор декабристам, неизменно поддерживал Н. И. Тургенева. Тем более это относится и к декабристам Н. И. Тургеневу и М. Ф. Орлову. Последние принадлежали к умеренному крылу названного движения, не разделяли идей радикальной смены политического режима и являлись скорее реформаторами, а не революционерами. Остается только пожалеть, что нетерпение части декабристов и консерватизм самодержавных кругов не позволили реализоваться им в полном объеме ни как государственным деятелям, ни как ученым, для чего были все предпосылки.

Николай Семенович Мордвинов (1754–1845) был одним из ближайших сподвижником М. М. Сперанского, о чем уже упоминалось выше. Он родился 17 апреля 1754 г. в Новгородской губернии. Выходец из знатного мордовского рода (возможно, с татарскими корнями), он воспитывался с 1762 г. вместе с наследником престола великим князем Павлом Петровичем, будущим Павлом I. В дальнейшем он избрал военную карьеру, два года провел преимущественно в морских походах («выслан в море») и в 1768 г. окончил Морской кадетский корпус в Петербурге. Курс он освоил всего за два года и в 14 лет получил первый офицерский чин мичмана. Это была не фиктивная запись на военную службу едва ли не с младенчества, что было нередким в екатерининские времена, а реальная служба сначала гардемарина, а затем морского офицера. Впрочем, его отец, известный адмирал С. И. Морд-

¹⁵⁴ См.: Граф Канкрин и его очерки политической экономии и финансов: В 3 ч. СПб., 1894. С. 286–289.

¹⁵⁵ Сочинение графа Канкрина «Экономия человеческих обществ и финансовое устройство»: В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1868 (перевод с нем). С. V.

винов, под началом которого некоторое время служил и сын, косвенно способствовал его быстрому продвижению по службе. Идеалом государственного деятеля для молодого моряка был Петр I, однако к некоторым финансовым мероприятиям его царствования он изначально относился критически.

Таким образом, свою государственную службу Николай Семенович начал во флоте, в 1774–1777 гг. находился в учебном плавании на английских судах у побережья Северной Америки. Тесное общение с англичанами привело к тому, что он проникся либеральными идеями, которые в то время были в ходу на Туманном Альбионе. Его англофильство выразилось и в его женитьбе на дочери английского консула в Ливорно (Италия) Г. Коблей. Брак оказался счастливым, а три дочери ученого были воспитаны как английские леди. Н. С. Мордвинов в совершенстве знал английский и итальянский языки, которые стали языками общения и в семье, где, помимо трех дочерей, был один сын. Его жена, прожив большую часть жизни в России, тем не менее плохо знала язык своего нового отечества. Сам Николай Семенович был последователем А. Смита в сфере экономики и И. Бентама в сфере права. С последним он многие годы переписывался. Он всецело воспринял смитовскую критику налоговой системы, а слова классика о том, что «казна не может быть богата, если беден народ», стали лозунгом и русского реформатора. Отсюда и уважительное отношение адмирала к частной собственности, которая для экономики есть «первый камень». Отметим, что с основным трудом А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (Лондон, 1776) молодой моряк познакомился едва ли не первым из русских читателей.

Вообще, его ориентация на английскую науку на рубеже XVIII–XIX вв., когда умами всецело завладели французские энциклопедисты, была явлением для русского просвещенного общества уникальным. Русский ученый еще в 1806 г. определил «четыре гениев, которые делали и делают всего более для счастья человечества, – Бэкон, Ньютон, Смит и Бентам». Такую научную проанглийскую ориентацию он сохранил до конца своих дней. Трудно судить о влиянии на русского ученого трудов Д. Рикардо и Ж. Б. Сея, но с ними он был знаком.

Молодой контр-адмирал (с 1787) хорошо проявил себя и на военном поприще, в частности в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., однако из-за разногласий с князем Г. А. Потемкиным, а также в связи с обвинениями в воровстве и растрате казны он вскоре уволился с военной службы. Это было далеко не последнее приключение в его богатой событиями жизни. После возвращения на службу он дослужился до звания адмирала (1797), однако в следующем году по ложному обвинению был арестован, но оправдан судом. Крутой и горячий нрав, независимое поведение государственного деятеля и ученого еще не раз отразились на его карьере. С молодости он был страстным полемистом, говорил с живостью, иногда резко и «в жару прений не всегда соблюдал должное внимание к тому, с кем не соглашался»¹⁵⁶. Пожалуй, именно в первой половине жизни в его деятельности проявлялись негативные черты, которые ему впоследствии ставились в упрек: излишняя эмоциональность, невнимание к оппонентам, иногда доходящее до грубости, увлеченность частностями в ущерб конечному результату и отсутствие в отдельных случаях реалистичности.

Далее морская служба Н. С. Мордвинова привела его к должности вице-президента Адмиралтейств-коллегии (1799–1801). Уже тогда его юношеская тяга к проблемам финансового права нашла отражение в проекте создания Трудопоощрительного банка и устава к нему. Адмирал представил их Александру I в 1801 г., и они рассматривались на Непременном совете, однако без практических последствий. Целью банка должно было стать поощ-

¹⁵⁶ Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. Историческая монография. Составлена по печатным и рукописным источникам. СПб., 1873. С. 81 и др.

рение трудолюбия и предприимчивости, а в его правление должны были входить не только финансисты, но и физики, химики, минералогии и другие специалисты.

Наконец, он становится первым морским министром России с 1802 г., правда, находился адмирал на ней всего три месяца. На государственной службе он сблизился с М. М. Сперанским, стал его ближайшим сотрудником при разработке плана улучшения финансового состояния России. Значительная часть его государственной деятельности была связана с финансами. С 1810 по 1812 г. и с 1816 по 1818 г. он был председателем Департамента государственной экономии Государственного Совета, а с 1822 по 1838 г. председательствовал в Департаменте гражданских и духовных дел Госсювета¹⁵⁷. Его можно считать в какой-то степени соавтором «Плана финансов», о котором уже говорилось выше. По своим взглядам на проблемы финансов М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов были достаточно близки. Даже после опалы первого из них в 1812 г. Николай Семенович остался верен их дружбе и продолжил отстаивать необходимость преобразований. Более того, в 1812 г. он написал прошение об отставке с поста председателя Департамента государственной экономии Государственного Совета, по сути, в знак протеста против опалы своего товарища. Для царских сановников такой поступок в то время был до крайности необычен. Отметим, что и Михаил Михайлович всегда питал уважение к адмиралу. Он считал его человеком обширного ума, который, однако, мог поддаваться «забегам воображения»¹⁵⁸. Здесь явственный намек на увлеченность Николая Семеновича, с которой он брался за дело, тягу к проектам, не всегда отличающимся реалистичностью. К этому сюжету мы еще вернемся.

С именами четырех председателей Департаментов только что созданного в 1810 г. Государственного Совета связана одна из самых известных басен И. А. Крылова. Как все помнят еще по школьной программе, его знаменитый «квартет» составили «мартышка, осел, козел да косолапый мишка». Так вот, под мартышкой подразумевался председатель Департамента государственной экономии Н. С. Мордвинов. В «мартышки» он был произведен за вспыльчивость, ум и подвижность. Под «ослом» подразумевался председатель Департамента законов П. В. Завадовский в связи с некоторым его тугодумством и медлительностью. Глава Департамента военных дел А. А. Аракчеев выведен «медведем» в связи с его неуклюжестью, но большим политическим весом и силой. Наконец, под «козлом» имелся в виду председатель Департамента гражданских и духовных дел П. В. Лопухин. Хочется заверить продвинутой в блатном жаргоне читающую публику, что это связано не с тем, о чем подумали некоторые. Данная басня стала отражением скептического отношения просвещенной петербургской публики к возможности сработаться в Госсювете столь разным людям, как главы четырех его Департаментов¹⁵⁹.

Одновременно с 1823 по 1840 г. Н. С. Мордвинов был президентом Вольного экономического общества, которое существовало с 1765 г. Адмирал его реформировал: был образован Совет общества, создано его новое отделение, а также специальные комиссии по направлениям деятельности. При обществе была открыта школа для крестьян в Петербурге. Как уже указывалось, Николай Семенович был известен своей независимостью и прямоотой. В частности, он стал единственным членом Верховного уголовного суда, отказавшимся подписать смертный приговор декабристам. Однако это не мешало ему осуждать методы декабристов и средства достижения поставленных ими целей. Его научная и государственная деятельность получила признание. Адмирал стал членом Петербургской академии наук (1792), почетным членом Харьковского университета (1812), членом Общества любителей коммер-

¹⁵⁷ См.: Там же. С. 3–159 и др.

¹⁵⁸ См.: *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 194.

¹⁵⁹ См.: Там же. С. 118.

ческих знаний (1827). Среди его наград – ордена Александра Невского и Андрея Первозванного. В 1834 г. он получил графский титул.

Этот бывший военный моряк, обладавший аналитическим складом ума, был одновременно и нужен и неугоден монархам. Его проекты в финансовой сфере были достаточно прогрессивны, а критика бюджета заставляла идти Министерство финансов на нестандартные меры. Но, даже будучи на высших государственных должностях, он оказался неустрашимым, так как был готов служить, а не прислуживаться. Большинство предложенных им проектов отклонялись как нереалистичные, в частности проект денежной реформы. Граф заработал репутацию «человека энциклопедических сведений, с блестящим даром слова и вкусным пером», а его речи поражали современников сходством с речами мудрецов древности. Однако консерваторы, а таковых в правящих кругах России в то время было абсолютное большинство, видели в нем только «софиста» и «политического мечтателя». Ставили ему в укор и политическую непоследовательность и даже дружбу одновременно с такими антиподами, как М. М. Сперанский и адмирал А. С. Шишков. Впрочем, с последним его связывала только прежняя морская служба и цеховая солидарность.

Примечательно, что за границей имя графа как экономиста пользовалось едва ли не большей заслуженной известностью, чем в России. Этому способствовало отсутствие на родине крупных публикаций Н. С. Мордвинова с систематическим изложением его взглядов, рукописный характер большинства его работ, а так же то, что яркая и трагическая судьба его друга и единомышленника М. М. Сперанского в просвещенных слоях русского общества затмила «стойкую и благородную фигуру» нашего героя. Однако многие исследователи считают его основоположником национальной системы политической экономии и теории протекционизма, «русским Фридрихом Листом», впрочем, опередившим своего германского коллегу на четверть века¹⁶⁰.

В зрелые годы Н. С. Мординов вел уединенную, умеренную, домашнюю жизнь, постоянно занимаясь делами. При этом он не жалел средств на благотворительность. У себя он принимал преимущественно ученых, артистов и литераторов. Среди аристократов он слыл вольнодумцем и республиканцем, а общение со знатью он сознательно свел до минимума. До последних дней жизни его отличала «старческая красота и благодушная ленивость» в сочетании с реализмом и прагматизмом. Он не разделял модного в то время в высшем свете увлечения масонством, холодно относился к иллюминатам. Со старомодной настойчивостью адмирал напоминал о необходимости строгого соблюдения законов, ибо «жест царствования есть жест правости». С этим связана и его нелюбовь к доносам, особенно анонимкам, которым он не давал хода. Даже его внешний вид в старости имел некоторую «финансовую составляющую». Портрет Н. С. Мордвинова похож на портрет президента США Б. Франклина, причем именно на тот, который помещен на сто долларовую купюру. Такая вот связь времен и народов на почве денежного обращения.

В отличие от большинства своих российских современников, Николай Семенович большое внимание уделял методу исследования, в котором явно прослеживаются элементы комплексности и даже системности. На вопросы финансов он смотрел широко, связывая экономические успехи с развитием просвещения и науки. Своеобразным эпиграфом могут служить слова ученого: «...ум и наука есть орудие богатства». Свободу он считал непеременимым условием порождения народного богатства, а главными условиями в совокупности называл «свободу, просвещение, собственность и правосудие». Благополучие государства он ставил в зависимость от благополучия частных лиц, от гармонии общественных и частных интересов. Причиной всех бед в финансовой сфере адмирал считал несоответствие дохо-

¹⁶⁰ См.: *Святловский В. В.* Николай Тургенев и граф Н. С. Мординов. СПб., 1905. С. 9–10; *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. СПб., 2001. С. 432–433 и др.

дов и расходов государства, постоянный дефицит, порождающий внешние займы и выпуски необеспеченных ассигнаций. В своей записке «О вредных последствиях для казны и частных имуществ от ошибочных мер управления государственным казначейством» (1816) он объявил ассигнации злом и «дурной монетой», а единственной достойной мерой считал их уничтожение. Для осуществления этой операции он не исключал продажу казенных земель.

Ученый настаивал на строгом согласовании расходов с доходами, а всякие излишние траты считал преступлением. При этом, подобно А. Смит, он не выступал противником всех налогов, но сформулировал свою оригинальную позицию, основанную на умеренном налогообложении только доходов, но не имущества. Ученый был категорическим противником введения новых налогов. Архаичный уже в то время гильдейский сбор он предлагал сделать «крайне умеренным» и считать его своеобразной платой купцов казне за предоставление дополнительных личных прав.

Вполне современны идеи ученого об обложении оборота алкоголя. Адмирал не приветствовал уничтожения в 1819 г. винных откупов, так как, по его словам, «казна стала единственным откупщиком». По верному его замечанию, главная проблема винной государственной монополии – в возможных злоупотреблениях чиновников, слабости и коррумпированности государственного аппарата. Фактически им было предложено разрешить свободную продажу алкоголя, при этом его оборот должен быть обложен акцизом, ставка которого должна меняться в зависимости от объема продаж. Параллельно он предложил вовсе ликвидировать кабаки и принять все меры «для народной трезвости и нравственности». Примечательно, что само винокурение ученый не считал нужным напрямую ограничивать, а беспошлинный вывоз российского алкоголя предлагал всячески стимулировать. Отметим, что цикличность смен винной монополии и винных откупов является особенностью финансовой истории нашей страны, причем критики с одинаковым рвением разносили в пух и прах как введение первой, так и возврат вторых. Вот такая печальная закономерность.

Н. С. Мордвинов показал себя противником натуральных повинностей крестьян, прежде всего по починке дорог и долгосрочной военной службе. В 1811 г. он сформулировал революционное предложение о введении срочной солдатской службы, причем срок этот определил в 7–8 лет. Это способствовало бы сохранению рабочих рук в сельском хозяйстве и промышленности. С этим предложением адмирал опередил соответствующие преобразования более чем на полвека. Любые личные повинности относились им к особым налогам и подлежали в связи с этим отмене.

Примечательно, что свои взгляды, усвоенные еще в молодые годы, он никогда не менял. К тому же его стиль изложения материала отличается четкостью и доступностью, практически все его мысли закончены и ясны. Этим ученый сильно отличается от характерной для того времени витиеватости и тяге к парадоксам. Н. С. Мордвинов был не только и даже не столько теоретиком, сколько практиком, все его работы написаны по конкретным поводам, исходя из нужд практики, содержат в себе перечень конкретных предложений и немало числовых выкладок. Однако тяга к практической направленности исследований иногда играла с адмиралом злую шутку. Если в его проектах обычно понятно, что делать до или после преобразований, то переходные положения обычно отсутствуют, как и просчет альтернативных вариантов. В этих случаях он, как говорится, чего-то не договаривает. В целом это не влияет на ясность и доступность изложения, но придает исследованиям некоторую линейность. Налицо и утилитарный подход ученого ко многим экономическим и социальным проблемам. Так, Николай Семенович предлагал вкладывать государственные средства, прежде всего, в развитие прикладной науки и технических учебных заведений, что дает практическую пользу. Это совмещалось с предложениями развития просвещения народных масс, расширения системы библиотек. Свою приверженность распространению просвеще-

ния адмирал показал и на практике, решительно выступив против гонений на профессию Петербургского университета, развернутых в 1821 г.

Будучи последователем А. Смита, он не разделял идей фритредерства, крайностей экономического либерализма и свободы торговли. Его можно считать одним из первых отечественных идеологов государственного стимулирования развития отечественной промышленности посредством таможенного покровительства и государственного кредитования. В полемике между фритредерами и протекционистами он был наиболее ярким и последовательным представителем последних. В этой части Николай Семенович стал одним из первых в Европе выразителей подобной точки зрения и заслужил звание «первого сознательного русского протекциониста»¹⁶¹.

По проблемам финансовой системы государства Н. С. Мордвинов написал целый ряд работ, которые представляли собой проекты преобразований, записки и рассуждения по разным поводам. Непосредственно после написания были изданы только «Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков» (СПб., 1813, переизданы в 1816 и 1829). Эта книга, ставшая до известной степени центральным трудом исследователя, имела грандиозный успех и была переведена на итальянский язык. Русский реформатор отстаивал идею о том, что основное назначение банков – аккумуляция капиталов, выдача ссуд, организация торгового и денежного оборота. Он показал себя последовательным противником налогов на имущество, так как они «ущербляют» частное хозяйство. В этой работе ученый изложил проект «выкупа налогов», согласно которому через 50–60 лет должны быть отменены все налоги на имущество, а остаться должен один необременительный подоходный налог. Губернские банки должны быть инструментом выкупа налогов посредством помещения в них денежных средств, собранных из подоходных налогов, «сбора для составления общего сокровища»¹⁶². В этом исследовании предложено ввести прогрессивный подоходный налог. Отметим, что А. Смит о подоходном налоге не писал, хотя о нем упоминал Ж. Б. Сей. Однако У. Питт в 1798 г. впервые ввел подоходный налог в Англии, а с 1799 г. он взимался уже по прогрессивной шкале. Возможно, англоман Н. С. Мордвинов знал об этом, но первые теоретические работы о нем на Западе появились только в 40–50-х гг. XIX в. В этой части прозорливость нашего героя не вызывает сомнений.

В целом же этот проект с очевидностью утопичен даже для своего времени и вызывает целый ряд вопросов. Остается непонятным, за счет чего будет финансироваться бюджет за 50–60 лет срока «выкупа налогов». Если старые налоги сохраняются, а новый подоходный налог будет взиматься сверх них, то это не стыкуется с общей идеей уменьшения налогового бремени. К тому же губернским банкам был, по сути, установлен план получать ежегодно не менее чем 10 % прибыли, что в условиях рыночной экономики выглядит вообще достаточно странным. Не продумано и предложение Н. С. Мордвинова о резервировании капиталов на случай войны, ибо не указан источник их поступления. Если это просто новый налог, то его сбор в условиях и так непомерного налогового бремени только создал бы дополнительные трудности. Все эти проблемы адмирал обошел стороной, постоянно подчеркивая приверженность сокращению налогов, уменьшающих народное благосостояние.

Остальные его финансово-правовые работы были опубликованы преимущественно в сборниках «Архив графов Мордвиновых» (в 10 томах, СПб., 1901–1903). Это касается таких исследований, как правило, имевших характер проектов и записок («мнений»), как: «Устав государственного трудопоощрительного банка» (1801), «О внутреннем займе» (1809), «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифах» (1815, переизд.

¹⁶¹ См.: Святловский В. В. Указ. соч. С. 13.

¹⁶² См.: Мордвинов Н. С. Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков. СПб., 1816. С. 27–34.

1816, 1833, переведена на французский в 1816), «Частные банки» (1818), «О мерах улучшения государственных доходов» (1825) и др. Эти «мнения» издавались мизерным тиражом, и сам автор любил их распространять среди знакомых.

Николай Семенович также настаивал на придании бюджету статуса закона, наделении банков ролью не «мешка для хранения денег», а инструмента для проведения активной финансовой политики (эмиссионной, кредитной, заемной и др.). Его можно признать одним из первых в России сторонников активного кредитования, в том числе государственного, с целью развития экономики, сторонником замены подушной подати поземельным налогом. Отметим, что его финансово-экономические взгляды не остались без внимания исследователей как в досоветский, так и советский период¹⁶³.

Подлинно научное исследование проблем финансового права многие специалисты связывают с творчеством **Николая Ивановича Тургенева** (1789–1871). Он родился 11 октября 1789 г. в Симбирске в дворянской семье. Это был выпускник университетского благородного пансиона, затем вольнослушатель Московского университета (до 1808). В дальнейшем молодой дворянин продолжил обучение в Геттингенском университете в Германии, получив основательные знания по политэкономии и финансовому праву. Там он слушал лекции профессора А. Сарториуса, автора сокращенного учебного курса, написанного по А. Смиту. По мнению одного из исследователей творчества Н. И. Тургенева – Е. Т. Тарасова, именно лекции названного профессора послужили руководящей нитью для будущего сочинения по теории налогов¹⁶⁴. Однако, как писал А. И. Буковецкий, Тургенев последовательно приложил общие начала учения А. Смита и И. Бентама к построению налогов. Но «нельзя даже сравнивать разбросанные и незаконченные замечания о налогах А. Смита или учителя Тургенева Сарториуса с этой системной работой "Опыт теории налогов"»¹⁶⁵.

После завершения учебы в 1812 г. Н. И. Тургенев поступает на службу в уже известную нам Комиссию составления законов. С 1813 по 1816 г. в качестве русского комиссара Центрального административного департамента союзных правительств он сопровождал российские войска в зарубежном походе и работал в оккупационной администрации, где сотрудничал с прусским государственным деятелем и ученым Л. Штейном. После возвращения в Россию в 1816 г. Тургенев назначается исполняющим дела статс-секретаря Госсовета, а с 1819 г. – еще и управляющим III Отделения канцелярии Министерства финансов. В основу своей научной и политической позиции он положил идею свободы, источником которой является наука, образование и просвещение.

В то время это был один из самых перспективных государственных чиновников, но одновременно он начал сотрудничать с тайными декабристскими обществами. Вероятно, в 1819 г. он вступает в Союз благоденствия, а затем – в Северное общество. В 1824 г. Николай Иванович выехал на лечение за границу и 14 декабря 1825 г., в день восстания декабристов, находился в Париже. Его участие в тайных обществах было выявлено Верховным уголовным судом по делу декабристов, и он был заочно осужден к ссылке в каторжные работы навечно¹⁶⁶. Оставшись за границей, ученый стал политическим эмигрантом, проживал сначала в Лондоне, затем в Париже. В своих изданных за рубежом на французском языке рабо-

¹⁶³ См.: *Гневушев А. М.* Политико-экономические взгляды графа Н. С. Мордвинова. Киев, 1904; *Брегель Э.* Взгляды Мордвинова на государственные финансы // Советские финансы. 1946. № 9. С. 36–44; *Туманова Л. В.* Экономические взгляды Н. С. Мордвинова // Научные записки Московского финансового института. Т. 2. М., 1952; История русской экономической мысли. Т. 1.4. 2 / Под ред. А. И. Пашкова. М., 1958. С. 61–81 и др.

¹⁶⁴ См.: *Тарасов Е. Т.* Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Очерк по истории либерального движения. Самара, 1923. С. 234.

¹⁶⁵ См.: *Буковецкий А. И.* Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 220.

¹⁶⁶ Н. И. Тургенев стал персонажем практически всех исследований о движении декабристов (см., например: *Гордин Я.* Мятаж реформаторов. Л., 1989; Декабристы и русская культура. Л., 1976; Декабристы. Биографический справочник. М., 1988 и др.).

тах он впервые обнародовал некоторые из финансовых проектов М. М. Сперанского, о которых говорилось выше. Впрочем, Н. И. Тургенев не выразил особого пристрастия к своему бывшему руководителю, хотя и заметил, что «если только Россия когда-нибудь будет иметь беспристрастную историю, имя Сперанского упомянется в ней с некоторой честью». В дальнейшем материалы его сочинений еще долго служили основанием для суждений о личности М. М. Сперанского и его преобразованиях¹⁶⁷.

После смерти Николая I в 1855 г. бывший декабрист был восстановлен во всех правах, а в 1857, 1859 и 1864 гг. посещал Россию, где принимал участие в обсуждении проектов отмены крепостного права. Умер 29 октября 1871 г. на своей вилле под Парижем. Дальний родственник и известный русский писатель И. С. Тургенев писал, что Николай Иванович скончался тихо, почти внезапно, без предварительной болезни. За два дня перед кончиной, несмотря на свои 82 года, он еще совершал прогулки верхом¹⁶⁸. Похоронен был на парижском кладбище Пер-Лашез.

Его основная работа по финансово-правовой проблематике «Опыт теории налогов» была издана в Петербурге в 1818 г. и выдержала переиздание в 1819 г. В СССР ее переиздали в 1937 г., памятуя декабристское прошлое автора. Последнее по дате издание приходится на 1998 г.¹⁶⁹ Н. И. Тургенева интересовали учение о налогах и крестьянский вопрос. Это сочетание выводит его на исходную точку адептов учения физиократов, но в действительности ученый был последователем А. Смита, сторонником экономического либерализма и свободы торговли. Критики писали, что сочинение Н. И. Тургенева о налоге написано под влиянием работы А. Смита «Исследования о природе и причине богатства народов»¹⁷⁰. Отметим, что это проявляется не только в активном цитировании положений этой работы, но и в созвучии идей авторов. Так, «главные правила взимания налогов», по Тургеневу, являются, по сути, разъяснением принципов налогообложения А. Смита. Между тем автора нельзя считать подражателем А. Смита. А. И. Буковецкий отмечал, что, читая работу Тургенева, «легко видеть, как искусно он переработал воззрения французских энциклопедистов XVIII в., как интересно их мысли связываются у него с идеями Ж. Б. Сея и Дж. Стюарта»¹⁷¹.

«Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева в российской литературе был удостоен звания первого истинно научного сочинения, где рассмотрены все проблемы, связанные с налогами, глубоко продуманного, оригинального и даже самого выдающегося труда на уровне лучших западных образцов¹⁷². И. И. Янжул (о нем см. далее) так писал о сочинении Н. И. Тургенева: «Если бы это сочинение было в свое время издано на языке более распространенном в Западной Европе, оно заняло бы видное место между лучшими в начале XIX века трудами по теории налогов... С обширными сведениями автор соединяет тонкий аналитический ум и дар прекрасного изложения... По условиям того времени и состоянию самой финансовой науки на Западе сочинение Тургенева долго оставалось у нас своего рода оазисом в пустыне»¹⁷³.

Книга написана на основе изученной автором экономической литературы Германии, Англии, Франции. В ней рассмотрены все вопросы о налогах, начиная от их происхождения, источников, общих начал (правил) налогообложения и до описания различных видов налогов и порядка их взимания. Автором этого исследования бумажные деньги (при чрезмерном,

¹⁶⁷ См., например: Романович-Славатинский. Граф Михаил Михайлович Сперанский. Киев, 1873. С. 2–3.

¹⁶⁸ Тургенев И. С. Николай Иванович Тургенев // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 49–51.

¹⁶⁹ См.: Тургенев Н. И. Опыт теории налогов // У истоков финансового права. Т. 1. М., 1998. С. 107–268.

¹⁷⁰ См.: Тарасов Е. Т. Указ. соч. С. 234.

¹⁷¹ Буковецкий А. И. Указ. соч. С. 221.

¹⁷² См.: Гневушев А. М. Политико-экономические взгляды графа Н. С. Мордвинова. Киев, 1904. С. 112–113; Святловский В. В. Николай Тургенев и граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1905. С. 4–6 и др.

¹⁷³ Янжул И. И. Русская финансовая наука // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 28. СПб., 1900. С. 855–856.

не обеспеченном металлической монетой выпуске) рассматриваются как особый вид налогов.

Н. И. Тургенев о происхождении, понятии налогов и главнейших правилах взимания (основных началах налогообложения). Ученый утверждал, что налоги служат признаком образованности. По способу назначения, распределения и собирания налогов можно судить о сведениях, распространенных в народе; по количеству собираемых налогов – о его богатстве: две главнейшие черты, означающие образованность и просвещение¹⁷⁴. Автор особо подчеркивал, что во многих государствах введение налога делается с согласия народных представителей. Образ правления и «дух народный» определяют и успешность налогов, «готовность уплачивать налоги всего более видна в республиках, отвращение к налогам – в государствах деспотических». В отношении величины налогов Н. И. Тургенев отмечал, что правительство должно брать столько, сколько нужно для удовлетворения истинных потребностей государственных, а не столько, сколько народ дать в состоянии.

К главным правилам взимания налогов ученый относил следующие¹⁷⁵. Во-первых, правило о равном распределении налогов, согласно которому налоги должны распределяться между всеми гражданами в одинаковой соразмерности; пожертвования каждого на общую пользу должны соответствовать его силам, т. е. доходу. Однако, как считает автор, не нарушая должного равенства в распределении налогов, правительство обязано отклонять тяжесть налога от простого народа. Во-вторых, правило об определенности налога означает, что количество налога, время и образ платежа должны быть определены, известны платящему и независимы от власти собирателей. Третье правило связано с собиранием налога в удобное время. В-четвертых, собирание налога должно быть дешевым. И наконец, общим правилом Н. И. Тургенев признавал взимание налога с чистого дохода, а не с самого капитала, чтобы источники государственных доходов не истощались.

Н. И. Тургенев об источниках налогов, классификации налогов и порядке их собирания (взимания). Вслед за А. Смитом он относил к источникам общественного дохода землю, капитал, работу (труд). На этом основании автор проводил классификацию налогов: налоги с дохода от земли; налоги с дохода от капиталов; налоги с самих капиталов; налоги с дохода от заработной платы; налоги, падающие на все три вышеназванных источника доходов без различия. Затем каждый класс (разряд) налогов автор рассмотрел с позиции их соответствия упомянутым выше правилам собирания налогов. При этом Н. И. Тургенев привел обширный иллюстративный материал по рассмотренным видам налогов из практики европейских стран (Англии, Франции и др.), гораздо реже – России. Не случайно профессор Петербургского университета В. А. Лебедев отмечал, что сочинение «Опыт теории налогов» составлено из иностранных источников, не содержит в себе почти никаких указаний относительно России¹⁷⁶. Так, например, обращаясь к подушным (поголовным) налогам, автор признал их суть следами необразованности предшествовавших времен, не соответствующими принципу взимания налога с учетом доходов лица. Налоги с потребления (косвенные налоги) ученый подразделял на два вида в зависимости от объекта налогообложения: налогообложение предметов, необходимых для жизни, и налогообложение предметов роскоши. По словам Н. И. Тургенева, предметы, необходимые для жизни, желательно освободить от налога, но такого ни в одном государстве не будет, так как эти налоги являются важным доходом любого государства. В то время как налоги с предметов роскоши такого дохода не приносят, так как служат для потребления более ограниченному кругу лиц. Поскольку от таких налогов государство отказаться не может, постольку «необходимо стараться налагать подать с потре-

¹⁷⁴ Тургенев Н. И. Опыт теории налогов // У истоков финансового права. М., 1998. Т. 1. С. 127.

¹⁷⁵ См.: Там же. С. 134–141.

¹⁷⁶ См.: Лебедев В. А. Финансовое право. Т. 1. СПб., 1889. С. 191.

ния сколь возможно ближе к тому, кто, наконец, должен нести оную»¹⁷⁷. При характеристике пошлин на границах государства особенно ярко проявляются фритредерские взгляды автора, последователя А. Смита. Н. И. Тургенев выступал против запретительной и распорядительной системы таможенных и пограничных пошлин. В частности, он писал: «...совершенных запрещений ввоза и вывоза товаров никогда делать не должно, разве требует того безопасность государства и граждан»¹⁷⁸.

Рассматривая порядок взимания налога, ученый сопоставил две системы собирания налогов: откупщиками и чиновниками правительства. Предпочтение автор отдает последнему способу, поскольку он несет меньше притеснений налогоплательщикам и приносит доход не меньший, чем откуп. В отношении неисправных плательщиков налогов Н. И. Тургенев считал несправедливым применение телесных наказаний и тюремного заключения, так как налоги берутся не с лица подданного, а с его имения (имущества, дохода). Лишение свободы за недоимку, по словам автора, – совсем безрассудное средство.

Значительное место в сочинении Н. И. Тургенева отводится вопросам о бумажных деньгах. По суждениям автора, при нормальном состоянии денежного обращения, когда ассигнации равны в ценности чистым деньгам, бумажные деньги представляют собой не что иное как средство обращения. В случае необоснованного увеличения выпуска бумажных денег, когда их ценность снижается по сравнению с ценностью чистых денег, то в этом случае бумажные деньги превращаются в налог, притом налог, весьма неравномерно распределенный между гражданами. Наилучшим, выгодным средством «поправления курса государственных ассигнаций» Н. И. Тургенев считал «продажу за ассигнации недвижимых имений государственных», а получаемые за имения ассигнации следует немедленно уничтожать¹⁷⁹.

В. Т. Судейкин полагал, что в названном труде Н. И. Тургенев подверг критике денежно-кредитную реформу гр. Канкрин. Сделанные Тургеневым возражения были двоякого рода: одни касались способа восстановления металлического обращения, другие же были направлены против главных оснований реформы. Н. И. Тургенев считал возможным восстановить металлическое обращение, уничтожив ассигнации мелких достоинств, указав на вред выпуска депозитных билетов мелких достоинств, ссылаясь на пример Франции¹⁸⁰.

При своем появлении труд Тургенева не встретил никаких цензурных затруднений, но спустя 7 лет в связи с осуждением его по делу декабристов книга подверглась гонению: обнаруженные властями экземпляры были отобраны и уничтожены.

На обложке первого издания «Опыта теории налогов» автор поместил многозначительное изречение: «Сочинитель, принимая на себя все издержки печатания сей книги, предоставляет деньги, которые будут выручаться за продажу оной, в пользу содержащихся в тюрьме крестьян за недоимки в платежах налогов». Тургенев был в свое время в числе немногих, кто ратовал за отмену крепостного права. В 1819 г. он написал небольшое сочинение об отмене крепостного права, предназначавшееся для императора Александра I.

Труд Н. И. Тургенева, особенно после 1825 г., не вызвал широкой полемики, а затем даже замалчивался. Сочинение имело немало противников. Однако те же М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов, не соглашаясь с основными взглядами Тургенева, поддержали его, особенно Мордвинов, отдавая должную дань знаниям и таланту младшего современника. Отметим, что в заключение своего исследования и анализа обращения бумажных денег Н. И. Тургенев пришел к выводу о том, что «в нынешнем состоянии Европы все правительства должны устремить свое внимание на поддержание и сохранение кредита государствен-

¹⁷⁷ Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 184.

¹⁷⁸ Там же. С. 198.

¹⁷⁹ Там же. С. 263.

¹⁸⁰ См.: Судейкин В. Т. Восстановление в России металлического обращения (1839–1843). М., 1891. С. 55.

ного... Век кредита наступает для всей Европы. Усовершенствование системы кредитной пойдет наряду с усовершенствованием политического законодательства, в особенности с усовершенствованием системы представительства народного»¹⁸¹.

Эта идея приобрела форму учения, научной теории о государственном кредите в трудах другого декабриста – **Михаила Федоровича Орлова** (1788–1842). Это был представитель знаменитого рода Орловых, давшего видных деятелей екатерининского царствования Григория Алексеевича и Алексея Алексеевича (являлись родными дядями нашего героя). Родился 25 марта 1788 г. в Москве. Его образование началось с модного в то время Пансиона французского эмигранта аббата Николя, где он обучался с 1796 по 1801 г. Затем его определяют юнкером в Коллегию иностранных дел, но юношу больше прельщала военная карьера. В 1805 г. он поступает в Кавалергардский полк.

На его воинскую службу пришелся разгар Наполеоновских войн, а сам М. Ф. Орлов непосредственно участвовал в сражениях под Аустерлицем, при Фридланде, в Отечественной войне 1812 г. (оборона Смоленска, Бородино и др.). С получения первого офицерского звания корнета (1807) до генерал-майора (1814) минуло всего семь лет. Не зря поется в известной песне о том, что «кавалергарда век недолог», но Михаил Федорович прошел все испытания с честью и остался жив. В заграничных походах русской армии он успел поучаствовать в «битве народов» под Лейпцигом (1813) и во взятии Парижа, акт капитуляции которого был им и подготовлен. Войну он окончил в зените военной славы, с орденами Св. Георгия 4-й степени и Св. Анны 2-й степени, целым рядом других боевых наград. После пребывания в составе оккупационной администрации во Франции и исполнения военно-дипломатических поручений он возвращается в Россию, где становится флигель-адъютантом Александра I.

Вершиной его военной карьеры стала должность командира 16-й пехотной дивизии со штабом в Кишиневе, куда он отправился в 1820 г. Пребывание за границей пробудило его интерес к общественной жизни, увлечение масонством, и в 1817 г. он инициирует создание тайного общества «Орден русских рыцарей». В том же году Михаил Федорович вступает в литературное общество «Арзамас», в которое входил уже упомянутый выше Н. И. Тургенев. В дальнейшем он стал участником «Союза благоденствия» (1818–1821). В период пребывания в Кишиневе круг общения генерала составили А. С. Пушкин, П. С. Пущин и другие деятели русской культуры.

Руководство достаточно обширным хозяйством пехотной дивизии породило у будущего ученого чисто практический интерес к проблемам финансирования, но никаких научных изысканий на сей счет он, насколько известно, в тот период не имел. В начале 1823 г. М. Ф. Орлов отстраняется от командования дивизией, попав под подозрение в неблагонадежности как участник тайных обществ. Это положило конец его блестящей военной карьере, однако дало ему больше времени для самостоятельных занятий политэкономией и историей. 14 декабря 1825 г. отставной генерал находился в Москве и участия в восстании декабристов не принимал. При этом он попал под подозрение и был арестован. Только благодаря заступничеству брата, А. Ф. Орлова, в тот период приближенного Николая I, Михаил Федорович смог избежать уголовной ответственности. Дело ограничилось отправкой в имение под надзор калужского генерал-губернатора. Затем ему разрешили проживать в Москве, где он тесно общался с А. И. Герценом, П. Я. Чаадаевым, другими общественными деятелями и деятелями культуры. Однако кипучая энергия привыкшего быть в центре общественной жизни генерала не находила выхода¹⁸².

¹⁸¹ Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. С. 268.

¹⁸² См.: Павлова Л. Я. Декабрист М. Ф. Орлов. М., 1964.

Таким своеобразным «выходом» для нее стала научная деятельность, плодами которой явился труд «О государственном кредите», оконченный в 1832 г. После цензурных придинок и последующих исправлений книга была опубликована анонимно в 1833 г.¹⁸³ Цензор заметил, что в работе рассматриваются не только финансовые, но и политические вопросы. В связи с этим автору пришлось изъять из рукописи текста положения о связи государственного кредита с состоянием политических свобод, об общественном значении учения о государственном кредите. Без купюр цензора эта книга была издана в Лейпциге в 1840 г. под заглавием «О государственном кредите. Сочинение русского государственного деятеля».

Первоначально книга не вызвала значительного интереса общественности. Осталась она незамеченной, за редким исключением, и русскими учеными-финансистами, причем не только современниками автора, но и жившими на рубеже XIX–XX вв. Только в 1841 г. И. Горлов в своей книге «Теория финансов» отметил, что сочинение М. Ф. Орлова отличается «особенностью взгляда»¹⁸⁴, и впервые назвал имя автора анонимно вышедшей книги. Критически восприняли учение о кредите М. Ф. Орлова и его бывшие соратники – декабристы. Н. И. Тургенев писал: «Мне как будто всегда суждено противоречить ему, ибо я настолько же резко расхожусь с его финансовыми и мануфактурными теориями, насколько я расходился с его воинственными и завоевательными теориями»¹⁸⁵. Другой декабрист, Н. А. Бестужев, считал, что М. Ф. Орлов преувеличивает значение кредита¹⁸⁶.

Напротив, в советский период труд М. Ф. Орлова, с учетом его принадлежности к декабристам, был «поднят на щит»¹⁸⁷. Этому способствовало и то, что прогрессивность автора противопоставлялась тогдашнему министру финансов Е. Ф. Канкрину, который был, естественно, «реакционером». Подчеркивались приоритет русского ученого перед автором аналогичных исследований, немецким ученым К. Дитцелем (1829–1884), рекомендация М. Ф. Орлова шире использовать государственный кредит, сочетая его с умеренным налогово-обложением. Но надо иметь в виду, что это писалось в основном сразу после завершения Великой Отечественной войны, когда была официальная установка на доказывание приоритета всего русского, особенно в отношении немецкого. Вопрос о приоритете нуждается в дальнейшем исследовании. Между тем книга К. Дитцеля «Система государственных займов, рассматриваемых в связи с народным хозяйством» вышла в Германии в 1855 г., в то время как труд М. Ф. Орлова на немецком языке был издан в 1840 г.

Советские критики русского ученого не преминули отметить его «буржуазную ограниченность» и даже «непонимание марксизма», хотя К. Маркс в период написания труда «О государственном кредите» еще ходил в гимназию. По-нашему мнению, М. Ф. Орлов был готов к занятию высших государственных должностей в финансовой сфере, а реформаторский потенциал был очень значительным. Более того, многие его идеи были созвучны идеям Александра I в первые годы его царствования, а затем и замыслам М. М. Сперанского. Судьба М. Ф. Орлова, как и вышеназванного Н. И. Тургенева, в этом контексте сложилась трагически, а их замыслы не послужили основой для финансовых реформ, а стали предметом дис-

¹⁸³ Первый ее полный текст был напечатан только в советский период (см.: Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 98–216). Последнее по срокам переиздание см.: У истоков финансового права. Т. 1. М., 1998. С. 295–424.

¹⁸⁴ Горлов И. Теория финансов. Казань, 1841 (вводная часть без нумерации страниц).

¹⁸⁵ Тургенев Н. И. Россия и русские. Т. 1. М., 1915. С. 167.

¹⁸⁶ Бестужев Н. А. Статьи и письма. М., 1933. С. 258.

¹⁸⁷ См.: Боголепов М. Н. Первая русская книга о государственном кредите // Советские финансы. 1945. № 5. С. 35–39; Боровой С. Я. Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите» // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. VIII. 1951. № 1. С. 46–60; Морозов Ф. О книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите» // Вопросы экономики. 1954. № 10. С. 122–127 и др.

куссий исследователей об упущенных шансах. Умер М. Ф. Орлов 19 марта 1842 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище.

М. Ф. Орлов заслуженно снискал себе славу не только героя Отечественной войны 1812 г., участника движения декабристов, но и основоположника теории государственного кредита. Его книга о государственном кредите вышла в свет в период финансовой реформы в России, целью которой было восстановление металлического денежного обращения путем девальвации. Проводилась она министром финансов Е. Ф. Канкриным.

В своем исследовании М. Ф. Орлов поставил цель: «вникнуть в самую суть кредита», «обратить внимание общества на чистое и ясное изложение кредитной системы. По мнению ученого, основания государственного кредита сводятся к следующим правилам: 1) употреблять умеренные налоги не иначе как на обыкновенные издержки; 2) удовлетворять чрезвычайные нужды посредством займов; 3) совершать займы с уплатой вечных процентов без возвращения капитала; 4) стараться давать векселям правительства вольное и удобное обращение; 5) учредить кассу погашения с достаточным капиталом для уплаты процентов, для постепенного выкупа части векселей и поддержания курса всей массы государственных обязательств¹⁸⁸.

М. Ф. Орлов писал, что государственный кредит есть наука, основанная не на одних отвлеченных умозаключениях, а на строгих правилах, испытанных судьбой правительств, доверявших или не доверявших ее началам. В подтверждение этого тезиса ученый показал государственный кредит в действии на конкретных примерах из истории финансов Франции и Англии. При этом Франция олицетворяла отрицательный пример предубеждения против кредитной системы, а Англия – наоборот, положительный пример. Именно употребление государственного кредита признается автором основанием величия Англии. При этом М. Ф. Орлов обращается к цифрам и фактам, которые он получил из трудов Ж. Б. Сея, Т. Мальтуса, Д. Рикардо, В. Мирабо, Ж. Неккера и др., а также из официальных источников, периодических журналов, ведомостей. Все ученые, и с ними солидарен наш автор, единогласно утверждают, что большие политические перевороты начинаются расстройством финансов. И к этой несомненной истине ученый добавляет, что «устройство финансов и, следовательно, благоразумное ведение государственного кредита есть настоящий способ закрыть навсегда эпоху политических переворотов и заменить ее эпохой полезных преобразований»¹⁸⁹.

Кроме книги «О государственном кредите» М. Ф. Орловым была написана еще одна работа на экономическую тему – «Мысли о современном состоянии кредитных установлений в России». Полного текста этой работы не сохранилось. Источником, рассказывающим о содержании этого труда, является конспект, составленный под руководством А. Х. Бенкендорфа и Л. В. Дубельта после смерти М. Ф. Орлова¹⁹⁰.

М. Ф. Орлов считал необходимым проведение кредитно-финансовой реформы. Он ратовал за ликвидацию существующих кредитных учреждений: Комиссии погашения долгов, Коммерческого банка, Ассигнационного банка, Опекунского совета, Государственного заемного банка, приказов общественного призрения. Взамен же ввести новую систему выпуска ассигнаций и учредить новый банк для их погашения¹⁹¹. Поскольку М. Ф. Орлов был сторонником системы известного финансиста Франции Дж. Ло, постольку речь, вероятно, шла об учреждении крупного частного банка. Однако министр финансов Е. Ф. Кан-

¹⁸⁸ Орлов М. Ф. О государственном кредите // У истоков финансового права. Т. 1. М., 1998. С. 320.

¹⁸⁹ Там же. С. 344.

¹⁹⁰ См.: Орлов С. В. Экономические воззрения М. Ф. Орлова // Экономическая история. Обзорное / Под ред. Л. И. Бородин. Вып. 9. М., 2003. С. 99–102.

¹⁹¹ Из неизданного сочинения Михаила Федоровича Орлова // Русский архив. 1974. Кн. 1. № 6. С. 1578–1579.

крин был категорически против частной банковской деятельности. Именно это, возможно, и послужило причиной того, что рассматриваемая работа так и не была выпущена в печать¹⁹².

М. Ф. Орлов закрывает галерею государственных деятелей, ставших учеными в первой половине XIX в.

В заключение отметим, что Н. С. Мордвинов является автором наибольшего числа проектов преобразований в сфере финансов, банковского дела и денежного обращения. Его предложения о ликвидации натуральных повинностей, сокращении военного бюджета, стабилизации денежного обращения отличались реалистичностью и эффективностью. Н. И. Тургенев может быть отнесен к числу первых отечественных специалистов в сфере налогового права, а М. Ф. Орлов обоснованно причисляется к числу авторов новаторских исследований по теории кредита.

¹⁹² См.: Орлов С. В. Экономические воззрения М. Ф. Орлова. С. 102.

Глава 5

Ученые, ставшие чиновниками (вторая половина XIX в.)

Вторая половина XIX в. стала во многом переломной в истории Западной цивилизации. Европейские революции 1848–1849 гг. в значительной степени подтолкнули реформаторские процессы, но наибольшего прогресса смогли достичь страны, избежавшие социальных потрясений. Например, путем парламентских реформ 1832 г. и 1867 г. Англия фактически оформила представительную демократию. В вечно бурлящей Франции в 1855 г. был установлен режим Второй империи Наполеона III, создавший благоприятные условия для экономического развития страны. Гражданская война в США 1861–1865 гг. привела не только к сохранению единства страны и отмене рабства, но и открыла путь для дальнейших социальных и политических реформ. Завершение формального объединения Италии в 1870 г. позволило этой стране перейти от внутренних раздоров к государственному строительству. К 1871 г. формируется единая Германия под эгидой Пруссии. Ее канцлер, в прошлом суперконсерватор, О. Бисмарк также повел свою страну по пути реформ.

На этом фоне особенно наглядно проявилось своеобразие России, где осознание необходимости реформ приходило значительно позднее, чем созревали объективные предпосылки для их проведения. К концу 50-х гг. Россия стала крупнейшим государством мира, с площадью 19,6 млн кв. км и населением около 68 млн человек. Абсолютные цифры экономического роста с начала XIX в. впечатляли: число мануфактур выросло в 75 раз, производительность труда в промышленности – в 3 раза. Одновременно число крепостных, работающих в обрабатывающей промышленности, снизилось с почти 59 % до немногим более 18 %. Объем вывоза товаров за это время увеличился почти в 4 раза, а ввоза – почти в 5 раз. Ежегодный вывоз хлеба за это время вырос в 6 раз¹⁹³. Но крепостное хозяйство полностью утратило свою динамичность, исчерпало ресурсы качественного роста. Оно еще могло существовать довольно долго, но лидирующее положение России в мировой системе могло бы быть тогда утрачено безвозвратно. Именно реформы 60–70-х гг. XIX в., начиная с отмены крепостного права в 1861 г., позволили придать экономическому развитию необходимую динамику. Вторая волна финансовых реформ пришлась на первую половину 80-х гг. XIX в. Тяжесть этих преобразований легла на плечи Н. Х. Бунге и его соратников.

С конца 50-х гг. произошло пробуждение общественной и научной мысли, в том числе финансовой. Во многом благодаря этим условиям появилась новая генерация государственных деятелей в сфере финансов, которые начинали свою карьеру нередко с научных изысканий или активно занимались ими на протяжении всей государственной деятельности. В некоторой степени к этой категории относились М. А. Балугьянский и Е. Ф. Канкрин, которые стали заниматься научными исследованиями ранее начала государственной службы. Однако Е. Ф. Канкрин не работал в учебных учреждениях, а основные свои труды по финансовой тематике подготовил уже будучи знатным сановником. М. А. Балугьянский был приглашен в Россию не только как ученый-педагог, но и как эксперт в сфере финансов, а его участие в государственных преобразованиях в решающей степени определило и направление его научной деятельности.

Представители новой генерации, напротив, сначала показали себя перспективными исследователями, а порой стали и маститыми учеными, и только затем достигли определенных степеней в служебной иерархии. Эти процессы могли происходить и параллельно.

¹⁹³ Подробнее см.: Лушников А. М., Махров Н. И. Указ. соч. С. 42–74.

Не исключены случаи, когда служебные поручения направляли и научный поиск. При этом несомненно одно: новая генерация чиновников имела преимущественно университетское юридическое образование, готовила самостоятельные научные труды, получала научные степени и звания. Этому способствовало и то, что система университетского образования, начавшая формироваться в первые годы XIX в., к середине этого века дала уже свои многочисленные плоды. В государственный аппарат пришли образованные чиновники, интересы которых выходили далеко за пределы утилитарных карьерных устремлений. Даже их чиновничья карьера порой напоминала карьеру молодых университетских преподавателей. Так, и те и другие совершали длительные научные зарубежные командировки, заканчивающиеся представлением письменных научных трудов, отчетов. Этим путем прошли многие персонажи данной главы, в том числе М. Х. Рейтерн, В. А. Татаринов, Е. И. Ламанский и др.

5.1. Творцы финансовых реформ 60-х годов (Ю. А. Гагемейстер, М. Х. Рейтерн, В. А. Татаринов и др.)

Финансовые реформы 60-х гг. XIX в. стали одними из самых сложных и продолжительных в череде преобразований того периода. Началось все с учреждения Государственного банка (1860) и образования при Министерстве финансов Главного выкупного учреждения для проведения выкупных операций (1862). 22 мая 1862 г. введены «Правила о составлении, рассмотрении и выполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений», и с этого же года государственная роспись стала публиковаться. В 1864–1868 гг. все государственные доходы были сосредоточены в кассах Государственного казначейства Министерства финансов. Был реорганизован Государственный контроль, значение которого существенно возросло, а в 1865 г. созданы местные органы госконтроля – государственные палаты. К 1863 г. винные откупа были заменены акцизными сборами на производство спиртных напитков, а с 1866 г. – и на табак. Для взимания акциза были созданы губернские и окружные акцизные управления. При этом Департамент разных податей и сборов Министерства финансов был разделен в 1863 г. на Департамент неокладных сборов (занимался косвенными налогами) и Департамент окладных сборов (занимался прямыми налогами).

Все эти гигантские преобразования связаны в значительной степени с именем министра финансов в 1862–1878 гг. М. Х. Рейтерна и государственного контролера в 1863–1871 гг. В. А. Татаринова, однако практически все персонажи данной главы в разной степени были к ним причастны.

Наше повествование мы начнем с **Юлия Андреевича Гагемейстера** (1806–1878). Выходец из дворян Лифляндской губернии, в 1828 г. он окончил юридический факультет Дерптского университета со степенью кандидата права. Свою карьеру начал в Министерстве финансов, был членом Русского географического общества. Последнее являлось своеобразным дискуссионным клубом, где формировались взгляды будущих реформаторов 60-х гг. Председателем этого общества был младший брат Александра II великий князь Константин Николаевич. Его активными деятелями являлись К. К. Грот (будущий первый директор Департамента неокладных сборов Министерства финансов), А. П. Заблоцкий-Десятовский, М. Х. Рейтерн, Е. И. Ламанский и др. Все они в той или иной мере имели отношение к финансовым реформам и науке финансового права. К этим персонажам мы еще вернемся.

С 1858 по 1862 г. Юлий Андреевич был директором Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов, имел ранг тайного советника (светский генерал-лейтенант), статс-секретаря (с 1860). Он принимал активное участие в реформах 60-х гг., входил в Комиссию по реформе банков, стал ближайшим сподвижником министра финансов М. Х. Рейтерна, был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Юлий

Андреевич выступал поборником устранения препятствий в развитии внутренней и внешней торговли России¹⁹⁴. Предметом его исследований стали вопросы охранительных таможенных пошлин, государственной росписи и кредитов¹⁹⁵. Перу Ю. А. Гагемейстера принадлежит первое в России исследование по истории финансов «Разыскания о финансах Древней России»¹⁹⁶, которое было увенчано Демидовской премией от Академии наук. Оно охватывало время от начала Руси до середины XV в. и разделено на три периода: до 988 г. (до принятия христианства), до 1236 г. (удельный период) и до 1462 г. (татарское владычество, освобождение от него и объединение России под московским единодержавием). В. А. Лебедев писал, что это сочинение Гагемейстера не дает полной картины нашего древнего финансового быта в его историческом развитии, тем более что многое у него основано на догадках. Но, тем не менее, заключает рецензент, для общего знакомства с финансовым строем древней России это сочинение очень пригодно¹⁹⁷.

Позднее он стал автором новаторских исследований по денежному обращению¹⁹⁸, русским железным дорогам¹⁹⁹ и теории налогов²⁰⁰. Впоследствии ученый был назначен сенатором, неизменно поддерживал проведение в жизнь реформ 60–70-х гг.

Особый интерес специалистов вызывала его работа «О теории налогов, примененной к государственному хозяйству». В ней был дан догматический и сравнительно-правовой анализ податей (налогов и сборов) в европейских государствах (Англия, Франция, германские государства) и России с позиций теории налогообложения. Все подати (налоги и сборы) автор классифицировал на 7 категорий: 1) подати личные (подходный налог, разрядная подать, сбор с торгующих и с промышленников, подушная подать); 2) подати имущественные (земельная подать, подать с домов, сборы с недвижимых имуществ, сборы за потребление предметов роскоши, сборы с предметов потребления (сахар, табак, крепкие напитки, соль), пошлины с привозных товаров); 3) сбор с капиталов; 4) сборы за особые оказываемые правительством услуги; 5) неопределенные сборы; 6) подать с сибирских золотопромышленников; 7) мирские и земские сборы.

Ю. А. Гагемейстер приходит к выводу, что нет ни одного вида податей (за исключением налога на денежные капиталы, вверенные правительству), которые соединяли бы в себе все условия теории, а именно обеспечение необходимого согласования интересов казны (неизменное и безнедоимочное поступление предположенного оклада и дешевизна его взимания) и интересов плательщиков (уравнительность и желание наименьшего стеснения в занятиях). По каждому виду налогов ученый выявил недостатки и преимущества, особенности взимания, их роль (долю) в налогообложении в различных странах в зависимости от социально-экономических условий. Например, в отношении подходного налога он называл последний правильнейшим из личных податей, основанным на точной ежегодной оценке имущества каждого гражданина. Однако этот налог исполним только там, где «гражданственность развита в высшей степени, всего лучше в небольших общинах, в городах, где сосед надзирает за соседом, и всякое укрывательство невозможно и считается постыдным»²⁰¹.

¹⁹⁴ См.: Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 2. СПб., 1902. С. 651 и далее.

¹⁹⁵ См.: Гагемейстер Ю. А.: 1) О кредите. СПб., 1858; 2) Государственная роспись на 1866 г. СПб., 1866; 3) Мысли о значении охранительных пошлин по поводу пересмотра русского таможенного тарифа. СПб., 1868.

¹⁹⁶ См.: Гагемейстер Ю. А. Разыскания о финансах Древней России. СПб., 1833.

¹⁹⁷ См.: Лебедев В. А. Финансовое право. М., 2000. С. 111.

¹⁹⁸ См.: Гагемейстер Ю. А.: 1) Значение денежных знаков в России. М., 1864; 2) О значении денег в народном хозяйстве и о вывозе их за границу. СПб., 1848.

¹⁹⁹ См.: Гагемейстер Ю. А. Русские железные дороги. СПб., 1870.

²⁰⁰ См.: Гагемейстер Ю. А. О теории налогов, применяемой к государственному хозяйству. СПб., 1852.

²⁰¹ Там же. С. 108.

Сборы с недвижимых имуществ, по словам автора, из существующих налогов более других обеспечивают казну, но по неизменности своей тягостны для плательщиков, как доказано опытом многих европейских государств. Поземельная подать требует точнейшей оценки земли, обходящейся обыкновенно столь дорого, что может быть предпринята только там, где стоимость земли высока и налагаемая в соразмерности с ней подать покрывает эти расходы²⁰². В отношении косвенных налогов (пошлин с предметов потребления) автор полагал, что в системе налогов и сборов им следует отдать предпочтение. Но при этом, по его мнению, необходимо следовать примеру Великобритании и не облагать пошлинами товары, составляющие предметы потребления неимущих людей. И завершил он свою работу провозглашением принципа стабильности налоговой системы: «Не вполне удовлетворительный, но старый налог, к которому привык народ, часто предпочтителен новому, правильнейшему, потому что плательщики уже внесли его в свою частную смету, и что рабочая плата и цена товара установилась в соразмерности с ним. При введении новой подати... непременно происходит колебание в ценах и перевес всегда на стороне продавцов... цены возвысятся от нового сбора прежде, чем вследствие отмены старого успеют понизиться цены товаров, на которые он упадет»²⁰³.

Все персонажи этой части нашего исследования, как уже указывалось, в той или иной мере связаны с финансовыми реформами 60-х гг. XIX в. Однако руководящую роль в их проведении сыграл **Михаил Христофорович Рейтерн** (1820–1890). Он родился 12 сентября 1820 г. в Смоленской губернии. Это был потомок обрусевших выходцев из Германии, имевших, однако, голландские корни. Его отец, ветеран почти всех войн России с 1799 г., стал впоследствии генерал-лейтенантом русской армии, командиром кавалерийской дивизии. При этом семья жила небогато, с учетом того, что у будущего ученого и государственного деятеля было еще 12 родных сестер и брат. Двоюродная сестра М. Х. Рейтерна была замужем за известным поэтом В. А. Жуковским, общение с которым благотворно сказалось на формировании впечатлительного юноши. После обучения в частном пансионе он поступил в Царскосельский лицей, бывший в то время своеобразной «кузницей кадров» высших управленцев. Его учителем в сфере финансов был профессор политэкономии И. И. Ивановский (1807–1887). В 1839 г. по окончании лицея с серебряной медалью М. Х. Рейтерн поступает на службу в Министерство финансов, а затем переходит в Министерство юстиции, став там чиновником для особых поручений. В отличие от некоторых своих предшественников с европейскими корнями, он почти в одинаковой мере владел русским, немецким, французским и английским языками, но родным для него уже был русский.

Его избрание в 1847 г. членом Русского географического общества имело далеко идущие последствия. Здесь он начал работу под руководством великого князя Константина Николаевича, был им замечен и переведен на службу в Морское министерство, которое возглавлял его покровитель. Этому предшествовала публикация ученого о морских бюджетах Англии и Франции²⁰⁴, которая понравилась великому князю. Кружок сподвижников Константина Николаевича, сложившийся вокруг него в Морском министерстве, как мы уже упоминали, стал своеобразным штабом грядущих реформ, а его участники получили наименование «константиновцев» и даже «константиновских орлов». Одним из самых ярких «орлов» был М. Х. Рейтерн, являвшийся негласным консультантом шефа по экономическим и правовым вопросам. В тот период уже вполне сформировались его качества потенциального лидера: ровный и сдержанный характер, спокойствие, твердость убеждений в сочетании со

²⁰² Там же. С. 106.

²⁰³ Там же. С. 118.

²⁰⁴ См.: *Рейтерн М. Х.* Опыт краткого сравнительного исследования морских бюджетов Английского и Французского // Морской сборник. 1854. № 1.

способностью идти на компромиссы. Однако его знание России пока ограничивалось коридорами канцелярий трех министерств (финансов, юстиции и морского), да продолжительной командировкой по Центральной России в первой половине 1855 г.

Не имея богатырской стати и здоровья, этот рано полыхавший человек со «шкиперской» бородкой имел дар убеждения и способность выбирать себе как достойных покровителей, так и деятельных помощников.

В конце 1855 г. он почти на три года был командирован за границу для изучения «финансового строя» государств Запада. Молодой ученый посетил Пруссию, США, Францию и Англию. Особенно вдохновил его опыт США, вследствие чего он стал американофилом, а в кругу друзей даже прозывался «янки». По возвращении в Россию в 1858 г. он подготовил подробный отчет о командировке. Его материалы легли в основу ряда публикаций в журнале «Морской сборник», в которых были намечены контуры будущих финансовых преобразований²⁰⁵.

Несколько позднее свое финансовое кредо он выразил в записке на имя Александра II, статс-секретарем которого он был назначен в том же 1858 г. Первоначально М. Х. Рейтерн был сторонником либеральной фритредерской концепции, доминировавшей в то время в западной финансовой науке. Тормозом в развитии России ученый считал всевластие государства и подавление «личной экономической инициативы трудящихся», крепостное право, архаичное сословное деление, что особенно важно, средневековую подушную подать и неравномерное наложение налогового бремени. Рецепт излечения он видел в рациональном законодательстве и соответствующем «гражданском устройстве». При этом Михаил Христофорович предлагал жестко ограничить расходы казны на содержание государственного аппарата, сократить армию и флот, т. е. всемерно снизить сметные расходы, ликвидировать питейные откупа и начать преобразование податной системы на принципах подоходности. Далее он предлагал ввести налог на земли помещиков и недвижимость в городах, обеспечить более справедливую раскладку гильдейских сборов за право торгово-промышленной деятельности, обложить гербовой пошлиной те коммерческие сделки, которые ранее от нее были освобождены.

Для покрытия дефицита государственного бюджета он советовал использовать такое средство, как продажа государственного имущества. Единственным спасением от инфляции и средством восстановления стабильности денежного обращения он считал устранение неразменных бумажных денег и возврат размена бумажных денег на звонкую монету. Для этого предполагалось восстановить металлический фонд Госбанка и свободное металлическое обращение. В отличие от Е. Ф. Канкрин, он считал необходимым развертывание активного железнодорожного строительства, причем не только за счет казны, но и через привлечение частных акционерных капиталов, иностранных капиталов. Ученый резонно полагал, что развитие экономики является залогом «здоровой» финансовой системы. Главными пунктами в его программе были достижение сбалансированного бюджета, который должен стать открытым и гласным, жесткий контроль за его расходованием, умеренное налоговое бремя в соответствии с уровнем доходов, стабильное денежное обращение. Ориентиром служил опыт стран Запада²⁰⁶.

²⁰⁵ См.: *Рейтерн М. Х.*: 1) Денежное счетоводство французского морского ведомства // *Морской сборник*. 1859. № 1; 2) Счетоводство прусского морского ведомства // Там же. 1859. № 3; 3) Влияние экономического характера народа на образование капитала // Там же. 1860. № 5. С. 55–72.

²⁰⁶ См.: *Семевский М. И.* Михаил Христофорович Рейтерн. К его портрету. СПб., 1889; *Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г.* Михаил Христофорович Рейтерн. Биографический очерк. С приложением из посмертных записок М. Х. Рейтерна. СПб., 1910; *Степанов В. Л.* Михаил Христофорович Рейтерн // *Российские реформаторы (XIX – начало XX в.)*. М., 1995. С. 146–182 и др.

В 1859 г. Михаил Христофорович возвращается в Министерство финансов, где входит в узкий круг идеологов преобразований наряду с Ю. Г. Гагемейстером (о нем говорилось выше), Н. Х. Бунге, В. А. Татариновым, Е. И. Ламанским, В. П. Безобразовым (о них будет сказано ниже). С 1859 г. он участвовал в так называемых «экономических обедах» в лучших ресторанах столицы (чаще всего в ресторане Донона), которые играли роль своеобразного дискуссионного политического клуба. Они были своеобразным каналом реализации политической и научной активности тогдашней элиты, так как официально политико-экономическое общество учредить не представлялось возможным. Обеды проводились раз в месяц, а их главным организатором много лет был В. П. Безобразов. Помимо вышеназванных лиц, в экономических обедах участвовали великий князь Александр Александрович (будущий Александр III), еще ряд великих князей, будущие министры финансов С. А. Грейг и И. А. Вышнеградский и др. Поскольку легальные организации в то время были запрещены, экономические обеды стали интеллектуальной площадкой по выработке проектов финансовых реформ. С 1861 г. он принимал участие в частном кружке российских экономистов, в который входили также И. В. Вернадский, Е. И. Ламанский, А. И. Бутовский (1817–1890) и др.

Работал М. Х. Рейтерн и в Редакционной комиссии, готовившей отмену крепостного права, в комиссиях по пересмотру системы податей и сборов²⁰⁷, о земских банках, о преобразовании коммерческих банков. С 1860 г. Михаил Христофорович заведует делами Комитета финансов, который являлся органом по выработке законоположений, связанных с проблемами финансов. Наконец, в 1862 г., в возрасте 42 лет, М. Х. Рейтерн возглавил Министерство финансов. Во многом стараниями нового министра с 1862 г. начала публиковаться государственная роспись доходов и расходов (т. е. бюджет впервые стал гласным, с него была снята традиционная секретность), а с 1866 г. – отчеты государственного контролера. Вместе с В. А. Татариновым он разработал правила формирования и утверждения ежегодной государственной сметы и государственной росписи. Во многом его стараниями была создана система частных банков, которых на начало его министерства в России просто не было. Активно развивалось государственное и частное кредитование посредством сети банков, взаимно-кредитных обществ, ссудо-сберегательных товариществ. Резко активизировалось железнодорожное строительство. Михаил Христофорович активно привлекал к работе в министерстве лучших специалистов в области финансов.

Еще одной заслугой Н. Х. Рейтерна было его пристальное внимание к проблемам финансовой статистики. Во многом по инициативе нового министра начал издаваться «Ежегодник Министерства финансов» (1869–1916), который первоначально именовался «Сборником сведений и материалов по ведомству Министерства финансов» (1866–1868). Показательно, что в качестве приложения к этому изданию в 1866–1867 гг. публикуется работа немецкого ученого К. Г. Рау «Основные начала финансовой науки». Вскоре «Ежегодник» стал авторитетным изданием. Статистические данные о России публиковались там по следующим разделам: население и территория, государственное хозяйство, городское и земское хозяйство, кредиты и банки, биржи, акционерное дело, пути и средства сообщения, промышленность, торговля. Материалы данного журнала стали не только результатом обобщения всех официальных данных, имеющих отношение к финансам, но и хорошим подспорьем для деятельности государственных органов и научных исследований финансово-правового характера.

Усилиями М. Х. Рейтерна и его сподвижников в стране была введена общая система бюджетного учета и отчетности, провозглашен принцип бюджетного и кассового единства. С 1870 г. из росписей и отчетов наконец-то исчезли дефициты. В нашу задачу не входит всестороннее рассмотрение финансовых реформ того времени, но их научная проработка и

²⁰⁷ См.: О размере акциза с вина. Мнение членов комиссии А. А. Абаза и М. Х. Рейтерна. СПб., 1861 и др.

глубина замысла очевидны. Также очевидно и то, что не все задуманное удалось: не состоялась денежная реформа, вне государственного контроля остались казенные и субсидируемые бюджетом частные железные дороги. Сверхсметные ассигнования продолжали «буравить» бюджет, архаичная подушная подать так и не была отменена, хотя и несколько уменьшилась. Крах ряда банков и акционерных обществ вкуче с возросшим масштабом банковского мошенничества шокировали отечественного обывателя. Увлечение чисто бюджетно-налоговой стороной реформы привело к игнорированию ряда социальных проблем, в том числе рабочего и крестьянского вопросов. Концессионная система строительства железных дорог была слишком затратной для бюджета, а концессионеры получали большие и необоснованные прибыли. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. подорвала хрупкое финансовое равновесие, и М. Х. Рейтерн подал в отставку. Однако в 1881 г. его снова призвали на пост председателя Комитета Министров, несмотря на то, что он был слаб здоровьем и практически ослеп. На этом посту он проявил себя мастером компромисса и окончательно ушел в отставку только в 1886 г., хотя формально сохранил членство в Госсовете и председательство в Комитете финансов. В начале 1890 г. престарелый ученый был возведен в графское достоинство. Еще до этого он стал членом Петербургской академии наук (1863), Вольного экономического общества (1870), был награжден всеми высшими российскими орденами, включая Александра Невского и Андрея Первозванного, рядом иностранных орденов. Умер он 11 августа 1890 г. в Царском Селе.

Его человеческие качества и научные способности достойны самой высокой оценки. Русский историк финансов Е. Н. Фену так писал о нем: «Отличаясь необычайным трудолюбием и обширными познаниями в финансовом деле, граф М. Х. Рейтерн был человеком твердых убеждений, беспристрастным и всегда равным в общении. При сдержанном и спокойном характере, он имел мягкую, отзывчивую душу...»²⁰⁸ Это был человек высокой личной порядочности, для которого работа была смыслом жизни. Он так и не создал собственной семьи, а весь свой досуг посвящал научным изысканиям и чтению книг. Впрочем, времени на подготовку публикаций в последний период его жизни было крайне мало, поэтому они в основном ограничены текстами официальных выступлений²⁰⁹.

На примере М. Х. Рейтерна можно проследить, как научно проработанные и широкие реформаторские замыслы выхолащивались из-за недостатка настойчивости и даже некоторой слабости характера их автора. Этот русский ученый с немецкими корнями не был бойцом, а его способность к компромиссу иногда шла в ущерб осуществлению намеченного. Если ученый М. Х. Рейтерн был на высоте и стал, скорее, интеллектуальным победителем, то государственный деятель М. Х. Рейтерн не смог в полном объеме реализовать свою программу. Впрочем, в условиях абсолютной монархии и всевластия бюрократии это было закономерным.

Одним из наиболее последовательных соратников М. Х. Рейтерна и полноправным соавтором финансовых реформ стал **Валериан Алексеевич Татаринов** (1816–1871). Выходец из дворян Владимирской губернии, сын майора русской армии, родился 16 августа 1816 г. Окончил Московский университетский благородный пансион, где обучался в одно время с будущим реформатором вооруженных сил Д. А. Милютиным. В 1835 г. он поступил на службу в Канцелярию государственного контроля, в 1840 г. стал чиновником для особых поручений при Контрольном департаменте гражданских отчетов, затем – помощником обер-контролера при Департаменте кораблестроения Морского министерства. Там он активно включился в проведение ревизий и законопроектную работу. Его усердие не осталось неза-

²⁰⁸ Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. С. 396.

²⁰⁹ См., например: *Рейтерн* М. Х. Речь министра финансов, произнесенная 16 октября 1875 г. в заседании Совета кредитных установлений. СПб., 1875.

меченным, и после ряда промежуточных должностей в 1852 г. он назначается генерал-контролером Департамента гражданских отчетов. В 1855–1858 гг., практически параллельно с М. Х. Рейтерном, он командирован за границу для изучения постановки государственной контрольной деятельности. В. А. Татаринов посетил Францию, Бельгию, Пруссию и Австрию.

Своеобразным отчетом о командировке стал целый цикл его научных работ о финансовом контроле в Пруссии, Франции и Бельгии. Эти работы были подготовлены в сравнительном ключе²¹⁰. Второе издание этих работ в трех томах было дополнено И. И. Кауфманом²¹¹. П. П. Гензель охарактеризовал это издание как «выдающееся и лучшее не только в русской, но и иностранной литературе, а дополнения Кауфмана превосходно восполняют пробелы и устарелости этого знаменитого отчета Татаринова»²¹².

Он вывел следующие основные принципы государственной отчетности и контроля, применяемые в иностранных государствах: 1) для всех управлений однообразное и рационально составленное исполнение и заключение смет; 2) единство кассы; 3) предварительный контроль; 4) ревизия государственных оборотов в независимом учреждении по подлинным документам; 5) соединение в этом учреждении проверки исполнителей и распорядителей.

После возвращения в Россию В. А. Татаринов назначается статс-секретарем и членом Совета Государственного контроля. Разработанный им проект реформы бюджетного, кассового и контрольного дела был в целом принят в 1859 г., а он стал тайным советником (1860). В 1861 г. его назначают членом Комиссии об улучшении системы податей и сборов, а также членом ученого комитета Министерства финансов.

В 1862–1868 гг. под его руководством проводится реформа государственного контроля, а с 1863 по 1871 г. он являлся Государственным контролером, главой единого государственного контрольного органа России, членом Комитета финансов. На этом посту он последовательно проводил идеи независимости и единства государственного контроля, а сам этот контрольный орган был наделен правом документальной ревизии всех государственных учреждений в центре и на местах. На государственной службе В. А. Татаринов заслужил ряд орденов, включая ордена Св. Анны 1-й и 2-й степени, Св. Владимира 2-й степени и Белого Орла, но подорвал здоровье и умер от разрыва сердца 14 февраля 1871 г. в Петербурге. Его шести малолетним детям из государственного казначейства было выдано 100 тыс. руб., так как он не оставил семье никакого состояния.

Общепризнанными являются заслуги В. А. Татаринова в проведении реформы Государственного контроля в 60-х гг. XIX в. Это признавалось и его современниками²¹³ и нынешними исследователями. Так, А. А. Ялбулганов пишет, что на плечи В. А. Татаринова легла главная тяжесть практической реализации реформы Государственного контроля. Развивая идеи М. М. Сперанского о независимости контроля, он стремился создать полноправный и авторитетный Государственный контроль²¹⁴. Изучив и обобщив зарубежный опыт государ-

²¹⁰ См.: Татаринов В. А.: 1) Государственная отчетность в Пруссии. СПб., 1858; 2) Государственная отчетность во Франции. СПб., 1858; 3) Отчетность Морского ведомства во Франции. СПб., 1858; Государственная отчетность в Бельгии. СПб., 1858.

²¹¹ См.: Татаринов В. А. Государственная отчетность в Бельгии (т. 1), в Пруссии (т. 2) и во Франции (т. 3). Т. 1–3. СПб., 1881–1884 (2-е изд.).

²¹² См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. Толковый указатель к главнейшим сочинениям в русской и иностранной финансовой литературе. // Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. Ярославль, 1907. № 4. С. 71.

²¹³ Алышевский Н. Я. В память В. А. Татаринова. О прошлом и нынешнем устройстве Государственного контроля. СПб., 1881; Блюх Ив. Устройство финансового управления и контроля в России в историческом развитии. СПб., 1895; Головачев А. А. Десять лет реформ. 1861–1871. СПб., 1872; Сокович В. Государственный контроль в России. СПб., 1896 и др.

²¹⁴ См.: Ялбулганов А. А. Финансовый контроль в Российской армии XIX–XX в. Организационно-правовые реформы. СПб., 1999. С. 25.

ственного контроля, В. А. Татаринов в 1858 г. представил Александру II проект организации бюджетного, кассового и контрольного дела в России. На доклад Татаринова государь наложил резолюцию: «По важности сего дела желаю, чтобы оно было прочитано в Совете Министров. Я со своей стороны совершенно разделяю ваш взгляд и желал бы, чтобы и прочие министры убедились в необходимости приступить к радикальному улучшению нашего счетоводства, так и вообще финансовой системы нашей»²¹⁵. Предложения В. А. Татаринова рассматривались сначала в Комитете Министров, затем были переданы в «специальную комиссию» для разработки правил государственной росписи.

Как писал И. Х. Озеров, в проекте В. А. Татаринова был намечен полный переход к действующим в Западной Европе правилам относительно установления и исполнения росписи²¹⁶. Во-первых, в области организации бюджета он отстаивал составление единообразных для всех министерств и ведомств смет, которые включают все государственные доходы и расходы. Эти сметы должны рассматриваться и утверждаться одновременно с рассмотрением последнего отчета об исполнении государственного бюджета. Во-вторых, преобразование кассового дела в России предполагало введение единства кассы, когда все денежные средства должны быть переданы в ведение Министерства финансов. Татаринов предлагал даже ввести банковую систему касс, но проект не был у него достаточно разработан. В-третьих, по мнению В. А. Татаринова, единство кассы диктовало введение предварительного контроля. Он предлагал ввести предварительный контроль, так как только таковой может предупредить злоупотребления, в то время как последующий контроль в состоянии только раскрыть уже совершенное злоупотребление, а не предупредить его. Далее он предлагал производить ревизию по подлинным документам.

Предложения В. А. Татаринова встретили противодействие со стороны ряда министров, особенно это касалось введения документальной ревизии и предварительного контроля. В этой части преобразования так и не были проведены в жизнь в полном объеме, задуманном реформатором. Между тем 18 февраля 1859 г. Александр II утвердил разработанный нашим героем проект. В мае 1862 г. были приняты «Правила составления, утверждения и исполнения государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений». Для реализации единства кассы Комиссия под председательством В. А. Татаринова составила правила о поступлении государственных доходов и производстве государственных расходов, известные под кратким наименованием «Кассовые правила». В реформировании Государственного контроля особым достижением было внедрение документальной ревизии. Вместо прежней системы рассмотрения общих министерских отчетов, органы Государственного контроля получили доступ к подлинным документам, вводилась и ревизия материальных ценностей. Реализация реформы контроля также была связана и с созданием местных органов Государственного контроля – контрольных палат в губерниях. Это исправило «существовавшее большое зло, крайнюю централизацию Государственного контроля», предоставило местным контрольным учреждениям значительную долю независимости в ревизионных действиях и решениях как по отношению к распорядителям, так и исполнителям²¹⁷. Однако, как отмечается в литературе, «хотя реформа Государственного контроля на деле получилась неполной, половинчатой, она все же сыграла положительную роль во многом благодаря усилиям В. А. Татаринова»²¹⁸.

Возглавляя Государственный контроль, В. А. Татаринов в своих приказах и инструкциях разъяснял задачи, принципы и методы новой ревизионной системы. Так, он особо под-

²¹⁵ Цит. по: Озеров И. Х. Основы финансовой науки. М., 2008. С. 117.

²¹⁶ См.: Там же. С. 77.

²¹⁷ См.: Бессон Э. Бюджетный контроль во Франции и за границей / Пер. с фр. С. Л. Халюткина. СПб., 1901. С. 14.

²¹⁸ Ялбулганов А. А. Указ соч. С. 28.

черкивал значение документальной ревизии, считая, что документ должен быть «прямым и исключительным орудием ревизии». При этом ревизор должен обращать внимание на хозяйственную целесообразность и выгодность операций в ревизуемых учреждениях. В. А. Татаринов полагал, что государственный контроль должен не столько преследовать нарушения, сколько предупреждать неправильные действия, а поэтому результаты ревизии должны выражаться не в количестве сделанных замечаний и налагаемых начетов, а в предупреждении неправильных действий²¹⁹.

Высокий профессионализм государственного деятеля и интеллектуальный уровень ученого он совмещал с неизменной порядочностью²²⁰. Современники отмечали его богатые способности, усердие и горячую преданность своему делу относя его к наиболее близким сподвижникам М. Х. Рейтерна в деятельности, направленной к упорядочению смет и государственной росписи²²¹.

Можно сказать, что Валериан Алексеевич был близок к типу идеального государственного деятеля. Он мог совмещать решение текущих задач с работой на перспективу, адекватно оценивал людей, что называется, с первого взгляда, доброжелательность и открытость в личном общении совмещал с неуклонной требовательностью даже в мелочах. Его внешний вид также отличался новизной и тягой к преобразованиям: отсутствие бороды и усов, короткая прическа, несколько грубые, но мужественные и пропорциональные черты лица делали его похожим одновременно и на политика времен античности и на современных политиков Запада.

Главный контролер Николаевской железной дороги С. Л. Халютин, прослуживший в Государственном контроле более 35 лет, отмечал его политику в отношении выбора личного состава местных контрольных учреждений. Он набирался «из обыкновенной среды, зараженной прежними обычаями и преданиями». Однако нравственная сила примера В. А. Татаринова и «искренность убеждения в необходимости обновления» контроля, а также «феноменальное трудолюбие» были таковы, что «увлекли его сподвижников и сразу переродили их в людей, жаждавших правды и новых веяний»²²². Он писал о Татаринове как о талантливом государственном человеке, который «на своих плечах вынес тяжкую борьбу с мраком и отсталостью, не желавшими примириться с новыми влияниями и потребностями и отстаивавшими прежний, отживший порядок. Эта борьба стоила ему даже жизни, так как он скончался внезапно в самый расцвет своих умственных сил и организаторских способностей, доказав, что добрые начала и интересы отечества одинаково дороги для каждого, как при парламентском правлении, так и при монархическом»²²³.

Кстати, С. Л. Халютин перевел на русский язык и написал введение переводчика к работе другого государственного служащего, управляющего Главной дирекцией актовых пошлин во Франции Э. Бессона «Бюджетный контроль во Франции и за границей. Историческое и критическое исследование финансового контроля первостепенных государств Европы» (СПб., 1901). Э. Бессон в названном труде дал оценку русскому Государственному контролю. Введение переводчика представляет собой объемное и развернутое исследование. В нем С. Л. Халютин излагает свои взгляды на российскую ревизионную систему, отмечая ее преимущества и недостатки по сравнению с контрольными системами Франции, Англии,

²¹⁹ См.: Сакович В. А. Государственный контроль в России, его история и современное устройство в связи с изложением сметной системы, кассового порядка и устройства государственной отчетности. Ч. 1. СПб., 1896. С. 141–148.

²²⁰ См.: Альшевский Н. Указ. соч.; Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб., 1902. С. 393; Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008. С. 370.

²²¹ См.: Семевский М. И. Михаил Христофорович Рейтерн. К его портрету. СПб., 1889. С. 10.

²²² Бессон Э. Бюджетный контроль во Франции и за границей. С. 21.

²²³ Там же. С. 6.

Италии. В ряде случаев он не соглашается с характеристиками государственного финансового контроля в России, которые даны Э. Бессоном.

В Государственном финансовом контроле в России после реформы 60-х гг. XIX в., по мнению С. Л. Халютина, «торжествует признанная наукой и финансовой практикой идея разделения властей, способствующая более стройному ходу государственной администрации»²²⁴. Автор останавливается на истории становления Государственного контроля в России, рассматривает эффективность его деятельности на основе ежегодных Всеподданнейших отчетов Государственного контролера, дел из архивов Государственного контроля. Исследование завершается программой мероприятий «для придания русскому Государственному контролю большей силы и значения», причем многие из предлагаемых мер – это те проекты преобразований Государственного контроля, которые разрабатывал В. А. Татаринов, но они так и не были в полной мере проведены в жизнь. Среди этих мероприятий: расширение деятельности и прав Государственного контроля в ревизионном отношении, в том числе предоставление права предварительной ревизии всех государственных операций и предприятий. Сюда относится принятие нового ревизионного устава, материалы для которого начал собирать еще В. А. Татаринов, соединение отделений Госбанка с казначействами и др. Кстати, П. П. Гензель счел перевод С. Л. Халютина неудовлетворительным, а саму книгу Бессона второстепенной после сочинений Штурма и Татаринова о бюджетном контроле²²⁵.

Примечательно, что и в советской литературе о В. А. Татаринове писалось преимущественно в благожелательных тонах, подчеркивалось его участие в «подготовке и проведении (1862–1866) буржуазных реформ государственного финансового контроля в России»²²⁶. Данная оценка характерна и для современных исследований²²⁷.

Определенный вклад в изучение финансово-правовой проблематики внес *Иван Васильевич Вернадский* (1821–1884). Из числа других высших чиновников, занимавшихся проблемами финансового права, стоит отметить *Андрея Парфентьевича (Парфеновича) Заблоцкого-Десятовского* (1807–1881) и *Федора Густововича Тернера* (1828–1906)²²⁸.

В заключение отметим, что финансовыми реформами 60-х гг. руководили М. Х. Рейтерн и В. А. Татаринов, которые одновременно являлись как видными государственными деятелями, так и известными специалистами в сфере финансов. Вклад в их проведение внесли Ю. Г. Гагемейстер, а также персонажи следующего параграфа. Это уникальный для нашей страны случай, когда творцы идеологии преобразований и ученые совпали в одном лице с их исполнителями и политиками. Данный опыт оказался в целом положительным, хотя и показал, насколько тяжело проводить финансовые реформы в условиях абсолютизма.

5.2. Реформаторы в эпоху «контрреформ» (Н. Х. Бунге, Е. И. Ламанский, В. П. Безобразов и др.)

Вторая волна финансовых реформ пришлась на начало 80-х гг., причем проходили они в условиях стагнации в политической сфере, до недавних пор именуемой «эпохой контрреформ». Тем ценнее государственная деятельность министра финансов в 1881–1886 гг. Н. Х.

²²⁴ Там же. С. 31.

²²⁵ См.: *Гензель П. П.* Указ. соч. С. 71–72.

²²⁶ Большая советская энциклопедия. Т. 42. М., 1956. С. 641; Т. 25. М., 1976. С. 287–288. – Однако в этих изданиях он традиционно именуется как Валериан Александрович.

²²⁷ См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. СПб., 2001. С. 640–642; *Ялбулганов А. А.* Указ. соч. С. 25–31 и др.

²²⁸ Подробнее о них см.: *Лушникова М. В., Лушников А. М.* Наука финансового права на службе государству. Ярославль, 2010. С. 125–127, 140–149.

Бунге, связанная с заменой оброчной подати с государственных крестьян выкупными платежами (с 1881), с созданием Крестьянского поземельного банка (1882), отменой подушной подати (к 1886), отменой соляного налога. Среди его соратников были как деятели предшествующего периода, так и новая генерация ученых – государственных деятелей, таких как Ю. Г. Жуковский и А. В. Куломзин.

Николай Христианович Бунге (1823–1895) является одним из основателей киевской школы финансового права, в связи с чем период его преподавательской деятельности в Киевском университете будет рассмотрен в соответствующем параграфе.

В 1880–1881 гг. Н. Х. Бунге являлся товарищем министра финансов, причем его программа преобразований в сфере денежной системы была изложена в его предшествующих научных публикациях²²⁹. Это назначение было осуществлено вопреки воле тогдашнего министра финансов С. А. Грейга, что привело к натянутости в их отношениях. Примечательно, что новое назначение киевского профессора было позитивно встречено не только в либеральных кругах, но и в некоторых великосветских салонах. Почти сразу его начали сватать на пост министра финансов²³⁰. Этому способствовала, помимо профессиональных качеств, его репутация порядочного человека, о которых в то время говорили: «пыль земли на них не легла». И впоследствии он не был замешан ни в одной сомнительной сделке, что для России того периода, как и любого периода вообще, было большой редкостью.

Кратковременное министерство А. А. Абазы закончилось отставкой последнего после воцарения Александра III. Не страдающий излишней застенчивостью С. Ю. Витте утверждал, что именно благодаря ему Н. Х. Бунге получил пост товарища министра финансов, так как он указал на данную кандидатуру тогдашнему всесильному сановнику М. Т. Лорис-Меликову. О своем предшественнике на посту министра финансов он отзывался так: «Н. Х. Бунге был одним из лучших в России профессоров по финансовому праву; человек он был вообще в высокой степени образованный и почтенный; от других министров финансов он отличался тем, что он занимался законами денежного обращения»²³¹. Однако С. Ю. Витте не удержался и от своей традиционной шпильки: «Нужно сказать, что Бунге был более профессором и ученым, нежели министром финансов, так как, собственно говоря, экономическую и финансовую жизнь он знал мало»²³².

В 1881–1886 гг. Н. Х. Бунге являлся министром финансов и членом Госсовета. Склонность к компромиссу при сохранении в неизменном виде основных своих идей помогла ему долго держаться на столичном политическом Олимпе. Ученый и политик был сторонником всесословности в податной политике, выступал за отмену круговой поруки в деревне, за единый паспорт для всех сословий. В перспективе ему виделся отход от общинного к подворному землевладению с соответствующим изменением налогообложения. Капитализм в городе и деревне, по его мнению, должен был развиваться равномерно, а для эффективного руководства экономикой было необходимо объединенное руководство.

Во многом благодаря его настойчивости и аргументированной позиции были проведены некоторые преобразования в финансовой системе России. Это касается создания Крестьянского поземельного банка (1882), отмены подушной подати (к 1886), замены оброчной подати с государственных крестьян выкупными платежами (с 1881), отмена соляного налога и др. Это отвечало его основной идее более справедливого разложения налогового

²²⁹ См.: Бунге Н. Х.: 1) Заметки о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к ее улучшению // Сборник государственных знаний. СПб., 1880. Т. 8; 2) О восстановлении металлического обращения в России. Киев, 1877; 3) О восстановлении постоянной денежной единицы в России. Киев, 1878 и др.

²³⁰ См.: Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 48, 71.

²³¹ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 111.

²³² Там же. С. 181.

бремени. Одновременно был увеличен сбор с гильдейских свидетельств и прикащичьих билетов, повышен поземельный налог, обложен сбором доход с процентных бумаг.

Известный ученый-финансист *В. Г. Яроцкий* (о нем см. ниже) оценил вышеназванные преобразования в качестве принципиальных улучшений податной системы. Он писал, что то время, когда министром финансов был Н. Х. Бунге, – почти единственное время в нашей истории финансовой системы, когда вводился ряд отдельных подоходных налогов, более справедливых, а следовательно, и более легких, как, например, налог на доход с денежных ссудных капиталов, с доходов промышленных предприятий, особенно акционерных, наследственные пошлины, оброчная подать преобразовалась в выкупные платежи и т. п. Плоды творчества Бунге пожинали и его преемники, в том числе и И. А. Вышнеградский, приостановивший преобразование нашей налоговой системы в этом направлении и проявивший свое творчество лишь в усилении прежних косвенных налогов и в изобретении новых – или таких мелочных, как на спички и дрожжи, или таких несправедливых, как страховые пошлины²³³.

В 1887–1895 гг. Н. Х. Бунге был председателем Комитета Министров. Последние его прижизненные работы также были связаны с проблемами финансов²³⁴. Его неосуществленной мечтой осталось издание первого в России политико-экономического словаря, который он готовил вместе с академиками Б. К. Веселовским и И. И. Янжулом и под публикацию которого уже были обещаны средства министром финансов С. Ю. Витте. Кончина ученого 4 июня 1895 г., который был душой этого мероприятия, не позволила опубликовать словарь и в дальнейшем. Примечательно, что в научном мире ученого искренне уважали, о чем свидетельствует избрание его в Петербургскую академию наук (1881, ординарный академик с 1890), почетным членом трех русских университетов (Новороссийского, Киевского и Петербургского), ряда научных обществ за рубежом (Лондон, Мадрид и др.). Среди его орденов есть высшие награды Империи: ордена Александра Невского, Св. Владимира 1-й степени, Белого Орла, а также ордена Черногории, Бельгии, Бразилии, он получил высший ранг действительного тайного советника.

Проблемы денежного обращения и в этот период представляли для Н. Х. Бунге научный и практический интерес. Он сопроводил предисловием перевод работы Д. Горна «Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов» (СПб., 1895). Актуальность этого перевода, по его мнению, очевидна, так как «толкам о чудодейственной силе бумажных денег» не суждено умирать. Мысль о создании богатства, «при помощи неограниченного выпуска ничего не стоящих лоскутков бумаги, очень заманчива и всегда будет находить сторонников»²³⁵. Н. Х. Бунге, рассматривая «систему Джона Ло», пишет о коренном заблуждении Ло: «...для того чтобы бумажные орудия обращения имели ценность того металла, который на них обозначен (слова: рубль, франк, фунт стерлинг означают известное количество чистого золота и серебра), необходимо, чтобы за них можно было получить упомянутое в них количество золота и серебра, или же равноценность последних (эквивалент) в других товарах. Ничего подобного не могло быть при неограниченном выпуске бумажных денег, не обеспеченных монетой и не разменивающихся свободно на последнюю»²³⁶.

Н. Х. Бунге привлек к сотрудничеству целый ряд известных ученых – экономистов и финансистов, часть из которых получили высокие назначения в Министерстве финансов. В частности, это Ю. Г. Жуковский, А. В. Куломзин, а также профессор политэкономии Киев-

²³³ См.: Известия общества финансовых реформ. 1911. № 2 (февраль). С. 37.

²³⁴ Бунге Н. Х.: 1) Государственное счетоводство и финансовая отчетность в Англии. СПб., 1890; 2) Исследование по вопросу восстановления налога на соль. СПб., 1893; 3) Очерки политико-экономической литературы. СПб., 1895; 4) Предисловие // Горн Д. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов. СПб., 1895. С. V–XXV.

²³⁵ Горн Д. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов. СПб., 1895. С. III.

²³⁶ Там же. С. XVII.

ского университета Д. И. Пихно. Он поддерживал дружеские отношения с профессором И. И. Янжулом, которого пригласил на должность фабричного инспектора, а затем инициировал его избрание в Петербургскую академию наук. И. И. Янжул так вспоминал о первой встрече с министром: «Он принял меня крайне любезно и не как министр, а как профессор профессора, как старший товарищ младшего: мило, добро и участливо расспросил меня о последней моей работе по финансам и о будущих предположениях в смысле научных занятий»²³⁷.

Реформы и личность Н. Х. Бунге были предметом исследований уже его современников и сподвижников. Это относится к публикациям его соратников по Министерству финансов Е. Э. Картавцова (первый управляющий Крестьянским поземельным банком, ученик профессора по Киевскому университету), В. Т. Судейкина (о нем см. далее), Е. Н. Фену и др.²³⁸.

В частности, В. Т. Судейкин горячо одобрял финансовую политику Н. Х. Бунге, оценивал ее как первый серьезный шаг к введению большей равномерности в российскую систему налогообложения и к поднятию экономического уровня низших слоев населения. П. Л. Кованько посвятил этой проблеме специальное исследование²³⁹. Более подробно мы скажем об этом при рассмотрении научного наследия П. Л. Кованько. Здесь же отметим, что, завершая свое исследование главнейших реформ, проведенных Н. Х. Бунге в финансовой системе России, он пришел к выводу о неосновательности возводимых на министра финансов обвинений в непоследовательности и доктринерстве, подчеркнул истинные его заслуги перед обществом и государством, а равно констатировал недостатки в деятельности. Интерес к личности ученого и политика, а равно к его преобразованиям в позднесоветский и постсоветский периоды также несколько активизировался²⁴⁰.

Для нас немаловажно и то, что Н. Х. Бунге долгие годы был на высших государственных должностях, где его финансовые и административно-правовые воззрения отчасти нашли практическое применение. Например, отмена налога на соль вызвала немало возражений со стороны противников этой реформы. На эти возражения Н. Х. Бунге откликнулся небольшим по объему, но очень содержательным исследованием о налоге на соль²⁴¹. В этой работе он дал обзор мнений западных ученых о налоге на соль (К. Рау, Л. Штейн, П. Леруа-Болье, В. Рошер, А. Шеффле, А. Вагнер, К. Гок и др.), историческую справку о соляном налоге в России и его отмене, представил анализ общественного мнения по поводу отмены акциза с соли на основе источников массовой информации (газеты «Московские ведомости» и др.). Также он привел сравнительные таблицы продажной цены соли в России в местах добычи, добычи и потребления соли в разных странах Европы, в Англии в 1801–1844 гг. Автор отметил, что все выдающиеся экономисты и притом разных направлений высказались против налога на соль. Различия во мнениях заключались лишь в большей или меньшей настойчивости к отмене этого налога и способах отмены. В ряде стран в XIX в. (Англия в

²³⁷ Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном. Вып. 2. СПб., 1911. С. 173.

²³⁸ См.: Бунге Николай Христианович (некролог) // Исторический вестник. 1895. Т. 61. С. 509–512; Герценштейн М. Я. Национализация земли, Крестьянский банк и выкупные операции. СПб., 1905; Картавцов Е. Э. Николай Христианович Бунге. Биографический очерк // Вестник Европы. 1897. № 5; Судейкин В. Т. Замечательная эпоха в истории русских финансов (Очерк экономической и финансовой политики Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградского). СПб., 1895; Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 2. СПб., 1902. С. 3–8; Субботин А. П. Небывалая полемика по финансовым вопросам. СПб., 1886 и др.

²³⁹ См.: Кованько П. Л. Главнейшие реформы, проведенные Н. Х. Бунге в финансовой системе России. Опыт критической оценки деятельности Н. Х. Бунге как министра финансов (1881–1887). Киев, 1901.

²⁴⁰ О нем см.: Ананьич Н. И. Податные реформы в первой половине 80-х гг. XIX в. Дис... канд. ист. наук. Л., 1978; Степанов В. Л.: 1) Рабочий вопрос в социально-экономических воззрениях Н. Х. Бунге // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1987. № 3. С. 17–26; 2) Николай Христианович Бунге // Российские реформаторы (XIX – начало XX в.). М., 1995. С. 183–220; 3) Н. Х. Бунге. Судьба российского реформатора. М., 1998 и др.

²⁴¹ Бунге Н. Х. Исследование о восстановлении налога на соль. СПб., 1893.

1823 г., Норвегия в 1844 г., Португалия в 1846 г., Россия в 1881 г. и др.) налог на соль был отменен, а те государства, которые сохранили его, взимали в гораздо меньшем размере, чем прежде (Австрия, Германия, Франция и др.).

Соответственно, Н. Х. Бунге ставит вопросы. Во-первых, какие причины остановили замену этого налога, вредного для народного благосостояния, для промышленности и для финансов, другими, более правильными источниками государственных доходов? Во-вторых, действительно ли отмена соляного налога там, где она имела место, осталась без заметных последствий? В результате проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что в России отсутствуют причины, которые содействовали сохранению налога на соль в ряде европейских стран. В указанных странах при высоком уровне общего благосостояния умеренный налог на соль не являлся особо обременительным для населения. Кроме того, огромное влияние на сохранение соляного налога имела фискальная сторона, т. е. легкость и удобство взимания. В России эти два обстоятельства отсутствуют. С учетом российских масштабов (просторов) солончаков отсутствует возможность установить строгий фискальный контроль в местах ее добычи. Н. Х. Бунге привел статистические таблицы, подтверждающие положительные последствия отмены налога на соль в России: увеличение производства соли, отпуска ее за границу, потребления соли, удешевление соли в размере, превышающем сложенный акциз, развитие промышленности. Общий вывод, который делает автор, — это отсутствие необходимости в восстановлении налога на соль; «восстановление налога на соль едва ли не окажется мерой наполовину бесполезной, потому что параллельно с поступлением соляного налога будут накапливаться недоимки в выкупных платежах»²⁴².

Обратим внимание на то, что Николай Христианович был одним из первых ученых и, пожалуй, первым государственным деятелем, кто рассматривал проблемы финансового права в широком контексте других социальных проблем. К ним относятся решение «рабочего вопроса», государственное призрение неимущих, более справедливое обложение крестьян, увеличение финансирования науки и образования, прекращение явно убыточного для государства кредитования дворянства и др. На Западе такое решение социального вопроса связывалось с течением катедер-социализма, идеологом которого был немецкий ученый А. Вагнер. Н. Х. Бунге не был последовательным сторонником такого «государственного социализма», но и он предлагал целую систему государственных реформ, которую изложил в предназначенных для Николая II (которому он когда-то преподавал финансовое право) неофициальных «Загробных записках»²⁴³. По свидетельству управляющего делами Комитета Министров А. Н. Куломзина²⁴⁴, на «Загробные записки» неоднократно ссылался в своих «всепопданнейших записках» С. Ю. Витте.

Интерес Н. Х. Бунге к фабричному законодательству носил вполне прикладной характер. О «рабочем вопросе» он высказался в том смысле, что это «важный государственный вопрос, правильная постановка которого необходима... Само собой, мы не можем сделать сразу много для рабочих, надо действовать осторожно, чтобы не раздражать заинтересованные предубежденные круги, но я убежден, что постепенно возможно будет ввести надлежащий порядок в этом вопросе и сделать все, что можно, для его изменений к лучшему»²⁴⁵. Не случайно именно по его инициативе были приняты первые фабричные законы 1882, 1884 и 1885 гг. В них он видел один из инструментов достижения внутренней стабильности и экономического процветания. Для этого он предлагал ввести и государственное страхование рабочих от несчастных случаев на производстве.

²⁴² Там же. С. 16.

²⁴³ Бунге Н. Х. Загробные записки // Родина (Прилож.). 1993. № 0. С. 28–40.

²⁴⁴ РГИА. Ф. 1642. Он. 1. Д. 198. Л. 4.

²⁴⁵ Цит. по: Янжул И. И. Указ. соч. С. 173–174.

Как уже упоминалось выше, к числу видных государственных деятелей – реформаторов 60-х гг. относится **Евгений Иванович Ламанский** (1825 (по другим данным, 1826) – 1902), но наиболее активный период его деятельности пришелся именно на 70-е – начало 80-х гг. Вероятно, это первый потомственный финансист, с которым мы встречаемся на страницах данной книги. Он родился 13 декабря 1825 г. (или 1 января 1826) в семье потомственного дворянина И. И. Ламанского, который был директором Кредитной канцелярии Министерства финансов, позднее – сенатором. Семейное воспитание способствовало тому, что и его младший брат стал известным ученым, историком и филологом, академиком Петербургской академии наук. Е. И. Ламанский окончил в 1845 г. Александровский лицей, после чего поступил на службу в Государственную канцелярию, а с 1853 г. назначается чиновником по особым поручениям Министерства финансов. Из-за разногласий с руководством министерства в начале 1857 г. молодой чиновник уходит в отставку. Еще ранее он стал членом Русского географического общества, редактировал его «Вестник», занимался сбором статистических сведений о русских финансах. В «Сборнике статистических сведений о России, издаваемых Статистическим отделением Русского географического общества» (кн. 2, СПб., 1854) он опубликовал свои работы «Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 г. по 1817 г.» и «Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени». Используя материалы и архивы государственных учреждений, ученый проследил особенности деятельности Государственной комиссии погашения долгов, Государственного ассигнационного банка, Государственного заемного банка, Государственного коммерческого банка, опекунских советов и приказов общественного призрения. Его вывод заключался в том, что финансовую систему нужно укрепить путем слияния многочисленных банковских учреждений в единый государственный банк. За эти исследования он был удостоен премии Русского географического общества. По его поручению в конце 1857 г. он выехал в научную зарубежную командировку, изучал деятельность банковских учреждений в Берлине, Брюсселе и Гамбурге. В Париже в 1857–1858 г. он непосредственно работал на различных должностях в Банке Франции, изучал все практические банковские операции. Во время пребывания в Лондоне он ознакомился с деятельностью Банка Англии. При этом он придерживался достаточно либеральных взглядов, а в Лондоне встречался с А. И. Герценом.

По возвращении в Россию в конце 1858 г. он снова поступает на государственную службу в Министерство государственных имуществ, публикует статьи по вопросам финансов в журналах «Экономист» и «Русский вестник». В конце 50-х гг. его включают в состав ряда комиссий: по подготовке отмены крепостного права, устройству банков и денежной системы, по банковским билетам. Это нашло отражение и в публикациях ученого²⁴⁶. Затем он становится старшим директором Государственного коммерческого банка, работает над проектом Устава Государственного банка, в основу которого были положены принципы деятельности Банка Франции. С момента утверждения этого Устава в 1860 г. и основания Государственного банка Е. И. Ламанский состоит товарищем (заместителем) его управляющего, а в 1867–1881 гг. является управляющим Государственного банка. Вершиной его карьеры стало присвоение чина тайного советника и награждение рядом высших орденов, включая Белого Орла и Александра Невского. Нашего героя можно отнести к числу ближайших соратников М. Х. Рейтерна.

По инициативе Е. И. Ламанского был внедрен учет векселей, чековое обращение, впервые введена система единой кассы в банке. Он подготовил все инструкции по банковским операциям и делопроизводству, завел счетоводство и книги по образцу Банка Франции. За время его управления Государственным банком удалось ликвидировать 205 млн руб. госу-

²⁴⁶ См.: Ламанский Е. Государственные четырехпроцентные, непрерывно-доходные билеты. СПб., 1859.

дарственного долга, оставшихся от упраздненных государственных кредитных учреждений, и привлечь вкладов до 2 млрд руб. При этом число филиалов Госбанка увеличилось с 7 до 55, а сумма основных капиталов с 16 до 28 млрд руб. По мнению сотрудника нашего героя Ф. А. Юргенса, «Ламанский создал Государственный банк и до последних дней, уже будучи в отставке, "болел" за его судьбу»²⁴⁷.

Евгений Иванович добивался полной законодательной гарантии независимости и самостоятельности Государственного (эмиссионного) банка, в том числе от Министерства финансов. Это он считал аксиомой финансовой науки и практики. Его деятельность должна регламентироваться исключительно уставом, который бы и определял объем выпуска кредитных билетов и все связанные с этим вопросы. К основным задачам этого банка ученый относил способствование сбережению золотого фонда и поддержание правильного денежного обращения. Твердым ориентиром деятельности Госбанка он считал опыт аналогичных банков Англии, Франции и Германии.

Он был автором проекта размена кредитных билетов на звонкую монету в 1862–1863 гг., который окончился неудачей, в том числе из-за спекуляций на вывозе золота и серебра за границу²⁴⁸. К тому же Польское восстание 1863 г. привело к большим непредвиденным расходам, а вмешательство французского правительства сорвало выделение кредита банкирским домом Ротшильдов. Евгений Иванович считал, что для продуктивного развития промышленности и торговли, в первую очередь, необходим кредит, главное назначение которого заключается в «сближении капитала с трудом».

Он способствовал образованию первых частных кредитных учреждений, в том числе Петербургского общества взаимного кредита (1863). О необходимости создания таких обществ он информировал публику как в устной, так и письменной форме²⁴⁹. Более того, Евгений Иванович состоял председателем его правления и добился активизации деятельности общества в 1864–1870 гг. В 1871–1874 гг. он был председателем правления Русского для внешней торговли банка, а также одним из совладельцев Березовского золотопромышленного товарищества. Входил банкир и в правление ряда железнодорожных компаний (что отразилось на его публикациях)²⁵⁰, причем не всегда легально. Такая активность вызывала у некоторых его современников подозрения в злоупотреблении служебным положением. Так, А. Н. Куломзин отмечал: «Очевидно, что у Ламанского денег нет и в особенности миллионов, потребных на железную дорогу. Зачем же его приглашают во все компании? Очевидно, по положению его...»²⁵¹. Впрочем, никакого подтверждения этому предположению у нас нет, хотя репутация «чиновника-дельца» за ним закрепилась достаточно прочно. Даже в его облике улавливались два эти начала. Висячие бакенбарды и неизменный чиновничий сюртук с галстуком сочетались с короткой стрижкой и полным энергии взглядом, которого так не хватало многим его товарищам по службе.

После выхода в отставку в 1882 г. ученый состоял гласным Петербургской городской думы, Петергофского уездного земства, входил в правление ряда коммерческих банков²⁵². Уже будучи в отставке, он обращал внимание на то, что денежная реформа 1895–1897 гг. страдает отсутствием определенности и ясности. Е. И. Ламанский предлагал Указы 1897 и 1900 гг. дополнить изменениями в Уставе Госбанка для строгого предела выпуска кредитных

²⁴⁷ Юргенс Ф. А. Воспоминания о Евгении Ивановиче Ламанском в связи с деятельностью Государственного банка. СПб., 1903. С. 8.

²⁴⁸ См.: Ламанский Е. И. Сделки на золотую валюту как средство к улучшению бумажного денежного обращения. СПб., 1895.

²⁴⁹ См.: Ламанский Е. И. Общество взаимного кредита. СПб., 1863.

²⁵⁰ Ламанский Е. И. Откуда взять капиталы для постройки железных дорог в России? СПб., 1866.

²⁵¹ Цит. по: Константинов А. Коррупцированная Россия. М., 2006. С. 68.

²⁵² См.: Памяти Е. И. Ламанского // Народное хозяйство. 1902. Кн. 2.

билетов, гарантировать полнейшую независимость этого банка в рамках Устава и подчинить его надзору Высшего Правительства²⁵³. Умер он 31 января 1902 г.

Его научная деятельность протекала в тесной связи со служебной. Евгений Иванович состоял членом Ученого комитета Министерства финансов (1861), Русского географического общества (1850), Вольного экономического общества (1859). Он был членом-корреспондентом Петербургской академии наук (1859). Его научные исследования в той или иной мере были связаны с вопросами банков и кредита²⁵⁴. От большинства чиновников того времени он отличался широтой и глубиной мышления, был талантливым администратором, знатоком денежного обращения и банковских операций на Западе. Работу Госбанка он организовал на действительно научных основаниях, хотя о его моральных качествах однозначно судить трудно.

Еще одним соратником М. Х. Рейтерна, а затем и Н. Х. Бунге был **Владимир Павлович Безобразов** (1828–1889). Он родился 3 января 1828 г. в дворянской семье в г. Владимире, окончил с серебряной медалью Александровский лицей в 1847 г., где впоследствии преподавал политическую экономию и финансовое право (1868–1878), совмещая преподавание со службой в Министерстве финансов. В 1847–1849 гг. он трудился в канцелярии Государственного Совета. Впоследствии ученый также дважды приглашался читать лекции по политической экономии и финансовому праву великим князьям (в 1870 г. – Алексею Александровичу и Николаю Константиновичу в 1876 г. – Сергею Александровичу и Константину Константиновичу). Его общение с яркими учеными того времени, несомненно, оказывало влияние на научную и практическую деятельность в ранге государственного чиновника. Так, в своем дневнике он писал: «Я был у И. И. Янжула, застал там М. М. Ковалевского (о них см. ниже. – *Авт.*) и провел с ними целый день... Как приятно быть с людьми истинно просвещенными: понимают с полуслова и беседе нет конца. Мне приятно, что я внушаю доверие этим людям (и, кажется, симпатию)»²⁵⁵.

На страницах того же дневника В. П. Безобразов вспоминал, что Н. Х. Бунге выражал ему особую признательность за то, что тот протектировал ему, давал рекомендации на первых шагах его карьеры после прибытия из Киева в Петербург (1854 г.)²⁵⁶. Н. Х. Бунге был наиболее близким по духу В. П. Безобразову. Оба являлись представителями либеральной экономической школы, одновременно сотрудничали с журналом «Русский вестник», обсуждали общий круг вопросов, нередко ссылаясь друг на друга.

В. П. Безобразов являлся последовательным сторонником свободы предпринимательства и отмены крепостного права. Вместе с К. Д. Кавелиным, Д. А. и Н. А. Милютиными он создал литературный кружок, получивший название «Партия петербургского прогресса». По политическим взглядам В. П. Безобразов не относил себя ни к либеральной (чиновничьей), ни к консервативной (аристократической) партиям. Он подчеркивал, что никогда не имел серьезной поддержки ни той, ни другой партии и принадлежит «великой либеральной партии, с глубочайшим чувством русского патриотизма»²⁵⁷. Однако в Русском географическом обществе, где он некоторое время был секретарем, Владимир Павлович общался преимущественно с «константиновцами». В вопросах финансовой политики он оставался на либеральных позициях ограниченного вмешательства государства в указанной области. Он выступил против финансовой системы Е. Ф. Канкрин, которую называл средневековой,

²⁵³ См.: Юргенс Ф. А. Указ. соч. С. 68 и др.

²⁵⁴ См.: Ламанский Е. И.: 1) Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 года до настоящего времени. СПб., 1854; 2) Причины расстройства денежной кредитной системы и средства к ее восстановлению. СПб., 1861; 3) О важнейших экономических явлениях последнего времени. СПб., 1890 и др.

²⁵⁵ Из дневника В. П. Безобразова // Былое. 1907. № 9. С. 10.

²⁵⁶ Там же. С. 25.

²⁵⁷ Там же. С. 17.

ратовал за создание частных банков, свободную торговлю, отмену налога на соль и табак и т. д., т. е. за реализацию в финансовой политике принципа ограниченного вмешательства государственной власти в экономические отношения.

В. П. Безобразов поступил на службу в Министерство финансов в 1849 г. секретарем, затем стал начальником канцелярии Департамента разных податей и сборов. Это повлияло и на его семейную жизнь, так как в 1852 г. он женился на дочери директора этого департамента Д. Н. Маслова. С 1854 по 1859 г. Владимир Павлович служил в Министерстве государственных имуществ, с 1859 г. был членом Комиссии по устройству земских банков и об улучшении податей и сборов Министерства финансов. На этих должностях В. П. Безобразов преимущественно занимался разработкой финансовых проблем. По линии Министерства государственных имуществ им были подготовлены и первые публикации по проблемам финансов²⁵⁸. Уже в тот период молодой ученый отстаивал центральную роль кредита в развитии предпринимательства, был противником протекционизма. В. П. Безобразов писал о том, что организация кредита в России должна обуславливаться местными потребностями и характером российских государственных и общественных отношений. Однако в основание этого кредита должны быть заложены «те же всемирные условия кредита, которые обнаружались в подобных же учреждениях других государств»²⁵⁹. Впоследствии В. П. Безобразов возглавил Комиссию для устройства земских банков и результаты ее работы представил в виде отчета министру финансов²⁶⁰. Он стал основным организатором «экономических обещаний» в конце 50-х гг., о которых мы уже упоминали выше.

С 1860 г. почти ежегодно в летние месяцы В. П. Безобразов совершал поездки за границу для изучения работы иностранных банков, организации преподавания в местных университетах или посещал разные российские губернии. В 1862 г. он перевел на русский язык и издал с комментариями книгу Ж. Г. Курсель-Сенеля «Банки, их устройство, операции и управление». В том же году новый министр финансов М. Х. Рейтерн предложил корреспонденту «Московских ведомостей» В. П. Безобразову сотрудничество и подготовку разъяснительных статей о сути финансовой реформы для публикации в данном издании. Однако наш герой прямо заявил, что сначала желает узнать общий замысел преобразований министра, и предложил предварительно согласовать с ним в общем финансовый план. Естественно, что М. Х. Рейтерн не захотел ставить свои планы в зависимость от желаний начинающего ученого и публициста и свернул разговор. Это внесло в отношения нового министра и В. П. Безобразова некоторое отчуждение. Конечно, отдельные поручения от министра он получал, но собственно к активному участию в делах управления никогда не привлекался²⁶¹. Такая независимость суждений и прямота характера в совокупности с откровенностью высказываний сильно вредили его чиновничьей карьере. Отметим, что он был редактором «Вестника Императорского географического общества» (1857–1859), «Сборника статистических сведений о России» (1858), «Журнала Министерства государственных имуществ» (1858–1859). Большой научный резонанс имел издаваемый им в 1874–1880 гг. «Сборник государственных знаний».

Его облик вполне сочетался и даже выражал его внутренние убеждения. Он предпочитал сюртуки свободного покроя, а не чиновничьи мундиры, носил длинные волосы, хотя

²⁵⁸ См.: Безобразов В. П.: 1) Движимый кредит // Журнал Министерства государственных имуществ. 1856. № 6. С. 85–100; 2) Отчет Общества движимого кредита во Франции за 1855 г. // Там же. С. 323–332; 3) Поземельный кредит (Рец. на кн.: Чайковский А. О земском кредитном обществе Царства Польского). СПб., 1856) // Там же. № 7, 9 и др.

²⁵⁹ См.: Безобразов В. П. Поземельный кредит и его современная организация в Европе (с приложением уставов ипотечных кредитных учреждений в Германии, Царстве Польском и Остзейском крае). СПб., 1860. С. 4.

²⁶⁰ См.: Комиссия для устройства земских банков. Отчет управляющего делами Комиссии, высочайше утвержденной для устройства земских банков В. П. Безобразова, представленный г. министру финансов 13 сентября 1860 г. СПб., 1860.

²⁶¹ Воспоминания о жизни Ф. Г. Тернера: В 2 кн. Кн. 1. СПб., 1910. С. 202–203.

и имел большие залысины на лбу. Его лицо украшало нечто среднее между бакенбардами и бородой, но главным украшением были внимательные и выразительные глаза, отражающие богатый внутренний мир. Однако нечто старомодное к началу 80-х гг. было как в его внешнем виде, так и в идейных убеждениях, ибо старозаветное манчестерство уже отживало свое. По общему мнению, Владимир Павлович был человеком симпатичным и даже милым, его не коснулась даже тень чванства и важничанья.

В 1864–1885 гг. ученый являлся членом Совета министра финансов, получил чин тайного советника (1874), был избран сначала адъюнктом, а затем экстраординарным академиком (1864) Императорской академии наук по историко-филологическому отделению (политическая экономия и статистика). С 1873 г. В. П. Безобразов являлся членом-учредителем Института международного права. Будучи практиком, он не раз сожалел о низком общем уровне развития экономической науки в России, ратовал за распространение экономических знаний в обществе. В качестве примера он приводил финансовые реформы английских государственных деятелей У. Гладстона и его продолжателя Р. Пиля. Они «показали, в какую сторону должна обращаться государственная деятельность нашего времени»²⁶². Отметим, что к государственному курсу после 1881 г. он относился отрицательно, осуждал некомпетентное вмешательство М. Н. Каткова в вопросы экономики. В 1885 г. В. П. Безобразов отказался принять пост товарища министра путей сообщения, и был назначен сенатором. Умер 29 августа 1889 г. из-за гангрены на ноге в результате неудачно вырезанной мозоли.

В течение его государственной службы ему поручали различные финансовые задачи, такие как определение возможности создания частного банковского сектора, изменение податных сборов, определение структуры государственных доходов²⁶³, приватизация казенных заводов и др. Разработку таких вопросов В. П. Безобразов доводил до уровня самостоятельных научных трудов. В связи с этим все его работы были посвящены решению практических вопросов. Его можно назвать знатоком практической стороны проблем, чуждым всякого доктринерства. Своеобразным кредо ученого стали слова германского профессора Р. Гнейста о том, что управление надо осуществлять «по законам и через законы».

По его мнению, для подъема народного хозяйства необходимо совершенствовать кредитную и банковскую системы, упорядочить налоги и финансы как на общегосударственном, так и на местных уровнях²⁶⁴. Рассмотрим финансово-экономические взгляды нашего героя.

В. П. Безобразов о государственных доходах и податной системе. Наибольший интерес в этом плане представляет его фундаментальная работа «Государственные доходы, их классификация, нынешнее состояние и движение (1866–1872)», где он впервые свел и проанализировал все источники государственных доходов России. В то время публиковались лишь ежегодные «Государственные росписи доходов и расходов» по отдельным министерствам и ведомствам, не позволяющие представить общую картину по всему народному хозяйству России. Он предлагал поручить сведение всех ведомственных доходов и расходов Государственному Совету. Этот труд вошел в состав «Статистического временника Министерства внутренних дел» и был издан также на французском языке в мемуарах Императорской академии наук.

²⁶² Безобразов В. П. О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе. СПб., 1867. С. 20

²⁶³ См.: Безобразов В. П.: 1) Государственные доходы. Теоретическое и практическое исследование. Т. 1–2. СПб., 1868–1872; 2) Государственные доходы, их классификация, нынешнее состояние и движение (1866–1872). СПб., 1872 и др.

²⁶⁴ Подробнее см.: Безобразов В. П. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Ч. 1. Пг., 1915. С. 433–440; Покидченко М. Г. Владимир Безобразов – ученый и человек // Безобразов В. П. Избранные труды. М., 2001. С. 3–14; Томсинов В. А. Владимир Павлович Безобразов // Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 416–428 и др.

Рассматриваемый труд, по мнению автора, призван разрешить одну задачу: представить в строгой научной системе все действующие источники государственных доходов России, указав каждому виду их свое место, определив финансовую важность каждого вида в общей совокупности финансовых сил государства. При этом подчеркивалось и значение правильной классификации доходов: «зная однородность нескольких источников, нам гораздо легче в законодательстве и администрации применять к каждому из них общие правила действия, извлеченные из общих их свойств»²⁶⁵. При обосновании классификации государственных доходов автор в значительной части опирался на сочинения «германских финансистов, которым наша наука преимущественно обязана своей системой и всем своим движением».

Все государственные доходы В. П. Безобразов разбил на три категории в зависимости от финансовой силы как источника государственной казны. Первую категорию составляют налоги (подати и пошлины), источником которых являются финансовые силы населения. Вторая категория доходов – государственные промышленные доходы (реалии и промышленные доходы от продажи государственных имуществ, от использования государственного и казенного имущества и др.), где источником выступают финансовые силы государства. Третья категория государственных доходов обозначена как вспомогательные финансовые источники, не находящиеся в прямом распоряжении Государственного казначейства (добровольные пожертвования, случайные поступления и др.). В этой же работе Безобразов, рассматривая податную систему, сопоставлял налоговые поступления в России с финансовыми системами различных западноевропейских стран.

Здесь следует отметить, что В. П. Безобразов был лично знаком и находился в переписке с известными представителями исторической школы политэкономии немцами Л. Штейном, А. Вагнером и Б. Гильдебрантом. Сочинение последнего «Историческое обозрение политико-экономических систем» (СПб., 1861) было переведено В. П. Безобразовым. Ряд исследователей творчества Безобразова считают, что в этом переводе впервые в России появилось изложение экономических взглядов Ф. Энгельса на русском языке²⁶⁶.

В. П. Безобразов о государственном хозяйстве и приватизации государственных предприятий. Уделяя по долгу службы особое внимание развитию промышленности, ученый провел исследование «Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов» (СПб., 1869). Оно было итогом деятельности Комиссии, учрежденной императором для пересмотра системы податей и сборов и занимавшейся обсуждением проекта нового горного устава и составлением проекта условий передачи казенных горных заводов в частные руки. В результате инспекции казенных заводов и приисков в ряде губерний, на базе анализа богатейшего фактического материала он пришел к выводу о крайней убыточности казенных заводов, требующих ежегодных государственных субсидий и кредитов и, тем не менее, отстающих в техническом отношении от частных предприятий. Деятельность казенных заводов он характеризует как функционирование «системы, противной всяким здравым понятиям о государственном и народном хозяйстве»²⁶⁷, которая приносит государству только убытки. Он предлагал продать казенные предприятия с публичных торгов, при этом подчеркивая, что каждый завод надо продавать отдельно для стимулирования конкуренции.

В. П. Безобразов о банковской, кредитной системе. Ученый был убежден, что без кредита и его главных орудий – банков – немыслимы промышленность и торговля²⁶⁸. Он видел

²⁶⁵ Безобразов В. П. Государственные доходы, их классификация, нынешнее состояние и движение (1866–1872). С. 16.

²⁶⁶ См.: Мандэй К. В. П. Безобразов и русский либерализм // Безобразов В. П. Избранные труды. М., 2001. С. 23.

²⁶⁷ Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. С. 341.

²⁶⁸ См.: Безобразов В. П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом: В 3 т. СПб., 1863–1864.

главное препятствие для развития российской промышленности неразвитость банковской системы. Считается, что в 60-е гг. XIX в. В. П. Безобразов был лидером и вдохновителем направления сторонников развития частных банков и частного кредита в России (И. К. Бабст, Н. Х. Бунге, Ю. А. Гагемейстер, Е. А. Ламанский). К этому делу он привлек своего друга, управляющего Госбанком Е. А. Ламанского. Они устроили публичную дискуссию, популяризировали «банковские идеи» А. Сен-Симона и образовали Политико-экономическое отделение Императорского Русского географического общества. Эта организация оказала огромное влияние на государственную политику во время «Эпохи реформ». Под его редакцией и с дополнениями в России было, как уже указывалось, издано сочинение известного французского специалиста Ж. Г. Курсель-Сенеля «Банки, их устройство, операции и управление». К этой книге Безобразов не только написал предисловие и построчные комментарии, но и сделал приложения, относящиеся к России. Он отмечал своевременность и практическую значимость для России популярного в Европе издания, так как в стране назрела необходимость для промышленности и торговли «в могущественных пособиях кредита и банков». Характеризуя предлагаемое сочинение, Безобразов пишет о том, что оно отличается «счастливым соединением теории и практики», заключает в себе изложение всех политико-экономических и отчасти юридических и административных вопросов, относящихся к кредиту и банкам, может служить достаточно полным руководством для всякого практического человека – купца, банкира, администратора. Именно поэтому к переводу ученым были сделаны русские дополнения. Излагаются русское вексельное право и его недостатки²⁶⁹, дан краткий очерк развития и современного ему положения банков в России, Положение о городских общественных банках сопровождается комментариями автора о правах, обязанностях и круге операций, приведены указы Сената, доклады министра финансов по банковым установлениям.

Для подъема крестьянского хозяйства В. П. Безобразов считал необходимым развивать дешевый поземельный кредит. В связи с этим ученый полагал, что полезно ознакомиться с кредитными учреждениями других государств, рассмотреть их достоинства и недостатки и почерпнуть полезные указания для организации поземельного кредита в России к выкупу крестьянских земель от крепостных повинностей. Относительно устройства в России ипотечных кредитных учреждений в форме казенных или частных банков В. П. Безобразов однозначно настаивал на организации частных банков, при этом правительство могло бы оказывать им содействие открытием ссуд на первоначальное обзаведение. В деле выкупа крестьянских повинностей предпочтительнее, по мнению ученого-практика, соединение правительственных гарантий с частным учреждением. Для поземельного кредита лучшей формой следует признать земские банки, что подтверждает и европейский опыт²⁷⁰.

Выше мы уже упоминали о том, что Н. Х. Бунге на посту министра финансов привлек к работе целый ряд видных финансистов. К их числу относятся *Юрий Галактионович Жуковский* (1833–1907) и *Анатолий Николаевич Куломзин* (1838–1923). В той или иной степени проблемами финансового права во второй половине XIX в. занимались и другие государственные и общественные деятели, в частности *Петр Александрович Валуев* (1815–1890), *Александр Илларионович Васильчиков* (1818–1881), *Дмитрий Андреевич Толстой* (1823–1889)²⁷¹.

Таким образом, исследования по проблемам финансового права, осуществляемые государственными чиновниками во второй половине XIX в., имели уже достаточно массо-

²⁶⁹ См.: Курсель-Сенель Ж. Банки, их устройство, операции и управление / Под ред., с предисл. и дополнениями, относящимися к России, В. П. Безобразова. СПб., 1862. С. 452–459.

²⁷⁰ См.: Безобразов В. П. Поземельный кредит и его современная организация в Европе. С. 198–212.

²⁷¹ Подробнее о них см.: Лушникова М. В., Лушников А. М. Наука финансового права на службе государству. Ярославль, 2010. С. 172–201.

вый характер. При этом финансовые реформы 80-х гг. в значительной степени были подготовлены и проработаны в научных исследованиях, посвященных зарубежному опыту и теории финансов. В наибольшей степени сочетать теорию с практикой удалось Н. Х. Бунге, вклад которого в развитие финансовой науки наиболее существен.

Глава 6

На пути к синтезу: государственные служащие, совмещавшие служебную и научную деятельность (рубеж XIX–XX вв.)

На рубеже XIX–XX вв. мир вступил в новую стадию экономического и политического развития. Это было связано не только с развитием монополистического капитализма и завершением политического раздела мира. Милитаризация и империалистические войны, периодические и углубляющиеся экономические кризисы, вопиющая социальная несправедливость и неравенство граждан одной страны – все это позволяет говорить о кризисе всей западной цивилизации и ее традиционных ценностей. К числу последних обычно относились полная свобода предпринимательства, неограниченная конкуренция, крайний индивидуализм, минимизация вмешательства государства в экономические отношения. В качестве ответной реакции идеологию буржуазного либерализма все более вытесняла идеология буржуазного реформизма с переориентацией преобразований в сторону большей социальной защищенности основной массы населения.

К сожалению, в России этот процесс запаздывал. Великий русский историк В. О. Ключевский в качестве одной из констант русской истории определил то, что «нужды реформ назревают раньше, чем народ созревает для реформ». Рубеж веков не стал в этом плане исключением. Внешне спокойное и стабильное царствование Александра III и первые годы правления его наследника Николая II давали шанс на эволюционные изменения в экономической и политической системе. Однако он в очередной раз не был использован в надежде на самобытность русского пути, патриархальные начала, соборность, незыблемость самодержавия. Как показали дальнейшие события, отсутствие глубинных преобразований самым пагубным образом сказалось на судьбе Российской империи.

6.1. С. Ю. Витте и его соратники (Д. И. Менделеев, М. П. Кашкаров, А. Я. Антонович, И. И. Кауфман, Н. К. Бржеский, А. Н. Гурьев и др.)

Самой яркой фигурой не только в ряду российских министров, но и всей отечественной управленческой элиты на рубеже XIX–XX вв. был министр финансов в 1892–1903 гг. **Сергей Юльевич Витте** (1849–1915). Он единственный в последней четверти XIX в. удостоился того, что экономические реформы стали называть его именем – «реформы Витте». Отметим, что они носили преимущественно финансовый характер. За более чем десять лет, которые он возглавлял Министерство финансов, среди его сотрудников побывал почти весь цвет российской финансово-правовой мысли. Однако не все его сотрудники стали его соратниками и единомышленниками. В этом единственном «именном» параграфе речь пойдет о последнем министре финансов России XIX в., а также о его выдвиженцах, ставших и его единомышленниками.

Литература о С. Ю. Витте и его деятельности достаточно обширна, что освобождает нас от необходимости подробно останавливаться на этапах его жизненного пути²⁷². С. Ю.

²⁷² См.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. III. Сергей Юльевич Витте и его время.* СПб., 1999; *Боханов А. Н. Сергей Юльевич Витте // Российские реформаторы (XIX – начало XX в.).* М., 1995. С. 221–258; *Водовозов В. В. Граф С. Ю. Витте и император Николай II.* Пг., 1922; *Игнатьев А. В. С. Ю. Витте – дипломат.* М., 1989; *Клейнов Г. М. Граф С. Ю. Витте. Жизнь и деятельность.* СПб., 1907; *Кони А. Ф. Сергей Юльевич Витте. Отрывочные воспоминания.* М., 1925; *Корелин А. П., Степанов В.*

Витте смог оптимально согласовать консервативный политический курс с реформированием финансовой системы страны, используя порой для ускорения преобразований совсем некапиталистические методы.

Его личность, как и его политика, всеми исследователями оценивается как противоречивая. Начнем с того, что он был потомком выходца из Голландии, но по материнской линии был связан с побочной веткой Рюриковичей (Долгоруких). К тому же родился он 17 июня 1849 г. в Тифлисе. Выпускник физико-математического факультета Новороссийского университета (1870) со степенью кандидата математических наук мог продолжить академическую карьеру, но предпочел деловую стезю. Темой его кандидатского исследования была одна из проблем бесконечно малых величин – «Выяснение понятий о пределах», однако в дальнейшем он имел дело преимущественно с очень большими денежными суммами. Начав чиновничью службу в канцелярии одесского генерал-губернатора, молодой специалист совершил головокружительную деловую карьеру, став сначала заведующим эксплуатационным отделением дороги (с 1879), затем управляющим дорогами одной из крупнейших железнодорожных компаний России – Общества Юго-Западных железных дорог (с 1886). Здесь он познакомился с известным ученым и предпринимателем И. А. Вышнеградским (будущим министром финансов), бывшим в то время председателем правления общества, который обратил внимание на способного служащего и впоследствии содействовал его продвижению.

С. Ю. Витте считался крупным специалистом в области железнодорожного тарифа, стал автором многих технических изобретений. Он ввел практику выдачи ссуд под хлебные грузы (1880), инициировал комиссионно-ссудные операции на железной дороге. Свои взгляды на тарифную политику он изложил в специальном исследовании²⁷³. На третье издание этой книги (СПб., 1910) П. П. Мигулин написал положительную, но противоречивую рецензию. Отметив важность поднятой проблемы и высокий уровень работы, рецензент не удержался от того, чтобы не покритиковать Сергея Юльевича за непоследовательность, в том числе по отношению к частным железным дорогам²⁷⁴.

Целая серия его статей по данной проблематике была помещена в газетах «Московские ведомости», «Киевское слово», журнале «Инженер». Сергей Юльевич отстаивал прогрессивную позицию, заключающуюся в том, что железнодорожные тарифы должны устанавливаться не произвольно, а на основе экономического закона спроса и предложения. Эти труды принесли ему широкую известность и авторитет российского «тарифмейстера». Не в последнюю очередь благодаря научным знаниям и практической подготовке произошло его быстрое восхождение по всем ступеням чиновничьей карьерной лестницы. Он считал, что переход частных дорог в собственность государства неизбежен, хотя пока казенное хозяйство везде и всюду показывает плачевные результаты. Тем не менее полное огосударствление всей сети железных дорог молодой менеджер считал делом времени. В своих ранних взглядах на индустриализацию он вообще отводил железным дорогам роль кровеносной системы народного хозяйства.

Однако первоначально его государственная служба развивалась не столь гладко. Так, еще в 1874 г. он был причислен к Департаменту общих дел Министерства путей сообщения, но в 1878 г. из-за конфликта с министром получил отставку, имея скромный чин титулярного

Л. С. Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998; *Лутухин Д. А.* Граф С. Ю. Витте как министр финансов. Пг., 1915; *Мартинов С. Д.* Государство и экономика: система Витте. СПб., 2002; *Струве П. Б.* Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики. М.; СПб., 1915 и др.

²⁷³ См.: *Витте С. Ю.* Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. Киев, 1883 (переизд.: СПб., 1894 и 1910).

²⁷⁴ См.: *Мигулин П. П.* Рец.: *Витте С. Ю.* Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. СПб., 1910// Экономист России. 1911. № 1. С. 13–14.

советника (светского капитана). При этом уже в 1879 г. С. Ю. Витте впервые привлекают к участию в государственной железнодорожной комиссии графа Э. Т. Баранова как одного из авторитетных специалистов в данной сфере.

В юности он симпатизировал славянофилам, а в зрелые годы испытывал некоторое тяготение к западничеству, оставаясь державником и монархистом. В связи с этим можно отметить, что система его взглядов была неоднозначной. Но в «принципиальной беспринципности», как некоторых современников, его обвинить нельзя. В 1888 г., после катастрофы царского поезда в местечке Борки под Харьковом, о возможности которой он предупреждал царя, молодого чиновника заметили. Министр финансов А. И. Вышнеградский попросил своего бывшего сослуживца по Обществу Юго-Западных железных дорог представить свои соображения о ликвидации дефицитности казенных железных дорог. С. Ю. Витте в своем заключении отметил, что корень зла сосредоточен в хаосе, царившем в области тарифов. Он предложил разработать специальный закон, который все тарифное дело в стране поставил бы под контроль правительства, и создать соответствующий департамент в Министерстве финансов.

Его предложение было принято, и в 1889 г. он стал директором нового Департамента железных дорог Министерства финансов и председателем Тарифного комитета при этом министерстве, в качестве которого принимал участие в разработке таможенного тарифа 1891 г., а с 1892 г. около полугода занимал должность министра путей сообщения. Минувя все ступени чиновничьей иерархии, он производится из чина титулярного советника прямо в действительные статские советники (т. е. из капитана в генерал-майоры), что является абсолютным отечественным рекордом в гражданском чиновничьем производстве всех времен. Наконец, в августе 1892 г. С. Ю. Витте возглавил Министерство финансов. В сановную бюрократическую среду он внес замашки биржевого маклера, ведущего игру на грани фола. Даже внешне, по мнению современников, он был похож не на русского сановника, а на английского государственного деятеля. Высокого роста, хорошо сложен, он по своим манерам многим напоминал образованного купца, а не государственного чиновника. Кстати сказать, В. И. Ленин называл нашего героя «министр-маклер» и даже «агент биржи».

С. Ю. Витте обладал большим умом, твердой волей и был, вероятно, первым дельцом западного типа в среде высшей петербургской чиновной аристократии. Он мог быстро выделить главное направление в работе и организовать деятельность подчиненных. Некоторые исследователи отмечают в его деятельности даже педагогический элемент, так как «Российская Обломовка нашла в нем своего Штольца»²⁷⁵. Отличаясь личной честностью, во имя интересов дела С. Ю. Витте мог совершить довольно сомнительные с моральной точки зрения поступки. Например, его траты на благоприятную прессу (аналог современного пиара) были чрезмерными, а расходование казенных средств, мягко говоря, не всегда было экономным и даже «не целевым». Сергей Юльевич показал себя тонким мастером придворной интриги, используя такие неджентльменские способы, как подкуп, распускание слухов и сплетен, заказные статьи в прессе и др. Примечательно, что его предшественники на посту министра путей сообщения и министра финансов (соответственно А. Я. Гюббенет и И. А. Вышнеградский) были отправлены в отставку при активном и деятельном участии их преемника. С. Ю. Витте приложил руку и к смещению со своего поста главы Департамента экономики Государственного Совета А. А. Абазы и замене его более стоворчивым Д. М. Сольским. При этом он зачастую действовал не только резко, но и просто нагло, обезоруживая этим поднатеревших в чиновничьем почете сановных конкурентов.

Даже доброжелательно относившиеся к нему современники отмечали у нового министра, наряду с несомненными достоинствами, недостаток гуманитарного образования, пло-

²⁷⁵ Лутохин Д. А. Указ. соч. С. 21.

хое знание литературы и истории (эти недостатки он частично смог преодолеть), слабое владение французским языком (с малорусским акцентом), отсутствие нравственных правил. Не блистал он и манерами, а неправильное произношение и неуклюжесть сразу выдавали в нем провинциала. Коллеги часто упрекали С. Ю. Витте за игнорирование чиновничьего этикета. Это выражалось, в частности, в выходе за пределы своих полномочий, апеллировании к Государственному Совету, минуя установленный порядок, в открытом давлении на других министров.

Весьма необычны были и обстоятельства его семейной жизни. Сергей Юльевич был дважды женат, и оба раза на разведенных женщинах с детьми, причем он прилагал немалые усилия для развода своих будущих жен с их мужьями. Его первая жена Н. А. Спиридович (урожденная Иваненко) умерла в 1890 г. Второй брак с Матильдой Ивановной Лисанович (урожденной Хотимской) имел прямо скандальный характер, так как, по слухам, ее бывшему мужу были заплачены большие отступные и С. Ю. Витте даже прибегнул к угрозам. К тому же его вторая жена происходила из еврейской семьи, а ее брат был замечен в не очень прозрачных махинациях. Это пошатнуло положение министра, но поддержка Александра III стабилизировала ситуацию. Второй брак оказался удачным, однако его жена так и не была принята ни при дворе, ни в высшем свете, что крайне раздражало С. Ю. Витте всю его жизнь.

Тем не менее он смог добиться максимального для того времени экономического эффекта, не затрагивая основ политического режима. Этому способствовал и мировой экономический подъем 1893–1900 гг. С. Ю. Витте окружил себя опытными и талантливыми помощниками, ставшими впоследствии крупными государственными и банковскими деятелями. Это, прежде всего, П. Л. Барк, В. И. Ковалевский, В. Н. Коковцов, Э. Д. Плеске, А. И. Путилов, С. И. Тимошов, В. И. Тимирязев. В числе его подчиненных по министерству числились многие герои нашего исследования: И. С. Блиох, Н. К. Бржеский, В. Е. Варзар, А. Н. Гурьев, И. И. Кауфман, М. П. Кашкаров, В. Т. Судейкин, Н. Н. Покровский, П. Х. Шванебах и др. По финансовому ведомству трудился и выдающийся русский ученый Д. И. Менделеев. Сергей Юльевич смог создать непринужденную атмосферу в министерских кабинетах, где группа единомышленников делала общее дело. Чиновники министерства получили право вместо мундиров носить сюртуки, а место казенной переписки заняло живое общение начальников и подчиненных. Министр финансов был невосдержан на язык, мог вспылить и наговорить грубостей, но если подчиненные высказывали ценную мысль, он забывал о субординации и увлеченно обсуждал все детали предложенного плана. Немаловажно и то, что С. Ю. Витте имел твердую поддержку императора Александра III, в годы правления которого и были проведены все основные реформы. Свою позицию на этот счет Александр III выразил своему министру при личной встрече: «Мне говорят про вас черт знает что. Не обращайтесь на это внимание и помните одно: у вас за спиной царь!»²⁷⁶

Основными направлениями финансово-экономических преобразований при министерстве С. Ю. Витте являлись:

1. Таможенный протекционизм и последовательное поддержание активного внешне-торгового баланса. Это позволило с помощью финансового инструментария стимулировать развитие отечественной промышленности, но оставляя возможности иностранным производителям конкурировать с отечественными. Заботами о развитии промышленности С. Ю. Витте заслужил репутацию «русского Кольбера». Он рассматривал развитие системы коммерческих учебных заведений, находившихся в ведении Министерства финансов, как «рассадника будущих предпринимателей и руководителей экономики». Во многом стараниями самого министра в 1902 г. был открыт Петербургский политехнический институт с экономическим отделением, где впервые в России давалось специальное экономическое обра-

²⁷⁶ Цит. по: Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. ПО.

зование. Коллектив преподавателей отделения составили, в том числе, лица, лишённые за политические взгляды права преподавать в университетах. Были открыты ещё два политехнических института. Между тем некоторые исследователи – современники событий считали, что принципом таможенной политики тогда был фискализм, а не протекционизм²⁷⁷.

2. Реформирование податной (налоговой) системы. За 90-е гг. косвенные налоги (акцизы) выросли на 42,7 %. Основное бремя этих налогов несли неимущие слои населения. Прямое обложение при этом увеличилось незначительно, а дополнительно был установлен только квартирный налог (1894). Одновременно реформируется торгово-промышленное налогообложение (1898). Вместо архаичного гильдейского налога был введен промысловый налог. Это также стимулировало развитие промышленности и создание новых предприятий. Однако некоторые современники ставили С. Ю. Витте в упрек то, что «он повел политику весьма узкую и одностороннюю». Его усиленное внимание к горной и обрабатывающей промышленности в сугубо аграрной стране отечественный финансист П. П. Мигулин считал, в принципе, обоснованным. Однако, по его мнению, оживление промышленности должно было бы идти более рациональным и осторожным способом, без грюндерских увлечений и злоупотреблений, без привлечения в дело сомнительных участников и без чрезмерного расхода казенных средств. П. П. Мигулин сделал печальный вывод о том, что С. Ю. Витте «не оправдал и десятой доли тех надежд, которые на него возлагало общество... Замысел исполнению не соответствовал, и все грандиозные затеи оказались мыльным пузырем»²⁷⁸. Это явное преувеличение, тем более что несколько лет спустя в некрологе С. Ю. Витте тот же П. П. Мигулин воздал покойному должное за создание крупной металлургической промышленности, наравне с введением золотой валюты, казенным железнодорожным строительством и др. Сергей Юльевич был назван в числе наиболее талантливых и замечательных русских деятелей, а из министров финансов – наиболее талантливым. Девизом министра был назван афоризм Р. Пиля: «В деле финансов нужна смелость»²⁷⁹.

3. Введение с 1894 г. винной монополии, охватившей к началу XX в. 75 губерний, которая стала одной из основных доходных статей бюджета. Она давала 1 млн руб. ежедневно, а в 1913 г. составили 75 млн в год, или более 22 % бюджетных доходов. Казенные лавки – «монополии» торговали спиртным в будни с 7.00 утра до 10.00 вечера. Эта мера вызвала массу критических замечаний, а наиболее непримиримые противники монополии прямо утверждали, что казна спаивает народ. Даже бывший подчиненный С. Ю. Витте по министерству финансов П. Х. Шванебах указывал на опасность реформы, ставящей бюджет в зависимость от питейных доходов (1/4–1/3 бюджета)²⁸⁰. Вышеупомянутый непримиримый критик финансовой политики Витте – П. П. Мигулин также считал «введение казенной монополии одной из самых крупных ошибок С. Ю. Витте (самой крупной было сооружение обошедшейся в несколько сот миллионов рублей Маньчжурской железной дороги на чужой территории)»²⁸¹.

4. Ускорение роста казенного железнодорожного строительства, ставшего «точкой роста» для всей экономики. С 1893 по 1902 г. ежегодно строилось в среднем 3 тыс. км железных дорог. Для сравнения: Байкало-Амурская магистраль протяженностью 4300 км в СССР строилась с 1974 по 1984 г. Заняв пост министра, С. Ю. Витте принял 29 157 верст железных дорог, а ушел, оставив 54 217 верст. При этом государственная собственность в этой сфере увеличилась до 35,5 тыс. верст железных дорог. Это позволило осваивать новые рынки и

²⁷⁷ См.: *Соболев М. Н.* Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911. С. IV, 842.

²⁷⁸ *Мигулин П. П.* Настоящее и будущее русских финансов. Харьков, 1907. С. 17.

²⁷⁹ См.: *Мигулин П. П.* Памяти графа С. Ю. Витте // *Новый экономист*. 1915. № 10. С. 1–5.

²⁸⁰ См.: *Шванебах П. Х.* Наше податное дело. СПб., 1903. С. 85.

²⁸¹ *Мигулин П. П.* Возрождение России. Экономические этюды и новые проекты. Харьков, 1907. С. 298.

создавать новые промышленные центры. Заказы на рельсы, шпалы, паровозы стимулировали практически всю экономику.

5. Денежная реформа, в результате которой к 1897 г. рубль стал твердой валютой со стабильным золотым содержанием²⁸². Еще в 1895 г. был установлен фиксированный курс кредитного и золотого рубля, а банкам был разрешен прием золотой монеты на текущий счет. В результате увеличения добычи золота, собираемости налогов и внешних займов золотая наличность в стране почти сравнялась с суммой обращающихся кредитных билетов. Это позволило принять закон 1897 г. «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет». При этом часть помещиков – экспортеров зерна вполне устраивал низкий курс рубля, и С. Ю. Витте пришлось преодолеть их изрядное сопротивление. Значительный золотой запас и положительный торговый баланс смогли обеспечивать стабильность рубля вплоть до 1914 г. В ученом мире противников денежной реформы было немного. Например, профессор Петербургского университета Л. В. Ходский (о нем см. далее) считал, что свободно обменивающееся золото быстро уйдет из оборота и будет вывезено из России.

6. Увеличение объема иностранных капиталовложений в российскую экономику за 90-е гг. с 200 до 900 млн руб. В 1893 г. 1/3 вложений в промышленность пришлось на иностранные капиталы, благодаря дешевой рабочей силе, обширным природным ресурсам, стабильной политической ситуации, надежной российской валюте и правительственным гарантиям. За годы министерства С. Ю. Витте внешний долг вырос на 1 млрд руб., и только по процентам ежегодно приходилось платить до 150 млн руб. Но вложенные деньги помогли заработать экономике. При этом в относительном исчислении платежи по внешним займам даже сократились, а приток иностранной валюты помог сформировать относительно упорядоченный бюджет.

Надо отметить, что социальная составляющая в проводимых преобразованиях традиционно была невелика. Заработная плата рабочих в России была более чем в 2 раза ниже, чем в Англии, и в 4 раза ниже, чем в США. Женщины получали в среднем в 2 раза меньше мужчин, существовала жесткая система штрафов. Стадия первоначального накопления капитала, через которую развитые страны прошли полвека до этого, вела к росту имущественного неравенства и относительному обнищанию значительной части населения. Социальное законодательство, принятое в 1882 и 1886 гг., только заложило основу действия фабричных инспекций, ограничения эксплуатации женского и детского труда, системы социального страхования. С увольнением Н. Х. Бунге с поста министра финансов преобразования в данной сфере практически прекратились. Только в 1897 г. рабочий день был ограничен 11,5 часа, что зачастую игнорировалось работодателями²⁸³.

С. Ю. Витте показал себя поборником ускоренной индустриализации. Деревне в его финансово-экономических преобразованиях отводилась в основном роль поставщика сырья и оборотных средств. В целом «деревенская» политика строилась на консервативных началах, а в 1893 г. издаются законы, укрепляющие общинное земледелие и соответствующее обложение. В 17 губерниях продолжала практиковаться отработочная система, когда крестьяне трудились на арендованной ими помещичьей земле со своим инвентарем. Это очень напоминало барщину. К такому ведению хозяйства их толкало безземелье, так как в среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось 7 десятин земли, а на помещичье – 2000 десятин.

²⁸² См.: *Гурьев А.* Реформа денежного обращения в России. Ч. 2. СПб., 1896; *Власенко В. Е.* Денежная реформа в России 1895–1898. Киев, 1949; *Лоевский Д. А.* Денежная реформа Витте // Финансовая газета. 1924. 8 и 9 февраля; Материалы по денежной реформе 1895–1897 гг. Вып. 1. Пг.; М., 1922; *Шванебах П. Х.* Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901 и др.

²⁸³ Подробнее см.: *Лушников А. М., Лушникова М. В.* Курс трудового права. Т. 1. М., 2009. С. 91–105.

Созданное в 1902 г. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности разработало почти все положения будущей столыпинской аграрной реформы. Совещание образовало 600 местных комитетов, привлекло более 12 тыс. участников, издавало многотомное собрание трудов. Однако правительство под давлением Министерства внутренних дел и придворных кругов не пошло на отмену сословной обособленности крестьянства, неприкосновенности общины и неотчуждаемости наделов. Свое мнение по данному вопросу С. Ю. Витте изложил в «Записке по крестьянскому делу» (1904, переизд. 1905). Само совещание продолжало бесплодную работу вплоть до своего роспуска в 1905 г. Единственными позитивными мерами стали отмена круговой поруки в общине (1903) и некоторое облегчение паспортного режима для крестьян. Впрочем, программа аграрных реформ, начатых с 1906 г. и получивших название столыпинских, как уже указывалось, была разработана во многом вышеназванным Особым совещанием. Самолюбивый С. Ю. Витте впоследствии утверждал, что П. А. Столыпин «украл» у него эти реформы, что было все-таки некоторым преувеличением. Отметим, что в разработке финансовых проблем аграрного сектора активное участие принял чиновник Министерства финансов Н. К. Бржеский, о котором будет сказано ниже. Однако радикальные критики считали финансовую политику бывшего министра едва ли не главной причиной обнищания крестьян²⁸⁴.

Кстати, Ю. Г. Жуковский, который оставил пост главы Госбанка в связи с несогласием с политикой Витте, дал нелестную оценку результатам его деятельности. Он отмечал, что Витте пришел в министерство «с широчайшими планами, которые ему казались тем легче исполнимыми, что он не обладал ни подготовкой, ни познаниями своих предшественников, а следовательно, и их сомнениями. Новое министерство должно было сделать Россию промышленной... Нужно было насаждать фабрики, заводы и строить железные дороги. Для этого нужны были средства, и Госбанк "наводнил" страну "бумажками"... были увеличены налоги, вырос государственный долг». Но, к сожалению, констатирует Ю. Г. Жуковский, это министерство во главе с Витте никакой серьезной промышленности не создало. «Строя вагоны, железные дороги и целые города на Востоке, Россия продолжала выписывать серпы и косы из-за границы. Немцы, захватив ранее хлебную торговлю, захватывали в свои руки графит, платину, лучшие прииски на Сахалине, в довершение всего, с окончанием Сибирской дороги, завладели нашей торговлей со Средней Азией»²⁸⁵.

Ему вторил и упомянутый нами П. П. Мигулин, который писал, что С. Ю. Витте «несомненно талантливый, обладающий большим практическим умом, сильной волей, широким размахом мысли... к несчастью, не был достаточно и разносторонне образованным человеком, который требовался бы на этом посту, — не мог усвоить себе широты взглядов истинно-государственного человека, оказался поэтому довольно односторонним проводником некоторых усвоенных раз и навсегда идей, отказаться от которых был не в силах, как равно и усвоить положения, выходявшие из тесных рамок намеченного себе кругозора. Добавим к этому страшную жажду к властвованию, не мирящуюся ни с чужими мнениями, ни с сотрудничеством более даровитых и знающих деятелей»²⁸⁶.

Другой финансист, П. Б. Струве, вообще указывал, что «Витте не обладал никакими знаниями, был, вопреки довольно распространенному противоположному мнению, попросту говоря, необразованным человеком»²⁸⁷. Вероятно, в этих высказываниях есть некоторые передержки и эмоциональная составляющая.

²⁸⁴ См.: *Ключарев С. В.* Крестьянская нищета и финансово-экономическая система Витте. Киев, 1906.

²⁸⁵ *Жуковский Н. Ю.* Деньги и банки. СПб., 1906. С. 170–171.

²⁸⁶ *Мигулин П. П.* Возрождение России. С. 306–307.

²⁸⁷ *Струве П. Б.* Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики. М.; СПб., 1915. С. 130.

В результате политических противоречий в верхах в августе 1903 г. С. Ю. Витте оказался в отставке, затем назначен на второстепенный в то время пост председателя Комитета министров. Его отношения с Николаем II явно не сложились, а поддержка царя для проведения реформ в самодержавной стране была необходима. Однако бурные события революции 1905–1907 гг. снова выявили кипучую натуру государственного деятеля. Сергей Юльевич руководил подготовкой знаменитого Манифест 17 октября (Октябрьского манифеста) 1905 г. об ограничении самодержавия. В 1905–1906 гг. он был первым председателем реформированного Совета министров, ставшего первым российским правительством – высшим исполнительным органом. Уже на этом посту он добился снижения наполовину выкупных платежей в 1906 г. и их полной отмены в 1907 г. Его карьере увенчали графский титул за успешные переговоры и заключение Портсмутского мирного договора с Японией в 1905 г. и чин действительного тайного советника (1899). Кроме того, он был награжден высшими российскими орденами, включая 1-й степени (Св. Станислава, Анны, Владимира), Белого Орла, Александра Невского. Число его иностранных орденов приближается к десятку (в том числе Прусской Короны, Почетного Легиона, Восходящего Солнца и др.). Он стал также почетным членом Академии наук (1893), Русского географического общества (1895) и др.

Последние годы жизни он провел в отставке. Возможно, самый светлый чиновничий ум Российской империи последней четверти века оказался так в полной мере и не востребованным. Кроме работы в Государственном Совете С. Ю. Витте был членом, а с 1911 г. – председателем Комитета финансов, однако это была деятельность уже не того масштаба.

Он опубликовал ряд работ, в том числе и конспект лекций о государственном хозяйстве, читанных его Императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг.²⁸⁸ Этот конспект лекций представлял собой классический учебник, который включал все темы финансового права, причем по каждой теме был дан сравнительно-правовой анализ финансового законодательства европейских стран. Чтобы иметь общее представление о данной работе, перечислим лишь названия тем лекций: наука о государственном хозяйстве; организация государственного контроля и устройство финансовых касс; бюджет и бюджетный баланс; налоги: прямые, косвенные пошлины; регалии; государственные имущества; государственный кредит; государственный долг; местные финансы.

По поводу авторства этого труда еще у современников возникли некоторые сомнения, и поводом стало то, что ему «помогали А. Н. Гурьев, Н. К. Бржеский и И. И. Иванюков»²⁸⁹. А. Н. Гурьев, бывший спичрайтером и помощником нашего героя, вообще имел негласное прозвище «перо министра», о чем будет сказано ниже.

Программа проводимых финансовых реформ была компромиссом между западноевропейскими и национальными идеями. Не случайно С. Ю. Витте многое взял у немецкого экономиста Ф. Листа, теория «национальной экономии» которого им всегда разделялась. Взгляды Ф. Листа на роль национального хозяйства и его государственное регулирование, которым наш герой посвятил специальное исследование²⁹⁰, составили основу программы российского министра финансов. Российскому политику импонировало то, что Ф. Лист придерживался не космополитической классической политэкономии, а выводил на первый план национальные особенности страны. С. Ю. Витте импонировало и то, что немецкий ученый связывал национальный прогресс с переходом от аграрной к индустриальной стадии экономической эволюции. Поскольку различные страны находятся на разном уровне развития, то

²⁸⁸ См.: По поводу непреложности законов государственной жизни и «самодержавие и земство»: Записка б. министра финансов, статс-секретаря гр. С. Ю. Витте. СПб., 1908; *Граф Витте*. Доклад // Экономист России. 1910. № 14. С. 1–4; № 15–16. С. 1–4; *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. 3-е изд. СПб., 1914 и др.

²⁸⁹ См.: *Лутухин Д. А.* Указ. соч. С. 36 (прим.).

²⁹⁰ См.: *Витте С. Ю.* Национальная экономия и Фридрих Лист. Киев, 1889 (переизд. в 1912 г. под названием «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист»).

для развития собственной промышленности отставшим странам необходимы меры искусственные для искусственного ограничения проникновения чужеземных товаров на внутренний рынок, т. е. разумный протекционизм. В связи с этим национально-территориальное единство и таможенная система являются важнейшими условиями экономического подъема и развития производительных сил. С. Ю. Витте предполагал неизбежный акцент на развитие промышленности, что будет связано с перетеканием в промышленный сектор материальных ресурсов из сельского хозяйства посредством финансового инструментария (прямые бюджетные вливания, корректировка налогообложения, рост косвенных налогов и др.). При этом российский ученый подчеркивал, что таможенные пошлины не представляют непосредственного вмешательства в экономическую частную деятельность, однако охраняют и обеспечивают такую деятельность. По своим научным воззрениям Сергей Юльевич относится некоторыми исследователями к исторической школе²⁹¹.

Мемуары С. Ю. Витте, которые мы неоднократно использовали и еще будем использовать, представляют большой интерес, написаны ярко и образно. Однако они очень пристрастны, порой язвительны и всегда очень субъективны. Из всех персонажей относительно хорошо характеризуется только Александр III²⁹². Еще в первые годы петербургской карьеры С. Ю. Витте внимательные наблюдатели отметили, что он умный, но холодный и бездушный человек, у которого страшное самолюбие и которому хочется показать, что и раньше его слово было с весом²⁹³. Текст мемуаров эту догадку всецело подтверждает. Умер С. Ю. Витте 28 февраля 1915 г. в Петрограде.

Одним из наиболее деятельных сотрудников С. Ю. Витте в деле реформирования финансовой системы России был выдающийся русский химик, педагог и экономист **Дмитрий Иванович Менделеев** (1834–1907). Он родился 27 января 1834 г. в Тобольске в семье учителя. Окончил физико-математический факультет Главного педагогического института в Петербурге с золотой медалью в 1855 г. Наиболее продолжительный период его педагогической и научной деятельности связан с Петербургским университетом, в который он был приглашен на должность доцента в 1857 г., с 1865 г. занимал должность профессора. Являлся членом-корреспондентом Петербургской академии наук (с 1876), действительным членом Петербургской академии художеств (1894), действительным статским советником. В 1859–1861 гг. находился в научной командировке в Германии, преимущественно в Гейдельберге. В дальнейшем неоднократно выезжал с научными целями за рубеж.

Дмитрий Иванович вел преподавательскую деятельность, помимо столичного Университета, во 2-м кадетском корпусе, Николаевском инженерном училище, в Институте корпуса инженеров путей сообщения. Будучи сторонником равноправия женщин в области образования, он стал лектором на вновь открытых Высших женских курсах. Дмитрий Иванович был замечательным педагогом, которого ученики не только уважали, но и любили. Косвенно это повлияло на уход ученого из Университета, когда в 1890 г., во время студенческих волнений, учащиеся передали через любимого профессора петицию правительству с требованием реформы образования. Дмитрий Иванович пытался передать петицию министру народного просвещения И. Д. Делянову, однако уважаемому профессору указали на недопустимость таких действий. Так была завершена более чем сорокалетняя педагогическая деятельность Д. И. Менделеева. В дальнейшем он служил с 1892 г. в Депо гирь и весов, преобразованном по его инициативе в Главную палату мер и весов. На новом поприще ученый модернизировал

²⁹¹ См.: Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 226.

²⁹² См.: Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991. – Отметим, что наиболее полно его воспоминания были изданы в 3 томах в 1960 г.

²⁹³ См.: Богданович А. В. При дворе трех самодержцев. М., 1990. С. 117.

вал основные метрические устройства, создал точную теорию весов, предложил наиболее оптимальные приемы взвешивания.

Он известен, прежде всего, как автор периодической таблицы («Опыт системы элементов, основанной на их атомном весе и химическом сходстве»), которая зачастую именуется таблицей Менделеева. Это был ученый-энциклопедист, оставивший свой след в различных сферах науки. В нашей стране его знают в связи с его докторской диссертацией, защищенной в 1865 г., на тему «О соединении спирта с водой», которая, как считают некоторые, положила начало 40-градусному стандарту водки. Разработанные им приемы агротехники позволили существенно увеличивать урожайность земель. Его сотрудничество с Военным министерством привело к ряду открытий в сфере упругости газов, а затем и к изобретению бездымного пороха, что повлекло за собой коренные изменения в конструктивных возможностях артиллерийских орудий. Кроме того, ученого можно считать одним из пионеров воздухоплавания в России, вокруг которого группировались новаторы и изобретатели в данной сфере, такие как А. Ф. Можайский, С. К. Джевецкий и др. Он сам неоднократно поднимался в воздух на воздушном шаре, спроектировал аэростат с двигателем. Но и это еще не все. Совместно с адмиралом С. О. Макаровым Дмитрий Иванович участвовал в проектировании первых отечественных ледоколов, при его непосредственном участии были вырабатаны технические условия для первого в мире ледокола «Ермак».

Несколько меньше Дмитрий Иванович известен как видный экономист и финансист, хотя и эта сторона его деятельности затронута в ряде исследований²⁹⁴. Он активно занимался проблемами развития нефтяной, угольной и металлургической промышленности. Им был предложен принцип непрерывной дробной перегонки нефти, высказывались идеи о создании нефтеналивного флота и системы нефтепроводов. Дмитрий Иванович лично участвовал в разработке технологий для первого в России завода по производству машинных масел, который был построен в поселке Константиново Ярославской губернии. Он считал это первым шагом к созданию нефтеперерабатывающих заводов на Волге, дабы «осветить и смазать всю Россию».

В 1876 г. по поручению правительства он посетил американский штат Пенсильвания, где ознакомился с добычей и переработкой нефти. Затем были опубликованы результаты сравнительного анализа состояния нефтяной промышленности²⁹⁵. Но его интересовали не только технологические проблемы переработки нефти, но и финансовые²⁹⁶. По поручению министра финансов М. Х. Рейтерна он также собрал сведения в связи с отменой в США акцизного обложения нефти. Результатом этой командировки стала «Записка об акцизе на нефть», представленная министру финансов Н. Х. Бунге²⁹⁷. В ней он доказывал неуместность акциза на нефть в предстоящую эпоху развития отечественной нефтяной промышленности. Д. И. Менделеев писал, что «интересы страны заставляют, облагая нефть акцизом, при выходе ее за границу – слагать налог», и здесь необходимо мерило для установки правильного возврата акциза. Весьма актуально звучит и утверждение автора о том, что «находчивость экспортеров принуждает правительство возвращать более, чем следует, а через то страдают интересы

²⁹⁴ См.: Бельский М. Менделеев. М., 2010; Гиндин И. Ф. Д. И. Менделеев и развитие промышленности в России // Вопросы истории. 1976. № 9; Гурвич Г. Ц. Экономические взгляды Д. И. Менделеева. Минск, 1951; Дмитрий Менделеев // Наша история. 100 великих имен. 2010. № 3; Иониди П. П. Мировоззрение Д. И. Менделеева. М., 1959; Пархоменко В. Е. Д. И. Менделеев и русское нефтяное дело. М., 1957 и др.

²⁹⁵ См.: Менделеев Д. И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвании и на Кавказе. СПб., 1877.

²⁹⁶ См.: Менделеев Д. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности в России в связи с ее общим таможенным тарифом. СПб., 1891.

²⁹⁷ См.: Менделеев Д. И. Сочинения. Т. X.: Нефть. М.; Л., 1949. С. 719–723.

не только фиска, но и общей справедливости»²⁹⁸. Более того, как предсказывал ученый, в Америке уже давно, а у нас в ближайшем будущем, вывоз нефтепродуктов должен превосходить внутреннее их потребление.

Он выступал против обложения акцизом готовых товаров нефтепереработки и предлагал оставить один вид акцизного обложения, допускающий как возможность фиска, так и некоторую свободу промысла, – это обложение сырой нефти на местах и по количеству добычи без возврата налога при вывозе, хотя и с отсрочкой уплаты под залог. Если правительство, по мнению ученого, встанет на страже интересов развития отечественной нефтяной промышленности, то оно должно отказаться пока от всякой мысли о налоге как средстве фиска. В противном случае, при фискальном значительном размере налога на нефть, «или американцы победят, т. е. не пустят нашу нефть на рынки Западной Европы, или правительству придется возвращать более получаемого»²⁹⁹. Восполнить доходную часть бюджета, как писал автор, можно за счет установления налога за электрическое, газовое и стеариновое освещение. Это можно сделать и за счет налога на фосфорные спички.

Дмитрий Иванович, как и большинство неординарных личностей, был натурой сложной и противоречивой, но при этом чрезвычайно цельной. Он был человеком увлекающимся как в личной жизни (дважды женат, причем с первой женой развелся, что было в то время редкостью), так и в науке, что видно по разбросу его научных интересов. Отношения с коллегами по научному цеху у Дмитрия Ивановича также были далеко не безоблачными: он не с первого раза стал членом-корреспондентом Петербургской академии наук, а в действительные члены его так и не избрали. По политическим взглядам он всегда был патриотичным и умеренным государственным, сторонником постепенных реформ. При этом он резко отрицательно относился к революционному переустройству общества, тем более насильственным путем. Его русский патриотизм был деятельным и не крикливым, но на склоне лет он вступил в «Союз русского народа», который имел репутацию организации черносотенного толка.

С 1889–1892 гг. он состоял членом Совета торговли и мануфактур и был привлечен министром финансов И. А. Вышнеградским во все совещания и комиссии по пересмотру таможенного тарифа. По инициативе С. Ю. Витте в 1893 г. ученый был назначен управляющим Палаты мер и весов, которая находилась в ведении Министерства финансов. Отметим, что Д. И. Менделеев был сторонником протекционистской политики в отношении отечественной промышленности. Он может быть отнесен к числу крупных специалистов в области таможенного тарифа, авторов фундаментальных исследований по данной проблематике³⁰⁰. В своих работах он обобщил значительный статистический и экономический материал, накопленный в течение двух лет, о производстве, потреблении, торговле важнейшими видами сельскохозяйственной продукции и промышленными товарами. Ученого можно считать полноправным соавтором таможенного тарифа 1891 г. По просьбе С. Ю. Витте он написал три письма Николаю II в поддержку принципа протекционизма. Первое из них в 1897 г. было посвящено таможенному тарифу, второе в 1898 г. – беспрепятственному импорту капиталов в Россию, третье было написано в 1898 г. в защиту протекционистской системы. В современной литературе всячески подчеркивается роль великого ученого в деятельности Министерства финансов³⁰¹.

²⁹⁸ Там же. С. 719.

²⁹⁹ Там же. С. 723.

³⁰⁰ См.: Менделеев Д. И. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности в связи с общим таможенным тарифом 1891 года. Ч. 1–2. СПб., 1892.

³⁰¹ См.: Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008. С. 346.

Однако в начале XX в. Дмитрий Иванович разочаровался в проводимой правительством политике протекционизма, критиковал ее за неэффективность, за предоставление выгод только отдельным лицам. Можно утверждать, что Д. И. Менделеев был своеобразным советником министра финансов С. Ю. Витте по проблемам таможенной политики и финансов. В свою очередь Сергей Юльевич очень ценил Дмитрия Ивановича и отзывался о нем сугубо положительно³⁰². Экономические и финансовые изыскания ученого венчало его исследование «К познанию России», вышедшее в 1906 г. и выдержавшее к 1912 г. еще шесть изданий. Среди других экономических трудов ученого оно было переиздано в 1960 г.³⁰³ Данный труд встретил одобрение у финансистов правой ориентации³⁰⁴. Приблизительно из 500 публикаций ученого около полусотни в той или иной мере затрагивают проблемы экономики и финансов. По своим научным воззрениям Дмитрий Иванович может быть отнесен к исторической школе финансистов. Умер ученый 20 января 1907 г. в Петербурге.

К числу выдвиженцев С. Ю. Витте может быть отнесен и один из наиболее компетентных специалистов в сфере денежного обращения и бюджетного законодательства **Михаил Павлович Кашкаров** (1857–1906)³⁰⁵. К сожалению, о нем нам известно относительно немного, хотя, судя по фамилии, он принадлежал к достаточно старинному дворянскому роду с татарскими корнями. Он долгие годы служил в Министерстве финансов, где был чиновником для особых поручений и членом Ученого комитета этого министерства, получил чин действительного статского советника. В начале XX в. М. П. Кашкаров был гласным Петербургского губернского дворянского собрания, где занимал достаточно правые позиции.

Его перу принадлежат довольно объемные историко-статистические исследования по финансовому праву. М. П. Кашкаров также провел обзор бюджетного законодательства России за 1862–1890 гг... рассмотрел российский государственный бюджет³⁰⁶. В этот обзор включены материалы по истории преобразования государственной отчетности и всех позднейших законов, изменивших сметные правила 22 мая 1862 г. Материалы были заимствованы главным образом из дел Государственного Совета и министерств.

Он провел исторический обзор законодательных работ по общему устройству земских повинностей, который завершился принятием Правил о земских повинностях (1851). Автором дан развернутый анализ позиций Комитета для разработки вопроса об уравнивании земских повинностей, министров финансов, внутренних дел, государственных имуществ, порядок обсуждения законопроекта в Государственном Совете³⁰⁷. Этот обзор представлял «существенную важность при изучении русских земских повинностей»³⁰⁸.

Предметом исследования М. П. Кашкарова также стали и вопросы денежного обращения в России. В двухтомном труде «Денежное обращение в России (СПб., 1898) он представил законодательный и статистический материал, в том числе обзор законодательных мер по упорядочению денежного обращения. В первом томе рассмотрены история и статистика денежных знаков: ассигнаций, кредитных билетов, звонкой монеты (по архивным материа-

³⁰² См.: *Витте С. Ю.* Указ. соч. С. 96–97, 237 и др.

³⁰³ См.: *Менделеев Д. И.* Избранные экономические произведения. М., 1960.

³⁰⁴ См., например: *Билимович А. Д.* По поводу книги Д. И. Менделеева «К познанию России». Киев, 1907.

³⁰⁵ См.: *Кашкаров М. П.*: 1) Главнейшие результаты государственного денежного хозяйства за последнее десятилетие (1885–1894). СПб., 1895; 2) Денежное обращение в России. Т. 1–2. СПб., 1898; 3) Финансовые итоги последнего десятилетия (1892–1901). Т. 1–2. СПб., 1903 и др.

³⁰⁶ *Кашкаров М. П.*: 1) Обзор бюджетного законодательства России за 1862–1890 годы. СПб., 1891; 2) О рассмотрении нашего государственного бюджета. СПб., 1901.

³⁰⁷ См.: *Кашкаров М. П.* Исторический обзор законодательных работ по общему устройству земских повинностей. СПб., 1894.

³⁰⁸ См.: *Гензель П. П.* Библиография финансовой науки. С. 93.

лам). Во втором томе – вопросы, относящиеся непосредственно к операциям Госбанка, оборотам сберегательных касс, внешней торговли, колебаний вексельных курсов за период с 1858 по 1898 г. Главная заслуга автора, по мнению П. П. Гензеля, – собрание прекрасно подобранного материала для суждения о реформе нашего денежного обращения в связи с финансовым положением России. Эта работа является ценным незаменимым пособием при изучении истории русских финансов³⁰⁹.

Нельзя не упомянуть еще одно статистическое исследование автора «Главнейшие результаты государственного денежного хозяйства за последнее десятилетие (1885–1894)»³¹⁰. В этой работе представлены основные результаты государственного денежного хозяйства, т. е. движение государственных доходов и расходов, государственных долгов и недоимок государственному казначейству. Автор поставил целью указать на важнейшие причины, которыми эти финансовые результаты обусловлены: причины недобора или перебора по доходным росписям (подати, выкупные платежи, доходы питейный, таможен и др.); причины, обусловившие возрастание государственных долгов, и т. д. Источниками таблиц, составленных автором, послужили отчеты Государственного контроля по исполнению росписей, материалы из дел Госсовета, Минфина и др. Эти публикации представляли собой научные исследования, сопровождаемые статистическими обобщениями.

В работе «Финансовые итоги последнего десятилетия (1892–1901 гг.)»³¹¹ автором, как писал П. П. Гензель, тщательно обработан и систематизирован весь важнейший статистический и законодательный материал финансов России. Поэтому «труд М. П. Кашкарова представляет собой прекрасный и незаменимый сборник для справок по финансовой истории России в конце 19 столетия. Все статьи приходно-расходного бюджета России проанализированы до мельчайших подробностей и с большим знанием дела»³¹².

Однако далеко не всегда кадровая политика С. Ю. Витте может быть признана успешной. Так, с кандидатурой **Афиногена Яковлевича Антоновича** (1848–1915 (по другим данным, 1917)) вышел откровенный промах. Он родился в Волынской губернии в семье священника. После окончания Киевской духовной семинарии избрал светскую карьеру и окончил в 1873 г. юридический факультет Киевского университета со степенью кандидата права, ученик Н. Х. Бунге. Преподавательскую деятельность молодой ученый начал доцентом кафедры политической экономии, статистики и законоведения в Институте сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии, защитил в 1877 г. в Варшавском университете магистерскую диссертацию по политэкономии «Теория ценности. Критико-экономическое исследование» (издана в виде книги в 1877 в Варшаве). В ней автор разбирает важнейшие теории ценности, причем их критический анализ служит автору материалом для построения своей собственной теории. А. Я. Антонович писал, что экономическая жизнь складывается из трех органически связанных частей: производство, распределение и потребление. Разнообразие теорий ценности имеет место, как отмечал автор, вследствие того, что экономисты в своих исследованиях рассматривали ценность с точки зрения или производства (Рикардо, Маркс), или распределения (Мальтус, Маклеод), или потребления (Шторх). Краеугольным камнем теории ценности Антоновича является «производственная ценность» как овеществленное общественно необходимое время действия производительных сил природы, труда и капитала. Рецензент Д. И. Пихно отмечал, что основание своего учения Анто-

³⁰⁹ Там же. С. 27.

³¹⁰ См.: Кашкаров М. П. Главнейшие результаты государственного денежного хозяйства за последнее десятилетие (1885–1894). СПб., 1895.

³¹¹ Кашкаров М. П. Финансовые итоги последнего десятилетия (1892–1901 гг.). Статистическое исследование: В 2 т. СПб., 1903.

³¹² См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. Толковый указатель к главнейшим сочинениям в русской и иностранной финансовой литературе // Юридическая библиография. Ярославль, 1907. № 4. С. 27.

нович заимствовал у Д. Рикардо и К. Маркса. Рецензент считал теорию ценностей, предложенную Антоновичем, неправильной. Однако подчеркнул, что критический элемент, критика разных теорий ценностей «в большинстве случаев остроумна и ведется мастерски... вообще критический элемент – лучшая сторона работы Антоновича»³¹³. Общим выводом рецензента стало заключение о возможности допуска к защите в качестве магистерской диссертации рассматриваемого труда нашего героя.

В 1879 г. А. Я. Антонович издал в Варшаве свои лекции под названием «Основания политической экономии и статистики», в том же году он назначается на должность экстраординарного профессора института. В 1882 г. он переходит приват-доцентом на кафедру полицейского права Киевского университета. Также он преподавал на местных Высших женских курсах, публикует ряд работ по данной проблематике³¹⁴. Среди преподаваемых ученым дисциплин была и политэкономия³¹⁵. Одновременно в 1883–1886 гг. Афиноген Яковлевич был редактором газеты «Киевлянин», которую издавал другой университетский профессор Д. И. Пихно (о нем см. далее). С 1887 г. он стал самостоятельно издавать и редактировать, при поддержке С. Ю. Витте, литературно-политическую и экономическую газету «Киевское слово». Примечательно, что в лекциях по полицейскому праву А. Я. Антонович определенное место уделял правовому регулированию денежного обращения³¹⁶.

Его докторская диссертация по политэкономии «Теория бумажноденежного обращения и государственные кредитные билеты» была защищена в 1883 г. и опубликована в виде книги. В ней однозначно проводилась идея твердости денежной валюты, которая возможна при базировании ее на цене не колеблющихся в ценности металлов: прежде серебра, а затем золота. Среди читателей книги оказался и С. Ю. Витте, который привлек киевского ординарного профессора (с 1883) к реформе Госбанка, проводимой с 1892 г. Первое впечатление оказалось хорошим, и в 1893 г. А. Я. Антонович как крупный знаток денежного обращения назначается товарищем (заместителем) министра финансов, коим являлся С. Ю. Витте. В своих мемуарах Сергей Юльевич честно признался в своей кадровой ошибке. Его прельщали приверженность киевского ученого металлическому обращению, обширность знаний, «простота и хохлацкая хитрость», однако министр, как он сам признавал, не принял в расчет неустойчивого, грубого и некультурного характера своего зама. Этим А. Я. Антонович восстановил против себя как подчиненных, так и руководителей правительства. Оказалось, что тот гораздо больше думает о своей личной пользе, нежели о денежной реформе. Встретившись с мощной оппозицией преобразованиям, виттевский выдвиженец сам стал высказываться против этой реформы.

Сергей Юльевич так писал о своем товарище: «...человек он был, в сущности говоря, добрый, недурного сердца, но обращался с подчиненными так, что не мог внушить к себе (с их стороны) никакого уважения. Вообще он был типичный хохол-провинциал и к тому же с большой хитрецей. Все это вынудило меня с ним расстаться». Далее он отмечал: «Антонович был недурным человеком, порядочный русский профессор, но замечательно хитрый хохол; очень маленький по своему характеру и мировоззрению. В деталях, конечно, он меня сбивал». Эти «сбивания» касались содержания Устава Госбанка (в том числе закрепления его права на совершение долгосрочных и недостаточно обеспеченных операций), инфляционного решения финансовых проблем и др. Ради справедливости стоит отметить, что и С. Ю. Витте не имел твердой точки зрения на ряд составляющих финансовой реформы, а неко-

³¹³ Пихно Д. Разбор соч. А. Антоновича «Теория ценности. Критико-экономическое исследование». Киев, б.г., С. 14.

³¹⁴ См.: Антонович А. Я.: 1) Конспект лекций по полицейскому праву. Житомир, 1887 (переизд.: Полицейское право в Университете Святого Владимира. Киев, 2010. С. 354–408); 2) Курс государственного благоустройства (полицейского права). Ч. 1–2. Киев, 1889–1890 и др.

³¹⁵ См.: Антонович А. Я. Курс политической экономии. Киев, 1886 и др.

³¹⁶ См.: Полицейское право в Университете Святого Владимира. Киев, 2010. С. 393–408.

торые взгляды впоследствии скорректировал. В связи с этим А. Я. Антонович оказался для него настоящим «козлом отпущения», на которого он попытался списать все свои ошибки и заблуждения³¹⁷. Кроме того, товарищ министра оказался вовлеченным в ряд интриг стараниями правого публициста *С. Ф. Шарапова* (1856–1911), писал записки против своего шефа на имя Николая П. Вышеназванный *С. Ф. Шарапов* посвятил немало статей и даже достаточно объемных книг проблемам финансов, написанных в публицистическом и полемическом ключе³¹⁸.

Внешность профессора могла действительно ввести в заблуждение. Вид он имел кроткий, взгляд добрый, да и со старшими был неизменно вежлив и обходителен. Но первое впечатление было не совсем верным. Его вздыбленные даже на парадных фото волосы выдают упертый характер, а его вежливость со старшими могла легко трансформироваться во вспышки гнева к подчиненным. Небольшая, но всклокоченная борода свидетельствовала о непостоянстве характера, что помешало ему примкнуть к одной из придворных группировок.

После увольнения в 1895 г. из Министерства финансов Афиноген Яковлевич был назначен членом Совета министра народного просвещения и больше не играл важной роли ни в научной, ни в политической жизни страны. А. Я. Антонович был человеком умеренно-консервативных взглядов, уходил от рассмотрения проблем финансов в широком социальном аспекте и концентрировался почти исключительно на технической стороне денежного обращения. После увольнения его позиция стала более правой, причем он частично разошелся даже с *С. Ф. Шараповым*³¹⁹. Вероятно, последней крупной публикацией ученого были «Основания политической экономии» (т. 1, Киев, 1914).

Многие его современники, начиная с Д. И. Пихно, отмечали практическую направленность и вторичность исследований Афиногена Яковлевича, пересказ им мнений других ученых и уход от собственных оценок важнейших вопросов политэкономии и финансов. Подчеркивались неясность и тяжеловесность изложения, туманность и неопределенность выводов³²⁰. Однако в современной литературе основной причиной неприятия А. Я. Антоновича как ученого со стороны современных ему публицистов называются его патриотические взгляды³²¹.

Илларион Игнатьевич Кауфман (1843 (1845, 1846, 1847 или 1848) – 1915) был значительной фигурой не только в научном, но и в чиновничьем мире, в связи с чем его сложно отнести к какой-либо школе. Масштаб личности этого ученого и государственного деятеля велик, хотя публикаций о нем не так много³²². Наши современники выделяют несколько этапов в жизни нашего персонажа. На первом (1848–1873) – формировались его научные взгляды и мировоззрение. Второй период (1873–1900) связан с его государственной и общественной деятельностью. Третий, заключительный, этап его жизни (1900–1915) характери-

³¹⁷ См.: *Витте С. Ю.* Указ. соч. С. 113–114 (прим.), 355–356.

³¹⁸ См.: *Шарапов С. Ф.*: 1) Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве. М., 1886; 2) Золотая валюта. Париж, 1889; 3) Бумажный рубль. 1895; 4) Денежная сила Франции. Екатеринбург, 1900; 5) Государственная роспись и народное хозяйство. М., 1908; 6) Финансовое возрождение России. М., 1908 и др.

³¹⁹ См.: *Антонович А. Я.* Бакулин и Шарапов об автономиях. С ответом С. Шарапова «Об автономиях и самоуправлении». М., 1908.

³²⁰ См.: *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1. СПб., 1889. С. 650; *Словесный Л. З.* Рец.: *Антонович А. Я.* Курс политической экономии. Киев, 1886 // Вестник Европы. 1887. № 3 и др.

³²¹ См.: *Томсинов В. А.* Афиноген Яковлевич Антонович // Российские правоведы XVIII–XX веков: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 636.

³²² См.: *Бабулин Ю. В.* Илларион Игнатьевич Кауфман // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 215–237; *Боголепов М. И.* И. И. Кауфман (некролог) // Вестник Европы. 1916. Кн. 1; *Буковецкий А. И.* Светлой памяти И. И. Кауфмана // Новый экономист. 1916. № 1. С. 5–7; *Дроздов О. И.* И. И. Кауфман и совершенствование финансовой системы России // История финансовой политики в России: сб. СПб., 2000; Кауфман Илларион Игнатьевич (некролог) // Исторический вестник. 1916. Т. 143. С. 620–621 и др.

зуется напряженной научно-педагогической деятельностью – работой на кафедре финансового права, а затем на кафедре политической экономии и статистики Санкт-Петербургского университета³²³.

Начнем с того, что сложности начинаются с определения даты его рождения – 4 июня 1843 г., 6 июля 1845 г., 6 июля 1846 г., 5 июля 1847 г. или 4 июля 1848 г. Такого разброса, вероятно, нет ни у одного исторического персонажа столь близкой к нам эпохи. На наш взгляд, наиболее достоверен 1846 г. Зато точно известно, что родился он в Одессе в еврейской купеческой семье. Учился он во 2-й Одесской гимназии, затем в Ришельевском лицее (Одесса), но курса там не окончил. В 1864 г. он поступает на юридический факультет Харьковского университета, который окончил в 1869 г. со степенью кандидата юридических наук. Во время учебы он параллельно посещал лекции на физико-математическом и историко-филологическом факультетах университета. Его любовь к истории имела деятельный характер, позволив впоследствии стать ведущим специалистом по истории кредита и денежного обращения.

Уже на втором курсе за сочинение «Теория колебания цен по историческим исследованиям о данном предмете» (опубликована в 1868 г.) он удостоивается золотой медали. Его сочинение «К учениям о деньгах и кредите» (1867) также было опубликовано за счет средств университета. В студенческие годы определился его интерес к проблемам денежного обращения и кредита, сохранившийся на всю жизнь. В 1869 г. его оставляют при университете для подготовки к профессорскому званию, а затем он почти на три года отправляется в научную командировку за границу. После возвращения в Россию в 1871 г. занялся журналистикой. Публицистическую деятельность он не оставил и в дальнейшем. В частности, он подготовил одну из первых в России рецензий на «Капитал» К. Маркса³²⁴.

В 1872 г. начинающий ученый переезжает в Петербург, где в том же году сдает магистерский экзамен, а в 1873 г. защищает магистерскую диссертацию по политэкономии по книге «Кредит, банки и денежное обращение» (опубликована в том же году). На этом он не остановился и в 1877 г. в Киеве защитил докторскую диссертацию по политэкономии по книге «Неразменные бумажные деньги в Англии» (опубликована в том же году). Целью проведенного исследования было ознакомление русской публики с полной историей английских неразменных денег (1797–1819 гг.), «свести и разработать сохранившийся статистический материал, изложить содержание законов, вызванных неразменными бумажными деньгами, их мотивы и споры о них, рассказать, к каким результатам приводили исследования специальными комиссиями, какие дебаты о бумажных деньгах велись в парламенте и какие голоса они вызывали в текущей прессе»³²⁵.

Выбор пал на Англию, так как, по мнению исследователя, ее опыт в этой части более разносторонен и закончен, более дает материала для посылок, а с ним и результатов. Тезисы к докторскому диспуту по данной диссертации содержали «уроки» английского опыта. Например, ученый утверждал: «Мерой очень полезной, эффективно противодействующей возможности искусственного и вредного несвоевременного сжатия бумажного обращения при возобновлении размена, является, по указаниям английского опыта, обратный выпуск – под золото или под векселя и даже для уплаты вкладов – части кредитных знаков, извлекаемых уплатой правительственного долга»³²⁶.

Официальными оппонентами по диссертации были профессор Н. Х. Бунге и доцент Д. И. Пихно, который опубликовал свою рецензию на данное сочинение И. И. Кауфмана. Вывод рецензента однозначно отрицательный. К автору исследования Д. И. Пихно обра-

³²³ Базулин Ю. В. Указ. соч. С. 215.

³²⁴ Вестник Европы. 1872. Кн. 5.

³²⁵ Кауфман И. И. Неразменные бумажные деньги в Англии. СПб., 1877. С. XXII.

³²⁶ Там же. С. 245.

тился с рядом нелюбимых вопросов. Думает ли почтенный автор «Неразменных бумажных денег в Англии», что в докторских диссертациях позволительно искажать историю или выдавать за историю чуть ли не собрание анекдотов? Предполагает ли он, что под видом ученых академических трудов можно подносить груды сырья, хотя бы и выписанного из «не общедоступных» и «мало известных даже в кругу специалистов» источников? Считает ли Кауфман признаком солидности работы утверждение в одной части сочинения, прямо противоположное тому, что в другой? И в заключение рецензии Д. И. Пихно пишет: «Мы искренне готовы пожелать, чтобы издание таких трудов, как "Неразменные бумажные деньги в Англии" оставалось единичным»³²⁷. Несмотря на столь нелюбимую оценку труда И. И. Кауфмана, защита состоялась. Более того, спустя почти 40 лет названный труд был переиздан практически в первоначальной редакции с небольшими изменениями и добавлениями материалов по французским ассигнатам³²⁸.

С переездом в Петербург Илларион Игнатьевич поступил на государственную службу: с 1872 г. – в Министерстве финансов, с 1873 г. – в Центральном статистическом комитете МВД, в который он был принят благодаря протекции его главы П. П. Семенова-Тян-Шанского (1827–1914). С последним он познакомился, будучи членом комиссии по подготовке 8-го Международного статистического конгресса в Петербурге. Начал он с должности младшего редактора, затем назначен старшим редактором (с 1884 до 1893) и членом Статистического совета.

В этот период публикуются результаты его работы «Статистика государственных финансов России 1862–1884 гг.» (СПб., 1886), которая названа П. П. Гензелем «выдающейся работой», в которой подробно указано движение государственных сумм по отдельным статьям дохода и расхода за каждый год и дан сравнительный обзор³²⁹. Под его редакцией или при его участии выходили статистические сборники сведений о русских банках, о городских сберегательных кассах, о железных дорогах в России³³⁰.

В 1876 г. он принимается в Государственный контроль чиновником для особых поручений (с 1884 – и. д. генерал-контролера в железнодорожном отделе Госконтроля) и до 1893 г. занимается изучением финансовой политики иностранных государств, историей финансов. В течение трех лет (1881–1883) его направляли в краткосрочные командировки в Бельгию, Францию и Пруссию для сбора материалов по дополнению исследований бывшего Главного контролера В. А. Татаринова. Стараниями И. И. Кауфмана и с добавлением новейших сведений труды В. А. Татаринова были переизданы: «Государственная отчетность в Бельгии, Франции и Пруссии» (т. 1–3, СПб., 1881–1884).

Карьерному росту способствовало и то, что в 1881 г. он крестился по обряду англиканской церкви, отказался от сотрудничества с еврейским журналом «Рассвет» и от участия в делах «Общества для распространения знаний между евреями». Вероятно, на конец 80-х гг. приходится его знакомство с С. Ю. Витте, протекцией которого он в дальнейшем пользовался. Международное признание его трудов выразилось в членстве ученого в Международном статистическом институте (с 1885), причем ученый был в числе его учредителей.

Его научные работы этого периода связаны преимущественно со статистическими и историческими исследованиями в области денежного обращения, кредитов и банков, что отражало направления его государственной службы³³¹, а также анализ зарубежного опыта³³².

³²⁷ Пихно Д. По поводу соч. И. И. Кауфмана «Неразменные бумажные деньги в Англии» (Оттиск из Университетских известий. 1877). С. 21.

³²⁸ Кауфман И. И. Неразменные банкноты в Англии. 1797–1819. Пг., 1915.

³²⁹ Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 27.

³³⁰ Кауфман И. И.: 1) Статистика городских сберегательных касс. СПб., 1875; 2) Статистика русских банков. Т. 1–2. СПб., 1872–1875; 3) Финансово-статистические сведения о железных дорогах в России в 1884–1890: В 8 т. и др.

³³¹ Кауфман И. И.: 1) Государственные долги России: 1768–1882. Б.г., б.м.; 2) Основания расчетов по публичным зай-

Так, в «Вестнике Европы» (январь, февраль 1885 г.) он публикует развернутую статью «Государственные долги России: 1768–1882» (затем вышли отдельным изданием). Главный интерес статьи заключается в том, что в ней довольно резкой критике подверглась деятельность Е. Ф. Канкрина. Автор остановился и на вопросе функционирования старых банковских учреждений и на исследовании причин участвовавших в пореформенную эпоху временных выпусков кредитных билетов³³³.

Разнообразие видов его деятельности на ниве государственной службы просто поражает. В 1891 г. И. И. Кауфман переводится в Особый отдел Государственного дворянского земельного банка, где становится членом его Совета, с 1895 г. – членом Совета Госбанка, участвует в работе ряда организаций ипотечного кредита, в организации первой всеобщей переписи населения (1897). В прикладных целях в 1895 г. И. И. Кауфман был командирован в Австро-Венгрию для сбора материала о мелиоративном кредите и сберегательных кассах. Наконец, в 1903 г. он – председатель Делегации (ревизионного отдела) Госбанка, в том же году, с отставкой С. Ю. Витте, оставляет госслужбу. Его карьере чиновника венчали звание тайного советника (1902) и семь орденов, включая орден Белого Орла, который жаловался по личному соизволению императора, что говорит о высокой оценке престолом его трудов.

Однако он был не только теоретиком, но и автором целого ряда законопроектов и проводимых финансовых реформ. Так, И. И. Кауфман участвовал в разработке достаточно прогрессивных «Правил о надзоре за фабричной промышленностью, о взаимном отношении фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции», высочайше утвержденных 3 июня 1886 г.³³⁴

Не вызывает сомнений и его активное участие в денежной реформе 1895–1897 гг. В частности, ученый непосредственно разрабатывал новый Монетный устав (входил в Особую комиссию) и состоял в Совецании по рассмотрению нового Вотчинного устава. С 1893 г. он трудился в Комиссии по усовершенствованию системы сберегательных касс, в которую входил и В. Т. Судейкин. Наравне с Н. Х. Бунге и В. П. Безобразовым он был наиболее последовательным сторонником металлической теории денег. В этой части его исследования становились подготовительным материалом для проведения преобразований³³⁵. В настоящее время сложно сделать окончательный вывод, но то, что именно Илларион Игнатьевич был, по меньшей мере, одним из идеологов этой финансовой реформы, очевидно. В 90-е гг. он был причастен к принятию важнейших решений по линии Министерства финансов и Государственного банка.

Как нам кажется, И. И. Кауфман был близок к типу «идеального бюрократа», чрезвычайно образованного, вежливого, никогда не стремящегося выйти на первые роли. Не случайно о нем практически нет упоминаний в мемуарах современников, так как его стихией была тишь кабинетов, а не митинговые страсти. Даже внешний вид у него был традиционно

мам: государственным, городским, железнодорожным, ипотечным и тому подобным. СПб., 1891 и др.

³³² Кауфман И. И.: 1) История банковского дела в Великобритании и Ирландии. СПб., 1877; 2) Государственный долг Англии с 1688 по 1890 год. СПб., 1893 и др.

³³³ Гензель П. П. Указ. соч. С. 79–80.

³³⁴ Подробнее о них см.: Киселев И. Я., Лушников А. М. Трудовое право. М., 2011. С. 19–20.

³³⁵ См.: Кауфман И. И.: 1) Преобразование нашей кредитной денежной системы. СПб., 1874; 2) Обзор проектов, вышедших в 1861–1879 гг., по вопросу о преобразовании кредитно-денежной системы России. СПб., 1878; 3) Бумажно-денежные проекты и экстраординарные финансы. СПб., 1879; 4) Кредитные билеты, их упадок и восстановление. СПб., 1888; 5) Условия появления звонкой монеты. СПб., 1888; 6) Вексельные курсы России за 50 лет. 1841–1890. СПб., 1892; 7) Сведения о производстве золота и серебра на земном шаре. 1493–1892. СПб., 1894; 8) Соображения члена Высочайше утвержденной Особой комиссии И. И. Кауфмана, высказанные на заседании означенной комиссии. СПб., 1895; 9) Законодательство о денежной единице и его значение для кредитных билетов. СПб., 1895; 10) Обзор законодательства и административных мероприятий, вызванных расстройством бумажно-денежного обращения в России. СПб., 1896 и др.

чиновничий, включая круглые очки и лихо подкрученные «гвардейские» усы. Однако этот «герой второго плана» прямо влиял на принятие важнейших финансовых решений.

Параллельно с 1889 г. он принимается приват-доцентом (с 1893 – экстраординарный профессор) в Петербургский университет, где до 1894 г. читает параллельный курс финансового права, а также спецкурсы «О вексельных курсах и расчетах по кредитным операциям» и «Основания финансовых расчетов». В 1894 г. он переходит на кафедру политической экономики и статистики, где читает теорию статистики, а в 1895 г. возглавляет эту кафедру (с 1901 – ординарный профессор).

Не прекращал Илларион Игнатьевич и научных исследований. В частности, в университетский период из-под его пера вышли классические исследования по истории и теории денежного обращения³³⁶. А. И. Буковецкий писал, что «эти работы выполнены с исключительным мастерством, и ни один из исследователей истории русской экономики не может пройти мимо этих талантливых работ»³³⁷.

Так, исследование «Из истории бумажных денег в России» (СПб., 1909) включало две части. В первой части «Столетие правительственной борьбы с расстройством бумажных денег в России» дана отрицательная оценка денежной реформы министра финансов графа Е. Ф. Канкрин. В частности, ученый писал: «Канкрин так "осторожно" устроил прием звонкой монеты во все платежи казне, что когда это "устройство" кончилось, то вся Россия стояла от "простонародного" лажа»³³⁸. Интересна и авторская оценка Манифеста 1812 г. (об обязательном хождении ассигнаций). И. И. Кауфман считал, что этим манифестом в России были достигнуты уникальные, противоположные задуманному результаты. Как пишет ученый, в России установилась интересная денежная система, своеобразное параллельное обращение – «сильно понизившихся, но мало колеблющихся в цене ассигнаций и звонкой монеты, серебряной и золотой, обращающейся с очень высоким лажем»³³⁹.

Далее автор обосновал ряд теоретических обобщений по поводу своеобразной русской денежной системы. Он отмечал, что теория и практика денежного дела знали только три вида обращения: 1) исключительно металлическое, т. е. обращение лишь звонкой монеты; 2) исключительно бумажное, т. е. бумажная валюта, вытеснившая звонкую монету; 3) смешанное, состоящее из звонкой монеты и равноценных ей, разменных на монету, бумажных денежных знаков. По господствующей в Западной Европе теории, для нормального денежного обращения характерны металлическое обращение и смешанное обращение. Исключительно бумажное денежное обращение свидетельствует о расстройстве денежной системы. Однако в России в течение продолжительного, почти 30-летнего, периода просуществовал еще четвертый вид денежного обращения, какого нигде никогда не было. Наш отечественный опыт доказал, что «смешанное денежное обращение может существовать не только в здоровом, но и в больном состоянии»³⁴⁰, т. е. при расстройстве денежной системы, когда бумажные деньги обесценены и неразменны, а звонкая монета ходит с очень высоким лажем, при этом существует лаж и на бумажные деньги.

По поводу указанных выводов рецензент данной работы М. В. Бернацкий заметил, что автор сделал бы свои теоретические обобщения более понятными и приемлемыми, если бы с большей подробностью остановился на специфических условиях возможности такой

³³⁶ См.: *Кауфман И. И.*: 1) Русский вес, его происхождение и развитие. СПб., 1906; 2) Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909; 3) Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910(2-е изд.: М., 2012); 4) Бумажные деньги в Австрии (1762–1911). СПб., 1913 и др.

³³⁷ *Буковецкий А. И.* Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 225–226.

³³⁸ *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег в России. С. 68.

³³⁹ Там же. С. 38.

³⁴⁰ Там же. С. 56–57.

патологической формы денежного обращения³⁴¹. М. И. Боголепов также отмечал преимущественно описательный и статистический характер исследований нашего автора: «Выдающийся описатель, добросовестный в крупном и мелочах, в области объяснения описываемых фактов, он иногда остается бессильным вскрыть глубокую причину явлений»³⁴².

Однако М. И. Бернацкий особо подчеркивал, что «в разбираемой работе материал выбран и расположен так удачно, что изучающий беспрерывно побуждается к теоретическим обобщениям и сопоставлениям с фактами современной действительности»³⁴³. В отношении второй части исследования «Законодательство о денежной единице и его значении для кредитных билетов» рецензент указал, что она является «прямо образчиком экономико-юридического анализа». Он настойчиво рекомендует ее для прочтения студентам из соображений академического характера³⁴⁴.

Практический вывод И. И. Кауфмана, легший в основу реформы, по мнению М. И. Бернацкого, является совершенно правильным, вытекающим из принципов нашего дореформенного денежного законодательства: «...кредитные билеты представляют обязательство государственного казначейства с серебряной валютой, которое оно предоставило себе исполнять платежом серебряной или золотой монетой: первую – по нарицательной цене, а вторую – по курсу, для того устанавливаемому в законодательном порядке»³⁴⁵.

Одной из последних опубликованных работ И. И. Кауфмана стало исследование «Бумажные деньги в Австрии (1762–1911)» (СПб., 1913). Ф. А. Меньков дал весьма лестную рецензию на данную работу. Рецензент признал его маститым ученым, который является одним из лучших знатоков денежного обращения в России и за границей. В его работе объясняется, когда и при каких обстоятельствах и на какие суммы приходилось прибегать к бумажным деньгам или к эмиссионной услуге банка. В исследовании также отражено, какими способами велась борьба с бумажно-денежной болезнью и с вытекающими отсюда затруднениями для народного и государственного хозяйств. Наконец, показано, какие финансовые жертвы для этого требовались и в какое положение это ставило финансы Австрии. По мнению рецензента, ответы на эти вопросы являются «образчиком финансово-экономического анализа».

Несмотря на обилие статистических таблиц и формул, книга читается с неослабевающим интересом, а постоянные и удачные сопоставления австрийских данных с историческими данными нашего денежного обращения подталкивают читателя к теоретическим обобщениям. Рецензент писал: «Темный и чрезвычайно запутанный вопрос – история австрийских финансов – несмотря на подавляющее обилие материала, под мастерским пером профессора Кауфмана облекается в живую и яркую картину эволюции австрийского бумажного денежного хозяйства, картину весьма часто в оригинальном освещении»³⁴⁶.

Стоит отметить, что у И. И. Кауфмана с детства было слабое здоровье, и в этом смысле уже переезд в северную столицу был большим риском. Кроме того, он работал фактически на износ, но сила духа некоторое время брала верх над слабостью тела. Однако уже с 1914 г. он практически не вел занятий из-за плохого состояния здоровья. Между тем для интеллекта это не было препятствием, и даже в последние минуты жизни он работал над статьей о денежном обращении. Умер ученый 26 декабря 1915 г. И. И. Кауфман еще его современ-

³⁴¹ См.: *Бернацкий М. И.* И. И. Кауфман. Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909 // Известия Санкт-Петербургского политехнического института. Т. XII. Отдел наук экономических и юридических. СПб., 1909. С. 399–405.

³⁴² *Боголепов М. И.* И. И. Кауфман (некролог) // Вестник Европы. 1916. Кн. 1. С. 437.

³⁴³ *Бернацкий М.* Указ. соч. С. 401.

³⁴⁴ Там же. С. 405.

³⁴⁵ *Кауфман И. И.* Из истории бумажных денег. С. 286.

³⁴⁶ *Меньков Ф.* Рец.: *Кауфман И.* «Бумажные деньги в Австрии 1762–1911» // Новый экономист. 1913. № 23. С. 11–12

никами признавался «лучшим знатоком денежного обращения в России»³⁴⁷, «наиболее авторитетным русским экономистом в вопросах денежного обращения»³⁴⁸. До последних дней он оставался членом Комитета финансов и членом Совета Государственного банка.

Выше мы уже говорили о том, что некоторые из государственных деятелей либо начинали с педагогической стези, либо совмещали государственную деятельность с преподаванием. Но наиболее рельефно, наряду с И. И. Кауфманом, связь чиновничьей и академической карьеры прослеживается в судьбе **Николая Корниловича Бржеского** (1860–1910). Выходец из белорусских дворян, вероятно, с польскими корнями, он родился 7 ноября 1860 г. в Минской губернии. Еще студентом юридического факультета Петербургского университета он подготовил исследование «Государственные долги России. Историко-статистическое исследование», которое было удостоено премии Топчибашева и напечатано в 1884 г. за счет университета. Н. К. Бржеский посвятил этот труд своему учителю профессору В. А. Лебедеву. В сокращенном варианте оно было переведено на немецкий и французский языки.

В данной работе впервые были собраны воедино и обобщены сведения о возникновении, развитии, составе и формах государственного долга России, начиная с первых займов московских государей XVI в. и заканчивая движением консолидированных долгов России с 1860 по 1884 г. (действительных с 1871 по 1882 г. и предполагаемых на 1883 и 1884 гг.). Главный интерес в этой книге представляли главы, посвященные займам московских государей в связи с общим финансовым строем той эпохи и консолидированным займам XVIII в.; подробно рассмотрены голландские займы Екатерины II. Автор писал, что история государственного долга России – это история его нарастания. Начавшись с ничтожной цифры в 2 млн гульденов, занятых Екатериной II на расходы первой Турецкой войны, он за сто с лишним лет вырос до гигантской цифры 5 и 1/3 млрд руб. Легкость, с которой Россия добывала за границей и у себя дома нужные ей средства посредством займов, как считал автор, объясняется в гораздо большей мере доверием к ее будущности, широкому развитию со временем ее экономической жизни, для которого имеются все данные благодаря громадным естественным богатствам. Однако в последнее время, отмечает Н. К. Бржеский, наблюдается упадок нашего кредита. И причину надо искать не столько в том, что наш долг велик, сколько в нестройности финансового хозяйства, постоянных дефицитах, а главное, в тревожной внутренней жизни России. Он приветствовал появление Указа от 1 января 1881 г. по упорядочению денежной единицы, сокращению количества кредитных билетов. Однако при этом отмечал недостаточность этих мер, полагая, что для поднятия государственного кредита важное значение имеют гласность и ясность в кредитных операциях государства, усовершенствование системы наших налогов в виде более равномерного распределения податной тягости между всеми классами общества³⁴⁹.

П. П. Гензель писал о том, что это исследование заслуживает внимания, имеет существенное значение, учитывая отсутствие на тот момент специальных монографий по русскому государственному долгу. Однако суровый критик отмечал неравномерность в расположении материала: если займы московских государей в связи с общим финансовым строем той эпохи и консолидированным займам XVIII в. изложены довольно полно, то история нарастания государственного долга в XIX в. – менее удачно и не так полно³⁵⁰.

Написание такой работы было прекрасным началом академической карьеры, и после окончания университета в 1883 г. он был оставлен на кафедре финансового права для под-

³⁴⁷ Бернацкий М. И. Указ. соч. С. 399.

³⁴⁸ Туган-Барановский М. И. Бумажные деньги и металл. Одесса, 1919. С. 99.

³⁴⁹ См.: Бржеский Н. К. Государственные долги России. СПб., 1884. С. 262–265.

³⁵⁰ См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. Толковый указатель к главнейшим сочинениям в русской и иностранной финансовой литературе // Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. Ярославль, 1907. № 4. С. 79.

готовки к профессорскому званию. Три года молодой ученый провел за границей, собирая материал для магистерской диссертации на тему «Податная реформа. Французская теория XVIII столетия». Она была представлена и защищена в Петербургском университете в 1888 г. (опубликована в виде книги в том же году). Как заявил автор, значение этой работы состоит не в ее практической значимости или осуществимости, а в тех идеях, которые продолжают сохранять свое значение и для истории, и для науки. Такого рода исследования полезны, потому что позволяют проследить постепенное развитие и решение вопроса о принципах правильного податного обложения³⁵¹.

В этом исследовании автор разъяснил, как и почему появились проекты и теории податной реформы во Франции, под влиянием каких условий и среди каких обстоятельств они развивались, каким целям они служили, во имя каких идей они были предложены и в каком отношении они находились к социально-политическим условиям жизни народа в данную эпоху. Ученый рассмотрел происхождение французских податных теорий XVIII в. с точки зрения окружающих политических, экономических и социальных условий старого порядка. Н. К. Бржеский констатировал неразрывную связь податной реформы с реформированием всей социально-экономической системы. Он сделал обоснованный вывод о том, что «только соответствующие изменения в важнейших сферах государственно-общественной жизни обуславливают возможность изменения основных принципов податной системы»³⁵².

П. П. Гензель отмечал, что Бржеский дал детальный обзор финансовой системы старого порядка, удачную характеристику «гуманитарных проектов податной реформы» (Вобан, Форбонне и др.), а также теории физиократов (Кенэ, Тюрго и др.); значительно слабее разработаны «философские» податные теории (Монтескье, Мирабо, Руссо), и особенно податная теория в «социальных системах» (Лавиконтери, Кондорсе и др.). Благодаря хорошему изложению, продолжает П. П. Гензель, книга Бржеского заслуживает внимания, хотя многие выводы вызывают спор, к тому же объяснение происхождения различных теорий часто представляется искусственным и недостаточно глубоким³⁵³.

Н. К. Бржеский избирается на должность хранителя статистического кабинета юридического факультета Петербургского университета, ведет практические занятия по статистике внешней торговли, публикует труды по финансовому праву³⁵⁴. Вероятно, такая ситуация не устраивала честолюбивого и талантливого юношу. В 1889 г. он резко меняет наметившуюся траекторию движения от приват-доцента к ординарному университетскому профессору и переходит на службу в Министерство финансов. Там он состоит сначала при Департаменте окладных сборов, с 1891 г. исполняет должность делопроизводителя Государственной канцелярии. В качестве приват-доцента (по совместительству) с 1890 по 1892 г. он читал параллельный курс финансового права в родном университете. Насколько нам известно, после этого преподавательской деятельностью он уже не занимался. Затем его служебная карьера пошла в рост: вице-директор Департамента окладных сборов, член Тарифного комитета Министерства финансов, а с 1902 г. — управляющий делами Финляндской Его Императорского Величества канцелярии³⁵⁵.

³⁵¹ См.: *Бржеский Н. К.* Податная реформа. Французские теории XVIII столетия. СПб., 1888. С. III.

³⁵² Там же. С. 61.

³⁵³ См.: *Гензель П. П.* Указ соч. С. 15–16.

³⁵⁴ См.: *Бржеский Н. К.*: 1) *Современные бюджеты и состояние государственного долга.* СПб., 1884; 2) *Финансовое положение главнейших государств Западной Европы.* СПб., 1885 и др.

³⁵⁵ См.: *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть его существования. 1869–1894.* Т. 1. СПб., 1896. С. 91–92; *Воронова Н. С.* Николай Корнилович Бржеский // *Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет.* М., 2009. С. 121–129; *Министерство финансов. 1802–1902.* Ч. 1. СПб., 1902. С. VI–VIII.

Согласно известному высказыванию выдающегося педагога и юриста К. Д. Ушинского «производство в генералы погубило у нас не одного хорошего профессора». Пример Н. К. Бржеского говорит об обратном, так как свои основные работы, включая докторскую диссертацию он подготовил, будучи высокопоставленным чиновником. К тому же ученый активно публиковал свои статьи по финансовому праву в периодических изданиях, а с 1887 по 1893 г. вел иностранное финансовое обозрение в «Вестнике финансов, промышленности и торговли». В 1897 г. в Казанском университете он защитил докторскую диссертацию по финансовому праву по монографии «Недоимочность и круговая порука сельских обществ. Историко-критический обзор действующего законодательства в связи с практикой крестьянского податного дела» (СПб., 1897). Монография посвящена С. Ю. Витте. Материалы для данного исследования он собирал во время поездки, совершенной по поручению министра С. Ю. Витте, в недоимочные губернии для ознакомления с деятельностью податных инспекторов по наблюдению за поступлением в казну окладных сборов с крестьян. Целью исследования являлось рассмотрение вопроса, в какой мере развитие и современное положение недоимочности сельских обществ обуславливается именно несовершенством узаконений о взимании с крестьян окладных сборов и взыскании недоимок. Автор выясняет исторические условия возникновения и введения в наше податное законодательство начал круговой поруки крестьян за недоимки, начиная с XVI в. В результате исследования он приходит к выводу о том, что общей причиной роста податной задолженности сельских обществ следует признать несовершенство законов, которыми определяются как постановка податного дела в сельских обществах, так и условия, порядок взыскания недоимок, которые были введены положениями от 19 февраля 1861 г.

Решающей действительной причиной появления и развития крестьянской податной задолженности, по мнению Н. К. Бржеского, является круговая порука, созданная положениями 19 февраля 1861 г.³⁵⁶ Круговая порука в том виде, как она у нас существует, пишет автор, не соответствует требованиям правильной податной политики. Во-первых, субъект подати не обособлен, субъектом по закону является сельское общество. Преобразование крестьянской податной системы с установлением личной ответственности, по мнению ученого, представляется делом крайне необходимым. Во-вторых, объектом подати признается земля, однако во многих случаях чистого дохода с земли не получается. В-третьих, основное требование всякой благоустроенной податной системы заключается в точном определении в самом законе суммы налога, оснований раскладки, времени взимания, ответственности за несвоевременный платеж и способов обжалования. Как раз в крестьянском податном деле, по словам автора, все эти элементы являются неопределенными³⁵⁷. Таким образом, автором определены основные направления реформы в крестьянском податном деле.

С проблемой обложения крестьян были связаны и другие его исследования³⁵⁸. Так, рассматривая проблему натуральных повинностей крестьян (подводная, по тушению лесных пожаров, дорожная повинность и др.), автор приходит к выводу о том, что они являются, по сути, налогом неравномерным и несправедливым, что подтверждается расчетами автора и приведенными статистическими данными. Н. К. Бржеский считал, что эти натуральные повинности служат удовлетворению общегосударственных и общесословных потребностей, поэтому несправедливо к их отбыванию привлекать лишь одно крестьянское сословие³⁵⁹.

³⁵⁶ См.: *Бржеский Н.* Недоимочность и круговая порука сельских обществ. СПб., 1897. С. 397.

³⁵⁷ Там же. С. 410–413.

³⁵⁸ См.: *Бржеский Н. К.*: 1) Общинный быт и хозяйственная необеспеченность крестьян (по поводу пересмотра крестьянских положений). СПб., 1899; 2) Крестьянские семейные разделы и Закон 18 марта 1886 г. СПб., 1900; 3) Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902; 4) По поводу предстоящего пересмотра Устава о земских повинностях. СПб., 1902; 5) Очерки аграрного быта крестьян. Вып. 1. СПб., 1908 и др.

³⁵⁹ См.: *Бржеский Н.* Натуральные повинности крестьян и мирские сборы. СПб., 1906. С. 91–92.

Аналогичная ситуация складывается и в отношении мирских сборов (на содержание сельского и волостного управления, на пожарное дело, на народное образование и др.). Автор писал, что «если крестьянство, как особое сословие, привлекается к несению таких повинностей в пользу государства, от которых освобождены все другие сословия, то создается элемент неравенства, вредно отражающийся на всем складе народной жизни»³⁶⁰. Автор ратовал за преобразование мирских повинностей в тесной связи с пересмотром действующего законодательства о крестьянах. Крестьянин должен быть подведен под общие нормы, установленные для всех других граждан, к каким бы сословиям они ни принадлежали. Должно быть полное слияние крестьянства со всеми другими сословиями в государстве на почве общих прав, общих судебных и административных учреждений. На смену мирским повинностям должны прийти земские, где главным источником дохода земских единиц должно выступать обложение земли и недвижимых имуществ, согласованное с доходностью. С течением времени, по прогнозу Н. К. Бржеского, по мере усовершенствования нашей податной системы расходы земств на надобности общегосударственного управления переходили бы на казну, и тогда местные средства уже полностью обращались бы на удовлетворение местных потребностей³⁶¹.

Николай Корнилович осуществлял общее редактирование юбилейного труда «Министерство финансов. 1802–1902» (в 2 ч., СПб., 1902), о котором говорилось выше, и был автором разделов, посвященных прямым налогам. Вероятно, он был одним из самых плодовитых публикаторов научных исследований из числа чиновников Министерства финансов. Как нам представляется, он был готов к занятию высших должностей по государственной службе, однако что этому помешало и как развивалась в дальнейшем его служебная карьера, нам достоверно не известно.

Также одним из самых публикуемых исследователей в сфере финансового права был чиновник для особых поручений Министерства финансов, ближайший советник и спичрайтер С. Ю. Витте **Александр Николаевич Гурьев** (1864 – после 1918). Его отец, известный педагог и публицист Моисей Гурвич (?-1870), преподавал русский язык в еврейских училищах в Вильно (современный Вильнюс, Литва). Он был автором «Русской грамматики» (Вильно, 1866), которая выдержала несколько изданий. После принятия христианства его отец принял имя Николая Петровича Гурьева, и вскоре вся семья переехала в Петербург. Александр Николаевич в 1888 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, после чего был оставлен на кафедре финансового права для подготовки к профессорскому званию. Ученик В. А. Лебедева.

По некоторым данным, он в 1891 г. защитил магистерскую диссертацию по финансовому праву³⁶², хотя по справочной литературе он не числится ни в магистрах финансового права, ни в магистрах политэкономии³⁶³. Нет и крупной публикации исследователя 1890 или 1891 гг., которую можно было бы считать магистерской диссертацией. Возможно, речь идет о сдаче магистерского экзамена по финансовому праву. Почти одновременно с С. Ю. Витте он пришел в Министерство финансов, где был чиновником для особых поручений, членом Ученого комитета (1889–1903). В этом качестве А. Н. Гурьев участвовал в подготовке и проведении денежной реформы 1895–1897 гг. Его перу принадлежат первые статьи в периодической печати и брошюры, разъясняющие сущность Указа о чеканке золотых империала и

³⁶⁰ Там же. С. 218.

³⁶¹ Там же. С. 219.

³⁶² См.: Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 469 (прим.).

³⁶³ См.: Кричевский Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918). Биографический указатель. Ставрополь, 1998. С. 198–199.

полуимпериала (достоинством соответственно 15 руб. и 7 руб. 50 коп.)³⁶⁴. Позднее он опубликовал исторические очерки о денежном обращении в России в XIX в. и о развитии государственного долга России³⁶⁵.

В 1901 г. он занимал должность члена-секретаря Ученого комитета Министерства финансов, т. е. был официальным руководителем этого комитета, стал действительным статским советником. Будучи членом Ученого комитета, он пишет немало брошюр по вопросам, которые представляли особую актуальность и значимость в деятельности Министерства финансов. Речь идет о питейной монополии, о прямых и косвенных налогах, о реформе Государственного банка, развитии кредитных учреждений³⁶⁶. Так, рассматривая вопрос о прямых и косвенных налогах, он в научно-популярной форме дает лаконичную, но емкую сравнительную характеристику прямых и косвенных налогов, выстраивая аргументы «за» и «против». В результате проведенного сравнения этих налогов он приходит к выводу о том, что при существующем положении вещей нельзя идеализировать ни прямую, ни косвенную систему обложения, а нужно пользоваться и той и другой в тех пределах и для тех целей, для каких оба эти аппарата пригодны. По мнению автора, нужно придерживаться золотой середины, нельзя ставить дилемму «или-или». И здесь А. Н. Гурьев приводит высказывание «великого государственного деятеля, премьер-министра Англии. Гладстон в одной из своих парламентских речей сказал: спор о прямых и косвенных налогах подобен спору о том, какие женщины лучше: блондинки или брюнетки. Не знаю, как прочим, но мне – нравятся и те, и другие»³⁶⁷. А. Н. Гурьев был согласен с таким подходом к налоговой системе.

В связи с разработкой в недрах Минфина проекта о введении казенной винной монополии А. Н. Гурьев анализирует позиции сторонников и противников. Сам он настаивал на необходимости введения винной монополии, отмечая ее финансовое, экономическое и общественное значение. Так, финансовое значение винной монополии связывалось, в частности, с ее «громадной фискальной выгодой в отношении возможности, в случае надобности, возвысить размер налога простым поднятием цен». Экономическое значение питейной монополии состояло, по его мнению, в благоприятном влиянии на многие стороны экономической жизни (развитие винокуренной отрасли, поддержка сельского хозяйства). В отношении общественной значимости питейной монополии автор писал, что она может в значительной степени ослабить губительные последствия народного пьянства путем снабжения населения исключительно очищенным вином и уничтожения особых «коммерческих» оснований раздробленной продажи по кабакам³⁶⁸. Далее А. Н. Гурьев разобрал подробнейшим образом возражения против питейной монополии. Так, противники ее введения писали о том, что ни в одном западноевропейском государстве (кроме Швейцарии) она не введена, да и попытки ее введения в России в 1819 г. оказались несостоятельными, и в 1827 г. взамен была введена откупная система. На что автор отвечал, что в России в отличие от Запада питейная монополия есть и еще долгое время будет фундаментом всего бюджета. Он писал, что «ни одно из возражений не имеет такой силы, чтобы отклонить попытку введения монополии. Ведь треть государственного бюджета – это не какая-нибудь пустошь, кото-

³⁶⁴ См.: Гурьев А. Н.: 1) Реформа денежного обращения в России: В 2 ч. СПб., 1896; 2) Материалы для библиографии русской экономической литературы по денежному вопросу. СПб., 1896.

³⁶⁵ См.: Гурьев А. Н.: 1) Реформа денежного обращения. СПб., 1896; 2) Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. СПб., 1903; 3) Очерк развития государственного долга России. СПб., 1903.

³⁶⁶ Гурьев А. Н.: 1) Питейная монополия. СПб., 1893; 2) Прямые и косвенные налоги. Pro и contra. СПб., 1893; 3) К реформе Государственного банка. СПб., 1893; 4) К реформе крестьянского банка. СПб., 1894; 5) Записка о промышленных банках. СПб., 1900; 6) Природа, население, капитал – три фактора народного производства. Популярный очерк. СПб., 1903; 7) Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904 и др.

³⁶⁷ Гурьев А. Н. Прямые и косвенные налоги. Pro и contra. С. 120.

³⁶⁸ Гурьев А. Н. Питейная монополия. С. 51.

рую не стоит обрабатывать... Мы далеки от мысли считать питейную монополию совершенно лишенной недостатков... Но позволительно спросить: разве акцизная система не имеет своих недостатков, да еще каких? Да и вообще, какой налог идеальный?»³⁶⁹. Не случайно свою работу, посвященную обоснованию необходимости перехода от системы взимания акциза при производстве спирта и патентного сбора с заведений, торгующих вином, к системе монополизации в руках казны самого торгового виноделия, автор начинает с высказывания известного нам Р. Пиля: «В деле финансов – нужна смелость».

Следует также отметить, что А. Н. Гурьев перевел с немецкого и выступил редактором трудов ряда известных финансистов (Р. фон Кауфман, К. Менгер, М. Грунвальд, Т. Гертцка, Б. Фельдеш и др.)³⁷⁰.

В 1903 г. вместе с С. Ю. Витте он увольняется из Министерства финансов. Затем он редактировал правительственный официоз «Русское государство» (приложение к «Правительственному вестнику»), в 1906 г. был сотрудником официоза «Россия», активно печатался в «Новом времени», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Слове». В 1913–1914 гг. он издал пять книг юмористических рассказов. Надо отметить, что финансист обладал отменным чувством юмора и его рассказы и в настоящее время читаются с большим интересом.

В публицистических кругах он имел говорящее прозвище «перо министра», советника С. Ю. Витте по «литературно-финансовым делам», поскольку, по меньшей мере, помогал последнему в подготовке его работ по проблемам финансов. Александра Николаевича постоянно именовали то протеже, то клеветником министра финансов. Сотрудничали они и после ухода Сергея Юльевича из большой экономической политики, когда А. Н. Гурьев стал одним из главных сотрудников его литературного штаба. Даже известный случай раскрытия покушения черносотенцев на отставного премьера связан с его именем. Бомба на втором этаже дома С. Ю. Витте была подброшена через дымоход в печку, а обнаружена была после попытки эту печку растопить. Такая нужда в большом доме бывшего главы правительства возникла в связи с тем, что к нему пришел А. Н. Гурьев для работы над некоторыми документами, предоставленными ему из архива хозяина дома³⁷¹.

Следы ученого теряются в послереволюционном Петрограде³⁷², и можно только гадать о том, как сложилась его дальнейшая судьба. Его доклад «Урегулирование денежной системы», произнесенный 5 апреля 1918 г., был опубликован³⁷³, как и ряд других статей, в периодических изданиях. Так, 22 апреля 1918 г. А. Н. Гурьев предложил проект денежной реформы Совещанию по банковской политике, однако он был признан практически неприемлемым³⁷⁴.

Еще одним из сподвижников С. Ю. Витте и его преемником во главе Министерства финансов в 1905–1906 гг. был *Иван Павлович Шипов* (1865–1919), также отметившийся научными публикациями по финансовому праву³⁷⁵.

³⁶⁹ Там же. С. 80–81.

³⁷⁰ См.: *Кауфман Р.* Государственные и местные расходы главнейших европейских стран по их назначениям. СПб., 1895; *Менгер К.* Исследования о методах социальных наук и политэкономии в особенности. СПб., 1895; *Гертцка Т.* Вексельный курс и лаж. По вопросу о восстановлении металлического обращения. СПб., 1895; *Грунвальд М.* Принудительный курс и восстановление валюты в Италии. СПб., 1896; *Фельдеш Б.* Охрана металлических запасов. К вопросу о восстановлении металлического обращения. СПб., 1896 и др.

³⁷¹ Подробнее об этой истории см.: *Витте С. Ю.* Указ. соч. С. 624–630.

³⁷² Последняя известная нам дореволюционная публикация А. Н. Гурьева датируется 1915 г. (см.: О проекте выпуска новых билетов Государственного казначейства).

³⁷³ См.: Вопросы денежного обращения. Доклады М. В. Бернацкого, А. Н. Гурьева, А. Н. Закаидра. Пг., 1918. С. 182–197.

³⁷⁴ См.: Торгово-промышленная газета. 1918. 24 и 27 апреля.

³⁷⁵ Подробнее о нем см.: *Лушникова М. В., Лушников А. М.* Наука финансового права на службе государству. Ярославль, 2010. С. 234–236.

В заключение отметим, что в итоге масштабных преобразований конца XIX в., связанных с именем С. Ю. Витте, в России был завершен промышленный переворот, однако последствия экономических преобразований были противоречивыми. Столь противоречивым было развитие и финансово-правовой мысли российскими государственными деятелями. С одной стороны, научная основа способствовала успеху денежной реформы 1895–1897 гг. и ряду других финансовых преобразований. С другой стороны, масштаб финансовых исследований сдерживался отсутствием подлинной свободы слова, зачаточным народным представительством и рядом идеологических запретов. Но даже в этих условиях были подготовлены исследования по финансовому праву, ряд из которых были на уровне лучших западных аналогов.

6.2. От умеренных народников до умеренных монархистов (И. С. Блюх, В. Е. Варзар, Н. Е. Гиацинтов, К. Я. Загорский, Н. Н. Покровский, В. Т. Судейкин и др.)

Среди российских ученых – специалистов в сфере финансового права были ученые, придерживающиеся самой различной политической ориентации. Большинство из них были достаточно умеренными консерваторами, а некоторые – еще более умеренными либералами. На крайних флангах находились В. Е. Варзар, который в юности примыкал к народническому движению, а также Н. Е. Гиацинтов, которого можно считать последовательным, хотя и умеренным, монархистом. Среди персонажей этого параграфа были и бывшие сотрудники С. Ю. Витте, однако они занимали свои посты в Министерстве финансов как до прихода туда С. Ю. Витте, так и после его ухода в отставку. В целом их нельзя назвать креатурой всесильного министра финансов, хотя некоторое влияние на них он, несомненно, оказывал.

Бурный рост экономики и раскрепощение предпринимательской инициативы в последней четверти XIX в. породили новый тип чиновников-ученых, карьера которых начиналась с бизнеса. Одним из первых представителей такого типа стал **Иван Stanisлавович Блюх** (1836–1901), который был одновременно коммерции-советником, а впоследствии и действительным статским советником. Родился 24 июля 1836 г. в Варшаве. Окончил Берлинский университет, перешел из иудаизма в христианство и поступил на службу в банковскую контору в Варшаве. После этого он активно занялся предпринимательской деятельностью, достиг должности председателя правления Юго-Западных железных дорог, где вице-президентом был будущий министр финансов И. А. Вышнеградский. Иван Stanisлавович выступил организатором Варшавского коммерческого банка, стал владельцем банкирского дома, директором целого ряда товариществ и коммерческих обществ. В то время его считали одним из самых богатых людей на Западе России, владельцем многомиллионного состояния. Всю эту бурную предпринимательскую деятельность он смог совместить с занятиями научными исследованиями, что, в свою очередь, привело его с 1877 г. в Министерство финансов, где он стал членом Ученого комитета.

Однако в петербургском обществе к нему относились с предубеждением, ходили слухи о том, что он брал под проценты суммы из благотворительных капиталов для их «прокрутки» и т. п.³⁷⁶ С. Ю. Витте, тесно соприкасавшийся с И. С. Блюхом еще в бытность совместной работы в правлении Юго-Западных железных дорог, так писал о нем: «Блюх был человек по природе неглупый, в высшей степени образованный и талантливый, но с недостатком, так сильно присущим большинству евреев, а именно со способностью зазнаваться и с большой долей нахальства... Он уже совсем зазнался и гораздо больше занимался другими делами...

³⁷⁶ См.: Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 168.

политикой и научными трудами. Все его труды писались не им, а писались различными писателями специалистами за деньги, которые он им платил. Сам же Блюх только составлял, и то с помощью своих сотрудников, программу тех трудов, которые он предлагал издать». С. Ю. Витте прямо заявил, что труд «История русских железных дорог» был написан не Блюхом и привел в подтверждение анекдотический случай. Когда С. В. Кербедз, известный инженер, знавший Блюха с юности, получил от него в подарок экземпляр «История русских железных дорог», то спросил: «А скажи, пожалуйста, Иван Станиславович, ты сам прочел эти книги?»³⁷⁷ Блюх данным вопросом был очень обижен.

Представляется, что в этих словах изрядная доля преувеличения. Идеологом и автором замысла всех его трудов, их редактором был именно И. С. Блюх. Но так же очевидно, что эти многотомные труды при занятости бизнесом он один написать не мог. Напомним, что тогда не только не было Интернета, но и не публиковались в открытой печати основные материалы для анализа. Подготовка таких трудов требовала предварительной многомесячной работы в архивах, в которые было трудно попасть, а еще труднее найти и получить нужный материал. Вероятно, у него были помощники, которых в советский период не очень политкорректно именовали «литературными неграми». В любом случае отрадно, что крупный предприниматель тянулся к проблемам большой науки, и не зря. Как бизнесмена его знает только узкий круг, зато изданные им труды известны практически всем специалистам по социально-экономической истории России второй половины XIX в.

В 1878 г. И. С. Блюх издает в пяти томах исследование «Влияние железных дорог на экономическое состояние России», где рассматривались, в том числе, вопросы железнодорожного тарифа. Это сочинение «дает полную и обстоятельную картину финансов русского государства в 1860-х и 70-х годах и вкратце знакомит с условиями концессий и образования капиталов русских железнодорожных обществ»³⁷⁸. Отметим, что ранее он уже опубликовал «Исследование по вопросу о взимании русскими железными дорогами провозных плат в металлической валюте» (СПб., 1877). В нем он прямо затронул проблемы денежного обращения.

И. С. Блюх исследовал историю русских финансов, работая в архиве Министерства финансов. Результатом этого стало фундаментальное исследование о финансах России XIX в. и ряд других публикаций³⁷⁹. В предисловии к четырехтомному изданию «Финансы России XIX столетия» автор особо отметил значение гласности в деле государственных финансов и ратовал за необходимость народно-общественного контроля в деле ведения государственного хозяйства. Ученый являлся сторонником не только государственного, но и общественного контроля за государственными финансами.

Он писал о том, что «обнародование государственных росписей и извлечений из отчетов государственного контроля, впервые предпринятое по просвещенному почину М. Х. Рейтерна и В. А. Татаринова, продолжается и при их преемниках»³⁸⁰. Автор определил и цель своего исследования. По его мнению, «история финансов не только представляет интерес для науки, но и дает практические указания относительно будущности русского финансового хозяйства»³⁸¹.

Первый том исследования охватывает период до Крымской войны, причем вкратце затронута эпоха, предшествующая XIX в. Во втором томе повествование доведено до

³⁷⁷ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 89.

³⁷⁸ Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 36.

³⁷⁹ См.: Блюх И. С.: 1) Финансы России XIX столетия. Т. 1–4. СПб., 1882; 2) Финансы Царства Польского с 1 июня 1815 г. по 31 декабря 1866 г. СПб., 1897; 3) Устройство финансового управления и контроля в России в историческом их развитии. СПб., 1881 и др.

³⁸⁰ Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. Т. 1. СПб., 1882. С. 2.

³⁸¹ Там же. С. 3.

1882 г. Это было небеспристрастное, по словам автора, исследование, «не взгляд постороннего», а попытка выяснить: «В чем заключаются причины подобной беспочвенности прежних финансовых преобразований? Почему предпринимавшиеся правительством реформы финансового хозяйства не приносили тех плодов, каких оно ожидать было вправе? Вследствие каких обстоятельств вводившиеся, с целью улучшения экономического положения государства, мероприятия не сопровождались благоприятными результатами?»³⁸² Строго хронологическое изложение материала не носит характер справочника, так как постоянно прослеживается личное отношение, авторская оценка финансовых реформ и их творцов. Так, рассматривая «План финансов» М. М. Сперанского и его практическую реализацию в Манифестах от 25 июля 1810 г., 25 июня 1811 г. и иные меры, он писал о громадном их значении для истории финансов. Ученый подчеркивал, что только с этого времени начинается более-менее правильное счетоводство и «представляется возможность следить за финансовыми оборотами и их последствиями, а также издаваемыми по части государственного хозяйства узаконениями»³⁸³. Иначе оценивалась финансовая политика министра финансов Д. А. Гурьева. И. С. Блюх писал, что этот министр вводил государство в заблуждение своим «все обстоит благополучно», в то время как казна была в двух шагах от полного банкротства.

Третий том рассматриваемого исследования был посвящен системному изложению истории отдельных налогов: прямых и косвенных. Причем более подробно рассмотрены косвенные налоги, история табачного, соляного и питейного доходов, преимущественно со статистической и догматической точек зрения. В конце третьего тома приложены две графические таблицы, иллюстрирующие государственные доходы России в 1866–1881 гг. и положение государственного долга с 1802 по 1877 г. Четвертый том посвящен истории государственных расходов России, к нему также приложен ряд графических таблиц. Как отмечал сам автор, третий и четвертый тома его исследования содержат подробное историко-статистическое обозрение государственных доходов и расходов, поэтому эти два тома предназначены «уже не для цельного чтения, а для справок». Изложение истории финансов сопровождается статистическими таблицами не случайно, так как, по словам И. С. Блюха, «в финансовой истории доказательней и красноречивее всего говорят все-таки сами цифры»³⁸⁴.

По заданию правительства он занялся проблемами кредитования сельского хозяйства³⁸⁵. В данном случае И. С. Блюх показал себя сторонником увеличения вложения государственных средств в сельское хозяйство, финансовой поддержки коллективных форм ведения хозяйства, прежде всего сельскохозяйственных артелей. Кроме того, он являлся автором многочисленных публикаций по финансовому праву в периодических изданиях.

В последние годы жизни он увлекся идеей всеобщего мира и разоружения, писал об этом в своих книгах и статьях. Так, И. С. Блюх оставил свой след и в военной теории, так как в своем шеститомном труде «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях» (СПб., 1898–1899) ученый во многом предугадал характер Первой мировой войны. В западной литературе его традиционно именуют «военным теоретиком»³⁸⁶. Отметим, что названная выше книга И. С. Блюха была переведена на французский, немецкий и английский языки и вызвала широкий общественный резонанс. С. Ю. Витте подчеркивал, что к таким изысканиям Блюха подтолкнуло желание прославиться, а эти труды он «писал или, вернее, ему писали, а он под своей фамилией издавал»³⁸⁷. Однако устремления финан-

³⁸² Там же. С. 4.

³⁸³ Там же. С. 109.

³⁸⁴ Там же. С. 8.

³⁸⁵ См.: Блюх И. С. Мелиорационный кредит и состояние сельского хозяйства в России и иностранных государствах. СПб., 1890 (2-е изд. 1896 г.).

³⁸⁶ См.: Киган Д. Уиткрофт Э. Кто есть кто в военной истории. М., 2000. С. 48.

³⁸⁷ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 223.

систа и исследователя были более бескорыстными. К идее всеобщего мира ему удалось привлечь внимание даже царя Николая II и царицы Александры Федоровны. При этом И. С. Блюх посещал все конференции о мире и предлагал устроить в Швейцарии соответствующий музей. Однако этим благородным замыслам не суждено было сбыться. Умер он 25 декабря 1901 г.

Видное место среди ученых-чиновников занимает **Василий Егорович Варзар** (1851–1940), один из первых русских земских статистиков, основоположник промышленной статистики в России, экономист. Он был сыном подполковника русской армии, выходца из молдавских дворян, осевших в Черниговской губернии.

В 1874 г. он окончил Петербургский технологический институт, слушал лекции Н. Х. Бунге в Киевском университете. В 1873 г. от Технологического института В. Е. Варзар посылается на Венскую всемирную выставку, посещает Париж и Швейцарию. В Цюрихе он познакомился с одним из идеологов народничества П. Л. Лавровым, примкнул к народническому движению, а по возвращении в Россию принял участие в «хождении в народ». Его перу принадлежит брошюра «Хитрая механика» о налоговой политике правительства, которая имела успех в левых кругах. Впервые она была опубликована в Лондоне в 1874 г., а затем неоднократно переиздавалась, причем при переизданиях переделывалась и дополнялась различными издателями, по словам автора, «приправлялась по вкусу издателей революционной солью и перцем».

В. Е. Варзар писал в своих воспоминаниях, что в одном из позднейших изданий он с трудом узнавал взятые из его текста страницы. Добавления к тексту почти удвоили объем издания, приводились уже соображения по поводу винной монополии (1894) или Японской войны (1904)³⁸⁸. Издание «Хитрой механики» 1906 г. вышло под названием «О налогах» и сопровождалось революционным эпиграфом: «В борьбе обретишь ты право свое».

В рассматриваемой брошюре тогда еще студент В. Е. Варзар, по его собственным словам, без подделки под «народный язык», но и без теоретических изысков попытался изложить теорию прямых и косвенных налогов как формы эксплуатации правящего класса³⁸⁹. По форме «Хитрая механика» – это диалоги и рассуждения умудренного опытом крестьянина Степана. Так, в отношении косвенных налогов (гербовый сбор, сбор за право торговли, таможенные пошлины, горная подать) последний пояснял собеседнику, что «вся механика так подведена, что фабрикант ли, кабатчик ли, купец ли подать заплатит, а все она в конце концов из мужицкого кармана вынется... Эта подать тяжелее подушной подати»³⁹⁰. О выкупных платежах за землю мудрый Степан высказался без обиняков: «Коли посчитать, то крестьяне раза в три больше выплатили, чем земля стоит... Эта подать называется прямою, значит, грабят тебя не косвенно, а прямо, без подвохов... прямой грабеж, то бишь прямой налог»³⁹¹. В качестве выводов звучат суждения Степана о том, что «это везде и всегда было и будет, что кто богаче, тот от податей всегда будет льготен, а всю ту тяжесть на бедных возложат». А на вопрос собеседника: «Что делать?», ответ Степана: «Надо добиться, чтобы без воли народной никто не смел писать законов, накладывать податей или налогов. Законы должны быть для всех равные...»³⁹²

В 1875–1878 гг. он занимал должность статистика Черниговской земской управы и находился на других должностях, был председателем Черниговского отдела Общества вза-

³⁸⁸ См.: Варзар В. Е. Воспоминания старого статистика. Ростов н/Д, 1924. С. 7.

³⁸⁹ См.: Там же.

³⁹⁰ Кто и как дешево добывает деньги. Рассказ бывалого человека. СПб., 1876. С. 8. (Анонимное нелегальное издание брошюры Варзара «Хитрая механика». Правдивый рассказ откуда и куда идут деньги). Цензурная пометка: указание типографии и места издания вымышленно.

³⁹¹ Там же. С. 14–15.

³⁹² Там же. С. 22.

имного кредита. Сам В. Е. Варзар в своих воспоминаниях писал, что с 1878 по 1892 г. «был рабочей земской лошадей, участвовал во всех собраниях, комиссиях и работах местных общественных учреждений и журналов этих учреждений... Повседневная текущая работа: земское школьное дело, земская медицина, улучшение дорог, земельная мелиорация, устройство водопровода и т. п. – все это втягивало в мелочную, но полезную деятельность»³⁹³.

Особенно его интересовал земельный и кустарный крестьянский кредит. С проблемами кредитования были связаны и его научные изыскания³⁹⁴. После подачи на имя министра финансов Н. Х. Бунге записки о необходимости учреждения Государственного земельного банка молодой ученый встретился с министром в 1882 г. и даже получил приглашение на должность помощника только что учрежденного Крестьянского поземельного банка. Однако этому назначению воспротивилась полиция, так как он относился «к явно неблагонадежным лицам». После этого он продолжил трудиться гласным уездного и губернского земских собраний и Черниговской городской думы. В 1890 г. В. Е. Варзар по поручению В. И. Ковалевского, директора Департамента торговли и мануфактур, сподвижника С. Ю. Витте, разрабатывал вопрос об основаниях для правильного налогообложения промышленных заведений. Этот вопрос был первоочередным и для Министерства финансов. Старая система гильдейского сбора устарела, и для реформы промыслового налога исследователь предложил как основание патентного промыслового налога внешние признаки мощности промышленных заведений: определенные орудия производства и число рабочих. Записка В. Е. Варзара была напечатана и одобрена министром и должна была лечь в основание предстоящей податной реформы, а ее автору предоставлялись широкие полномочия по разработке законопроекта. Но Департамент государственной полиции опять не согласился на назначение В. Е. Варзара по причине его политической неблагонадежности. Подозрения в неблагонадежности по его прошению с провинциального служащего снял в 1892 г. лично глава МВД И. Н. Дурново, знавший его по Черниговскому уезду, где у министра было поместье.

В 1892–1916 гг. Василий Егорович – фабричный инспектор в Риге, затем старший фабричный инспектор в Ревеле (современный Таллин), работник центрального аппарата Министерства финансов, одновременно в 1905–1913 гг. читал лекции на статистических курсах МВД. В должности фабричного инспектора при Министерстве финансов, а затем при Министерстве торговли и промышленности он пробыл почти 24 года, занявшись, главным образом, работой по промышленной статистике России³⁹⁵.

Стоит отметить, что практически одновременно с принятием первых социально-страховых законов он начал проводить статистические исследования, позволяющие определить эффективность их применения. В этой части его приоритет очевиден. Ученый обобщал статистические сведения о результатах социального страхования работников по закону 1903 г. и в частных страховых обществах³⁹⁶. В 1917 г. Василий Егорович был управляющим отделом промышленности Министерства труда Временного правительства, членом комиссии, образованной при этом отделе³⁹⁷. В. Е. Варзар принимал участие, начиная с середины 90-х

³⁹³ Варзар В. Воспоминания старого статистика. С. 9.

³⁹⁴ См.: Варзар В.: 1) Быть или не быть Обществу взаимного поземельного кредита. СПб., 1882; 2) Какой кредит нам нужен. Чернигов, 1891 и др.

³⁹⁵ См.: Списки фабрик и заводов Российской империи за 1900 и 1908 гг. / Под ред. В. Е. Варзара. В 2 т. СПб., 1903, 1910; Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности России за 1908 год / Под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1910 и др.

³⁹⁶ См.: Варзар В. Е.: 1) Статистические сведения о результатах применения закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев на фабриках и заводах, подчиненных надзору фабричной инспекции за трехлетие 1904–1906 гг. СПб., 1908; 2) О некоторых недостатках условий страхования рабочих в частных страховых обществах // Труды Высочайше разрешенного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Т. III. Вып. V. СПб., 1897.

³⁹⁷ РГИА. Ф. 1600. Он. 1. Д. 3. Л. 46 (обр.).

гг. XIX в., в работе практически всех государственных комиссий по разработке актов социально-страхового законодательства.

Под его руководством с 1892 г. разрабатывалась система налогообложения предпринимателей, заменившая в 1898 г. архаичную гильдейскую систему. Основанием патентного промыслового налога признавались внешние признаки или критерии для оценки мощности промышленного предприятия: орудия производства и число рабочих. В 1900 и 1908 гг. под его руководством проведены два первых статистических обследования промышленных предприятий. Подготовленные им статистические сведения использовались в целях увеличения эффективности налоговой системы и проводились по инициативе Министерства финансов³⁹⁸. Василий Егорович был одним из первых исследователей статистики забастовок в России. Его труды по этой тематике можно считать классическими³⁹⁹. Они заслужили высокую оценку как представителей царской администрации, так и В. И. Ленина. Ряд работ В. Е. Варзар опубликовал под псевдонимами: Иванов, Андрей, Васильев С, Тарпыгин Ф. У., Бывалый человек.

В советский период он работал в Петрограде, Киеве, Ростове-на-Дону. С 1925 г. – в органах ВСНХ и Центрального статистического управления, при этом не переставал интересоваться проблемами финансов⁴⁰⁰. Впоследствии занимался преподавательской работой. Его профессиональные качества и научная порядочность оказались востребованными при любой власти в России. Умер он 29 сентября 1940 г. в возрасте почти 90 лет.

Два следующих персонажа нашей книги связаны общностью научных интересов к железнодорожным тарифам и причастностью к службе в Министерстве финансов.

Николай Егорович Гиацинтов (1857–1941 (по другим данным, 1940)). Родился в семье генерала русской армии, окончил юридический факультет Московского университета (1880). Ученик И. И. Янжула. В 1888 г. защитил магистерскую диссертацию по политэкономии в Петербургском университете по монографии «Основания организации тарифного дела на железных дорогах» (М., 1887). Некоторое время он служил в Государственном контроле, был членом Тарифного комитета этого ведомства. Затем С. Ю. Витте пригласил его в Министерство финансов, где он стал чиновником для особых поручений, затем – вице-директором (с 1902) и директором (1909–1916) Департамента железных дорог Министерства финансов и председателем Тарифного комитета, получил чин тайного советника (1913). Он подготовил ряд заметок по конкретным финансовым проблемам, связанным с эксплуатацией железных дорог⁴⁰¹, а также несколько рецензий на исследования по аналогичным проблемам, в том числе на книгу К. Я. Загорского⁴⁰², о котором будет сказано ниже. Так, он был сторонником государственного управления железнодорожными тарифами. Установление тарифов он считал произведением искусства, в тарифах должны сочетаться потребности как железных дорог, так и всего общества, удовлетворяться различные нужды населения.

³⁹⁸ См.: Варзар В. Е. Статистические сведения по фабрикам и заводам по производствам, не обложенным акцизом за 1900 г. СПб., 1903 и др.

³⁹⁹ См.: Варзар В. Е. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах. 1894–1904; 1904–1906; 1905; 1906–1908. Т. 1–4. СПб., 1905–1910 и др.

⁴⁰⁰ См.: Варзар В. Е.: 1) Очерки основ промышленной статистики. Ч. 1–2. М.; Л., 1925–1927; 2) О коммунальных банках // Финансовая газета. 1925. 25 июня и др.

⁴⁰¹ См.: Гиацинтов Н. Е.: 1) Ссуды, складочные и комиссионные операции железных дорог. СПб., 1889; 2) Дифференциальные тарифы железных дорог. СПб., 1900 и др.

⁴⁰² Гиацинтов Н. Е.: 1) Финансовое положение русских железных дорог (По поводу статьи профессора П. И. Георгиевского «Капиталы, затраченные правительством и частными учреждениями на постройку и эксплуатацию железных дорог в России»). СПб., 1901; 2) Основной принцип железнодорожных тарифов и тарифный эклектизм (по поводу книги К. Я. Загорского «Теория железнодорожных тарифов»). СПб., 1902; 3) Заметка по поводу брошюры г. Астрова «О досрочном выкупе Киевской городской железной дороги». Киев, 1915 и др.

При этом наш герой особенно не интересовался политикой, оставаясь вполне умеренным монархистом. У него сложились хорошие рабочие отношения с главой правительства и министром финансов В. Н. Коковцовым, об уходе которого он искренне сожалел⁴⁰³. Николай Егорович отличался личной порядочностью и принципиальностью. По должности ему был положен для командировок специальный вагон, но в случае, если с ним ехали члены семьи, то он обязательно приобретал для них из своих личных средств билеты. За государственную службу он был награжден орденами Св. Анны 1-й степени и Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 2 и 3-й степени.

Революционных событий 1917 г. монархист Н. Е. Гиацинтов не принял, сначала эмигрировал в Болгарию, а затем перебрался в Югославию. Его сын, подполковник русской армии Э. Н. Гиацинтов, был активным участником Белого движения, а внук стал профессором Колумбийского университета.

Константин Яковлевич Загорский (1859 – после 1934). Родился 3 марта 1859 г. в Киеве, выходец из дворянской семьи. Один год проучился в Киевском университете, в 1877 г. перевелся на юридический факультет Петербургского университета. Окончил обучение в 1882 г., ученик В. А. Лебедева. В студенческие годы участвовал в народническом движении, входил в центральный студенческий университетский кружок народнического толка. Возможно, еще с тех времен был знаком с Л. В. Ходским (о нем см. далее). Затем был членом организации «Народная воля», в 1882 г. перешел в «Черный передел». В студенческие годы вел занятия в рабочем кружке, пропагандировал народническую литературу, затем труды К. Маркса. В связи с его революционной деятельностью считался властями «подозрительным», подвергался административному аресту, а в период с 1880 по 1894 г. находился под негласным надзором полиции, хотя после 1882 г. от политической деятельности отошел⁴⁰⁴.

Впоследствии он поступил на государственную службу. В 1889–1890 гг. служил в Департаменте торговли и мануфактур, с 1891 г. – в Департаменте железнодорожных дел Министерства финансов. В 1899 г. назначен представителем Министерства финансов в Тарифном комитете и в Комиссии о новых железных дорогах, позже – член совета по тарифным делам и председатель особого совещания по железнодорожному делу⁴⁰⁵.

В это же время он активно занимался научными исследованиями, защитил магистерскую диссертацию по политэкономии в Петербургском университете в 1902 г. по монографии «Теория железнодорожных тарифов. Задачи управления, принципы построения и применения, формы и виды тарифов» (СПб., 1901). Как уже указывалось, развернутую рецензию на нее подготовил Н. Е. Гиацинтов, бывший его начальником по Департаменту железных дорог Министерства финансов, который отмечал, что труд К. Я. Загорского отличается большой полнотой и разносторонностью⁴⁰⁶. В этом департаменте К. Я. Загорский служил до 1905 г., стал действительным статским советником. П. П. Гензель назвал эту работу обстоятельной и строго теоретической⁴⁰⁷.

В своем исследовании Загорский поставил целью системное изучение тарифного дела на железной дороге. Теорию этого дела он представил в виде следующих трех составных элементов: 1) задачи и цели управления тарифами; 2) принципы построения тарифов; 3) их формы и условия применения. Относительно целей и задач железнодорожной тарификации автор последовательно разбирает вопрос о применимости принципа свободы промышленно-

⁴⁰³ См.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг.: В 2 кн. Кн. 2. М., 1992. С. 250.

⁴⁰⁴ См.: Загорский К. Я. В 1881–1882 гг. (Воспоминания) // Каторга и ссылка. 1931. № 3 (переизд.: «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания... Л., 1989. С. 235–345).

⁴⁰⁵ См.: Загорский К. Я. Двадцатилетие тарифных учреждений // Новый экономист. 1914. № 10. С. 3.

⁴⁰⁶ Гиацинтов Н. Основной принцип железнодорожных тарифов и тарифный эклектизм, (по поводу книги К. Я. Загорского «Теория железнодорожных тарифов»). СПб., 1902.

⁴⁰⁷ См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки // Юридическая библиография. Ярославль, 1907. № 4. С. 36.

сти к железнодорожному делу и об основаниях государственного вмешательства в это дело с целью ограждения интересов населения, промышленности и казны. Он приходит к выводу о том, что тарифы должны обеспечивать не только достижение чистой прибыли дорог, но также и целей общей экономической политики государства. При этом в эксплуатации железных дорог вполне допустим отказ в некоторых случаях от неуклонного преследования максимальной чистой доходности. Предусматривалась возможность ограничения в связи с установлением специальных и льготных тарифов (на перевозку хлеба, закупаемого земствами и правительственными органами для населения районов, где были неурожаи зерна; льготные тарифы для переселенцев, учащихся и т. д.).

Автором рассматриваются три принципа построения тарифов. Согласно первому – принципу государственных пошлин и так называемой «натуральной системы тарифов» – тарифы устанавливаются не по ценности железнодорожных услуг, а по некоторым однообразным средним нормам на основании собственных издержек железных дорог по различным категориям перевозок. Второй принцип построения тарифов заключается в установлении их по платежной способности перевозимых грузов, т. е. по рыночной ценности железнодорожных услуг. Третий принцип состоит в построении тарифов в зависимости и в соответствии с условиями и издержками производства в различных отраслях промышленности, в разных районах и центрах. Каждый из этих принципов был подвергнут автором оценке по их пригодности для достижения целей и задач, которые поставлены в данное время в данной стране при эксплуатации железных дорог. К. Я. Загорский был уверен, что нет абсолютных тарифных принципов, которые были бы правильны и годны для всякой системы железнодорожного хозяйства, независимо от того, какие цели ставит государство в своей тарифной политике. В зависимости от поставленных целей и принятых принципов тарификации определяются и наиболее подходящие системы и виды самих тарифов.

К. Я. Загорский правила применения тарифов свел к следующим: публичность, простота, устойчивость, уравнительность. В работе также проводится классификация тарифов по видам: а) по внутреннему строю тарифы бывают однообразными пудоверстными и дифференцированными; б) по внешней форме выражения – формульными (схемными) и табличными и т. д.

Под влиянием революции 1905–1907 гг. он проникся республиканскими убеждениями, вспомнил идеалы своей народнической юности. На этой почве он резко разошелся со своим начальником Н. Е. Гиацинтовым, с которым до этого состоял в хороших отношениях и даже дружил семьями. Сын Константина Яковлевича вступил в партию эсеров.

В 1905–1907 гг. К. Я. Загорский читал лекции в Петербургском университете. С 1907 г. он стал приват-доцентом, затем – экстраординарным профессором экономического отделения Петербургского политехнического института. Там он читал курс лекций «Железнодорожная политика и тарифы», который был издан в 1915 г. При этом К. Я. Загорский остался чиновником для особых поручений Министерства финансов, продолжал состоять членом Тарифного комитета при Министерстве финансов и Комиссии о новых железных дорогах. В 1916 г. был назначен заведующим делами международных сообщений российских железных дорог. Соответственно, большинство его работ того периода представляют собой материалы к пересмотру внешнеторговых договоров или изменению тарифов⁴⁰⁸. Так, в работе «Наша железнодорожная тарифная политика» К. Я. Загорский дает исторический очерк российской железнодорожной политики. По мнению ученого, с момента создания в 1889 г. тарифных учреждений тарифная политика прошла несколько этапов. В первый период железнодорож-

⁴⁰⁸ См.: Загорский К. Я.: 1) Обзор железнодорожных тарифов Франции, Германии и Австро-Венгрии сравнительно с тарифами русских железных дорог. СПб., 1910; 2) Частное железнодорожное строительство и гарантии железнодорожных акций. СПб., 1912 (Оттиск из «Экономиста России». 1912. № 2, 3, 7); 3) Железнодорожные тарифы в России и Германии в связи с экономической политикой этих стран. СПб., 1914 и др.

ные тарифы являлись орудием экономической политики и даже средством для удовлетворения государственной и народной жизни. В первые годы XX в. российская железнодорожная политика с повышением целого ряда тарифов приобретала фискальный характер, а к моменту написания данной работы этот период, как считал автор, заканчивается, уступая место более рациональной системе⁴⁰⁹.

В 1913–1917 гг. К. Я. Загорский состоял гласным Петербургской городской думы.

После событий 1917 г. ученый остался в России, был непродолжительное время профессором 1-го МГУ и до второй половины 20-х гг. – Института народного хозяйства. Параллельно он занимал должность заведующего отделом международных сообщений Наркомата путей сообщения (НКПС); в 1920–1930 гг. был членом и заместителем председателя Тарифного комитета НКПС, консультантом Наркомата торговли, Наркомата финансов и ВСНХ РСФСР.

В 1918 г. участвовал в качестве эксперта по железнодорожным вопросам в советской делегации по ведению мирных переговоров с Украиной, а в 1921 г. – с Польшей. В 1922 г. под его ближайшим руководством была разработана новая тарифная система. В 1919–1922 гг. Константин Яковлевич состоял членом Финансово-экономического совета Комитета государственных сооружений, председательствовал в секции согласования планов, трудился в транспортной секции Института экономических исследований Народного комиссариата финансов (НКФ) РСФСР. В феврале 1924 г. на этой секции К. Я. Загорский выступил с докладом на тему: «Импортные и экспортные железнодорожные тарифы и главные основания их установления». Он доказывал, что политика железнодорожных тарифов должна находиться в соответствии с политикой таможенной, при этом содействовать развитию транспорта, но может выступать только в качестве вспомогательного средства. В июне 1926 г. на обсуждение той же секции был вынесен доклад К. Я. Загорского «Современное положение тарифного дела в Германии»⁴¹⁰.

С 1922 г. ученый числился также экономистом Экономического управления ВСНХ, готовил экспертные заключения по финансовым вопросам⁴¹¹. При этом тематика его исследований изменилась незначительно. Он продолжил изучение принципов, форм и системы железнодорожных тарифов⁴¹². Его книга «Экономика транспорта» (М., 1923) имела определенный резонанс. Так, И. Тихоцкий назвал ее полезным трудом, но при этом посетовал, что она не дает теории железнодорожных тарифов. Он выразил надежду на ее последующую разработку⁴¹³. Отметим, что К. Я. Загорский проблемы железнодорожной политики рассматривал и в ключе международного железнодорожного права⁴¹⁴. Последняя доступная нам публикация ученого датируется 1930 г.⁴¹⁵ О дальнейшей судьбе ученого достоверных данных у нас нет.

Несомненно, яркой личностью был **Николай Николаевич Покровский** (1865–1930). Выходец из дворян, сын действительного статского советника, родился 25 января 1865 г.

⁴⁰⁹ См.: Загорский К. Я. Наша железнодорожная тарифная политика. СПб., 1910.

⁴¹⁰ См.: Финансовая газета. 1924. 13 февраля; Там же. 1926. 25 июня.

⁴¹¹ Загорский К. Я. К итогам из области наших финансов. Об эмиссии // Финансы и экономика. 1922. № 1 и др.

⁴¹² Загорский К. Я.: 1) Теория железнодорожных тарифов. Задачи управления, принципы построения и применения, формы и виды тарифов. Пг., 1923 (2-е изд.); 2) Экономика транспорта. М.; Пг., 1923 (2-е изд.: 1930); 3) Работы Наркомата путей сообщения по общему пересмотру железнодорожных тарифов // Вестник финансов. 1922. № 11. С. 13–15; 4) Коммерческий принцип в железнодорожном хозяйстве // Финансовая газета. 1924. 24 октября; 5) Система железнодорожных и водных тарифов. М.; Л., 1925; 6) К вопросу о пересмотре системы железнодорожных тарифов // Финансовая газета. 1925. 14 февраля, 5 марта; 7) О пересмотре действующей системы железнодорожных тарифов // Там же. 21 февраля и др.

⁴¹³ См.: Вестник финансов. 1923. № 15–16. С. 122.

⁴¹⁴ См.: Загорский К. Я. Международное железнодорожное право // Основные вопросы железнодорожного права. М., 1925.

⁴¹⁵ Загорский К. Я. Экономика транспорта. 2-е изд. М., 1930.

в Петербурге. Он обучался на юридических факультетах Московского и Петербургского университетов, окончив курс последнего со степенью кандидата права (1888). Ученик В. А. Лебедева. С 1889 г. он поступил на службу в Министерство финансов, совмещая ее с научной работой. В 1899 г. стал вице-директором, а с 1904 г. – директором Департамента окладных сборов Министерства финансов. Наконец, в 1906 г. он становится товарищем министра финансов, занимается преимущественно делами окладных сборов, получает чин тайного советника (1913). Среди его государственных наград ордена Св. Анны 1 и 2-й степени, Св. Станислава 1-й степени. Под его руководством был выработан ряд законопроектов по финансовой проблематике. Н. Н. Покровский был одним из соавторов фундаментального исследования «Министерство финансов. 1802–1902» (в 2 ч., СПб., 1902), о котором уже говорилось выше.

В Министерстве финансов он работает до 1914 г., а затем назначается членом Госсовета (1914–1916). С января по ноябрь 1916 г. он являлся государственным контролером⁴¹⁶. При этом он не оставлял занятий наукой финансового права в прикладном ключе, публиковал результаты своих исследований⁴¹⁷. Одним из таких исследований стала его работа «О подоходном налоге» (Пг., 1915). Это был сборник статей о подоходном налоге, опубликованных автором в журнале «Вестник финансов, промышленности и торговли» в течение 1915 г. К ним был приложен очерк развития форм русского прямого обложения, включая реформы Петра Великого, Императора Александра II, податную реформу 1880 г.

Цель этой книги, по мнению автора, – послужить справкой при предстоящем рассмотрении вопроса о реформе прямого обложения, в частности о введении в России подоходного налога. В связи с этим в книге дается сравнительно-правовой анализ подоходного налогообложения в Англии, Германской империи, Соединенных Штатах и Франции. Автор разбирает все возражения, которые звучат против подоходного налога (низкий культурный уровень населения, отсутствие у плательщиков правильного счетоводства, возможный произвол фискальных органов, вторгающихся в частную хозяйственную жизнь плательщиков, и др.), но приходит к выводу, что в России сложились необходимые условия для введения подоходного налога. Так, он писал: «Наше отечество не столь интенсивно, конечно, как другие страны, но все же очень решительно стало на путь капиталистического хозяйства, дающего достаточные основания рассчитывать, что для подоходного обложения в России уже подготовлена весьма серьезная почва»⁴¹⁸.

По мнению Н. Н. Покровского, именно подоходный налог является наименее обременительным из всех прямых налогов, он учитывает действительно полученный доход, а следовательно, не может обложить по убытку. Кроме того, подоходный налог должен сослужить службу общему податному преобразованию, и прежде всего, как пишет автор, одновременно с введением подоходного налога надлежит преобразовать и наследственный налог⁴¹⁹.

В ноябре 1916 г. в карьере Н. Н. Покровского происходит резкий поворот, и он назначается министром иностранных дел России. Внутри страны и за рубежом это назначение встретили как неожиданное, но позитивное. Это стало нарушением вековой традиции, согласно которой МИД возглавляли только карьерные дипломаты. К тому же он не был ставленником двора или какой-либо придворной группировки. Николай Николаевич был известен только как опытный и неподкупный дипломат и сильный финансист, что должно было успокоить думские и общественные круги.

⁴¹⁶ См.: Новый государственный контролер о задачах ведомства (беседа с Н. Н. Покровским) // Финансовая газета. 1916. 25 января.

⁴¹⁷ Покровский Н. Н.: 1) О подоходном налоге. Пг., 1915; 2) Доклад об условиях развития нашего экспорта. Пг., 1915 и др.

⁴¹⁸ Покровский Н. Н. О подоходном налоге. С. 167.

⁴¹⁹ Там же. С. 177.

Французский посол М. Палеолог дал на сей счет следующий комментарий: «Выбор неожиданный. Покровскому шестьдесят лет, он всю жизнь занят был вопросами, касающимися финансов и государственного контроля; у него нет никакого представления о делах внешних и дипломатии; но с этой оговоркой, очень важной в настоящий момент, я ничего не имею против этого назначения. Во-первых, это – человек осторожный, умный и трудолюбивый, вполне преданный Аллиансу (альянсу, т. е. Антанте. – *Авт.*). Затем, в личных отношениях это – человек редких качеств, душевный и серьезный, с небольшой долей насмешливого лукавства. Без состояния, обремененный семьей, он ведет жизнь самую простую, самую приличную. За 35 лет, с тех пор как он служит в государственном контроле, его никогда не коснулась даже тень подозрения»⁴²⁰.

Его бывший начальник по министерству финансов В. Н. Коковцов отмечал у своего товарища, помимо прочих положительных качеств, величайшее терпение и природное отвращение от всякой резкости⁴²¹. В МИДе это назначение приняли как «труднообъяснимое», однако вскоре оценили его «важные преимущества» по сравнению с предшественниками. Это касалось его обширных экономических знаний, что сказалось на работе Парижской экономической конференции и Петроградской конференции союзников⁴²².

Н. Н. Покровский к тому времени зарекомендовал себя человеком порядочным, хорошим переговорщиком и мастером компромисса. На этой должности он пробыл всего три месяца, причем за это время четыре раза подавал в отставку из-за несогласия с политикой, проводимой министром внутренних дел А. Д. Протопоповым, которого, в свою очередь, считали креатурой Г. Е. Распутина. Николай Николаевич показал себя сторонником более тесного союза с Великобританией, Францией и особенно с США. Он настаивал на направлении в союзные страны финансово-экономической миссии.

В широких общественных кругах он имел репутацию человека разумного и честного, наиболее приемлемого для «думских сфер». Из-за обремененности большой семьей и спокойного характера он ценил свой статус и чурался политических авантюр. Не случайно именно он представлял царское правительство в негласных переговорах с думской оппозицией 26 февраля 1917 г. Впрочем, эти переговоры не увенчались успехом⁴²³. В марте 1917 г. Николай Николаевич был отправлен в отставку и избран председателем правления Сибирского банка и Русско-американского комитета для содействия экономическому сближению России и США. Октябрьскую революцию он не принял, но в первой половине 1918 г. сотрудничал с Центральным народно-промышленным комитетом, был председателем бюро его Отдела внешней торговли, вел заседания Комиссии по финансовой реформе (работала до мая 1918). Благодаря его взвешенной позиции на комиссии было заслушано много докладов (М. В. Бернацкого, А. Н. Гурьева, А. Н. Зака, Ф. А. Менькова и др.) и прошло содержательное обсуждение необходимых преобразований⁴²⁴.

Затем Н. Н. Покровский эмигрировал в Литву. Преподавал политэкономии и финансовое право в Ковенском (Каунасском) университете, где занимал кафедру финансового права. Подготовил и опубликовал «Основы финансовой науки» (Каунас, 1925). К сожалению, экземпляра этой книги на русском языке в библиотеке или архиве Каунасского университета не сохранилось. Умер ученый в декабре 1930 г. в Ковно.

⁴²⁰ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991 (по изд. 1923 г.). С. 252.

⁴²¹ См.: Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 224.

⁴²² См.: Михайловский Г. Н. Записки. Из истории русского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Т. 1. М., 1993. С. 213–214.

⁴²³ См.: Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 432.

⁴²⁴ См.: Вопросы денежного обращения. Доклады М. В. Бернацкого... Пг., 1918.

Также в эмиграции завершил свой жизненный путь ученый и чиновник Министерства финансов **Власий Тимофеевич Судейкин** (1857 – после 1928), выходец из дворян Нижегородской губернии. Он окончил юридический факультет Московского университета (1879). Большое влияние на него оказал его университетский профессор И. И. Янжул, которого он считал своим учителем⁴²⁵. Впоследствии В. Т. Судейкин продолжил образование за границей в университетах Берлина, Фрайбурга, Лондона. Зимой 1889–1881 гг. в Лондоне он работал в библиотеке Британского музея вместе с И. И. Янжулом, который достаточно сдержанно написал о нем: «...В. Т. Судейкин, впоследствии магистр политэкономии, писатель-экономист»⁴²⁶.

По возвращении в Москву он сдал магистерский экзамен по политэкономии и статистике, но педагогическую деятельность так и не начал. Его прельщала государственная служба, и в 1883 г. В. Т. Судейкин поступает в Министерство финансов: сначала в Особую канцелярию по кредитной части, а с 1885 г. назначается на должность податного инспектора Петербурга. Некоторое время он был управляющим канцелярией Виленского генерал-губернатора. При этом честолюбивый чиновник не прекращает научных занятий и в 1892 г. в Московском университете защищает магистерскую диссертацию по политической экономии «Государственный банк. Исследование его устройства, экономического и финансового значения» (по монографии, опубликованной годом ранее)⁴²⁷. В целом она была высоко оценена современниками. В диссертационном исследовании автор обращал особое внимание на ту опасность, которую заключает в себе связь государственного банка с финансовым управлением страны⁴²⁸. Отмечалось, что как прежние казенные учреждения, так и современный автору Государственный банк одинаково страдают от этой связи и занимаются выполнением преимущественно финансовых задач в ущерб народно-экономическим.

При этом В. Т. Судейкин приводил иной опыт, иное устройство центральных банков: английского, французского, имперского германского и австро-венгерского. Автор отмечает, что каждое государство по-своему организует свои центральные банки, но, тем не менее, можно выявить и общие закономерности. К таковым относятся: их независимость от министерства финансов, наличие права выпуска банкнот для поддержания стабильности денежного обращения. Рассмотрев зарубежный опыт, ученый обратился к изучению истории становления Государственного банка в России, подробно проанализировал операции Госбанка (активные, пассивные), его собственные средства, резервный капитал, операции по приему вкладов.

В заключении автор приходит к выводу о необходимости капитальной реформы, поскольку Госбанк по его организации и правовым основам деятельности не готов выполнять возложенные на него функции. Следовательно, «нельзя думать об упрочении металлической валюты в стране, пока Центральный банк не получит правильного устройства»⁴²⁹.

В связи с этим автор предлагал ряд изменений в Устав Государственного банка 1860 г. Они были направлены на обеспечение банку более самостоятельного положения, увеличение основного капитала и др. Однако, по мнению П. П. Гензеля, в работе встречаются и различные спорные и не вполне приемлемые положения. Например, это проект неукоснительного и самого широкого развития в народе бережливости путем школ и различных касс⁴³⁰.

⁴²⁵ См.: Судейкин В. Т. Академик-профессор И. И. Янжул (Некролог). Пг., 1915.

⁴²⁶ Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Вып. 1. СПб., 1910. С. 157.

⁴²⁷ Судейкин В. Т. Государственный банк. Его экономическое и финансовое значение. М., 1891.

⁴²⁸ См.: Там же. С. 48, 263, 482 и др.

⁴²⁹ Там же. С. 257.

⁴³⁰ См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 75.

Примечательно, что основные свои научные труды он напечатал в период с 1883 по 1892 г., когда находился на государственной службе⁴³¹. Так, в исследовании, посвященном прямым налогам во Франции, автор поставил своей задачей познакомить читателей с их историческим развитием и современным состоянием. Вся система прямых налогов была сведена к 4 группам: поземельный налог, с окон и дверей, личный и поквартирный, патентный. Первые три построены на раскладочном основании, и только последний – окладной. Он подчеркивал достоинства французской системы обложения по внешним признакам: отсутствие инквизиторского характера, всеобщность обложения, прекрасная постановка податного управления, участие населения в распределении налогов, дешевизна взимания. Но при этом отмечал и крупный недостаток французской налоговой системы – непропорциональность обложения. Относительно поземельного кредита В. Т. Судейкин предлагал учитывать опыт стран Запада и обоснованно утверждал, что для решения этой проблемы нет единого способа. На первое место, по мнению ученого, здесь должны выходить экономические и бытовые условия страны. Среди общих условий финансового обустройства крестьян ученый выделил развитие бережного отношения населения к сбережениям, развитие сети кредитных учреждений, устройство сберегательных касс всех видов, ограничение размеров выдаваемых ссуд. С учетом опыта развитых стран он пришел к выводу, что стремление кредитных учреждений к полному удовлетворению потребностей земельных собственников ведет к увеличению задолженности заемщиков, причем сельхозпроизводители более нуждаются не в долгосрочном, а краткосрочном кредите. Из этого следовало, что российская система кредитных учреждений должна ориентироваться как на общие условия кредитования, так и учитывать особые черты российской экономики и юридического быта.

П. П. Гензель оценил эту книгу как «обстоятельную брошюру которая знакомит вкратце с историей французских прямых налогов и их современной организацией»⁴³². Другой российский ученый, профессор Демидовского юридического лицея А. А. Исаев, не соглашался с некоторыми выводами и положениями Судейкина. Тем не менее он «охотно признал его труд очень полезным вкладом в нашу экономическую литературу»⁴³³.

Заслуживают внимания и исследования ученого, посвященные денежному обращению. Так, свой исторический очерк «Восстановление металлического денежного обращения в России (1839–1843)» он посвятил денежной реформе Е. Ф. Канкрин. При этом В. Т. Судейкин проводит интересную аналогию между событиями, предшествующими реформе 1839–1843 гг., и состоянием денежной системы накануне 1890 г. И в том и другом случае имели место чрезмерные выпуски бумажных денег, соответственно ассигнаций и кредитных билетов. В. Т. Судейкин проанализировал причины и ход проведения реформы. В ходе исследования он ставит вопрос, были ли приняты Канкриным достаточные меры для укрепления и упрочения металлического обращения. Отвечая на поставленный вопрос, ученый проводит сравнительный анализ с Западной Европой, где право выпуска банкнот было предоставлено центральным банкам государств.

В России, как утверждал ученый, проведенная денежная реформа не создала действительно кредитных билетов. Под этим названием «были водворены в народное обращение те же бумажные деньги, неразменные, а совсем не кредитные знаки вроде банковых биле-

⁴³¹ См.: Судейкин В. Т.: 1) Наши общественные городские банки и их экономическое значение. СПб., 1884; 2) Расчетные палаты и их устройство. СПб., 1886; 3) Прямые налоги и их организация во Франции. СПб., 1887; 4) Операции Государственного банка. СПб., 1888; 5) Очерк организации поземельного кредита в Англии, Германии, Австро-Венгрии и Франции. СПб., 1888; 6) Восстановление металлического обращения в России (1839–1843). СПб., 1891; 7) Биржи и биржевые операции. СПб., 1892 и др.

⁴³² См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 16.

⁴³³ См.: Юридическая библиография, издаваемая Демидовским юридическим лицеем. 1887. № 6. С. 10.

тов»⁴³⁴. В результате исследования ученый делает вывод, что «при графе Канкрине металлическое обращение было восстановлено, но не было принято достаточно мер для его укрепления»⁴³⁵.

Часть своих работ он опубликовал под псевдонимом «Старый профессор», причем взял он его будучи совсем не старым и даже еще не профессором. Опубликованные в литературе данные о нем фрагментарны⁴³⁶. По внешнему виду он принадлежит к достаточно яркому среднерусскому типу: немного курносый нос, кустистые брови, густая, но коротко стриженная борода, с добавлением интеллигентского пенсне, высокого лба интеллектуала и чуть ироничного взгляда информированного оптимиста.

В период работы в Министерстве финансов Власий Тимофеевич не утратил тяги к педагогическому труду. Со второй половины 80-х гг. он начал преподавать в столичном Коммерческом училище курс таможенного законодательства⁴³⁷. Наконец, с 1892 г. он начинает читать лекции в Санкт-Петербургском университете сначала по истории финансов, а затем параллельные лекции по финансовому праву. Одновременно он продолжил до середины 90-х гг. преподавание в Коммерческом училище. При этом к таможенному праву добавилось торговое право⁴³⁸. В начале XX в. приват-доцент В. Т. Судейкин, помимо параллельного курса финансового права, вел спецкурсы «Финансовая политика России в XIX в.» и «Экономическая и финансовая политика России с 1861 по 1912 г.».

Совмещение работы в Минфине с преподаванием отнимало слишком много сил и времени, и после 1892 г. он подготовил всего несколько относительно крупных публикаций⁴³⁹. Одной из них являлось исследование «Замечательная эпоха в истории русских финансов». Как отмечал П. П. Гензель, это был «интересный, написанный прекрасным языком очерк экономической и финансовой политики Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградского»⁴⁴⁰.

В. Т. Судейкин горячо одобрял финансовую политику Н. Х. Бунге, оценивал ее как первый серьезный шаг к введению большей равномерности в российскую систему налогообложения и к поднятию экономического уровня низших слоев населения. Политика И. А. Вышнеградского, по мнению ученого, не отличалась просвещенным взглядом, выражалась, главным образом, в неумолимом сведении росписей без дефицитов, была лишена перспективы и сводилась к мимолетным финансовым эффектам.

После революционных событий 1917 г. он эмигрировал во Францию, а последняя известная нам работа ученого вышла в Ницце в 1928 г. «Император Николай II и его царствование».⁴⁴¹ Носит она ярко выраженный промонархический характер. В этой работе автор ставит целый ряд вопросов. Виновен ли Император Николай II в революции? Была ли революция необходима и неизбежна? По мнению Судейкина, Россия при Николае II быстро и неизменно прогрессировала во всех отношениях, он приводит факты и цифры роста промышленности, торговли и т. д. Отречение царя он считал величайшей ошибкой и несчастьем для России. А виноват в этой ошибке не Император Николай II, а его окружение и Государственная Дума.

⁴³⁴ Судейкин В. Т. Восстановление металлического обращения в России (1839–1843). С. 60.

⁴³⁵ Там же. С. 73.

⁴³⁶ См.: Чебоженко Е. Н. Власий Тимофеевич Судейкин // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 370–387.

⁴³⁷ См.: Судейкин В. Т. Курс таможенного законодательства. СПб., 1889.

⁴³⁸ Судейкин В. Т. Курс торгового права. СПб., 1893.

⁴³⁹ См.: Судейкин В. Т.: 1) Замечательная эпоха в истории русских финансов (Очерк экономической и финансовой политики Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградского). СПб., 1895; 2) Война и наши финансы. Пг., 1915 и др.

⁴⁴⁰ См.: Гензель П. П. Указ. соч. С. 24.

⁴⁴¹ См.: Император Николай II и его царствование (1894–1917). По материалам, собранным Старым профессором. Ницца, 1928.

В начале XX в. Россия пережила не только драму революции 1905–1907 гг., но и сменивший ее период относительного политического спокойствия и экономических преобразований, связанных с личностью нового главы правительства П. А. Столыпина. Мы не будем касаться экономической составляющей аграрной реформы, получившей его имя. Однако устаревшая политическая система империи так и не претерпела принципиальных преобразований, а диспропорции в экономическом и финансовом развитии так и не были устранены. Начавшаяся Первая мировая война обострила все существовавшие в государстве и обществе противоречия до предела. Внутренняя смута постепенно переросла в две революции, последовавшие одна за другой, свержение и гибель царской династии, гражданскую войну и большевистскую диктатуру.

Примечательно, что в этот период проблемы финансового права привлекали не только законопослушных чиновников Министерства финансов, таких, например, как *Людвик Борисович Скаржинский* (1852 – не ранее 1910), но и откровенного авантюриста и дельца самого низкого пошиба, коим являлся *Игнатий Порфирьевич Манус* (даты жизни достоверно не известны)⁴⁴².

В заключение подчеркнем, что на историческом переломе развития России отечественные исследователи пытались осмыслить финансово-экономические процессы, происходившие в стране, и подготовить свой «рецепт» выздоровления хозяйства. Несмотря на разнородный характер авторов и их научных и политических взглядов, большинство из них сходились в том, что необходимы более справедливый расклад податных платежей, сбалансированный бюджет, устойчивая национальная валюта и использование зарубежного опыта с учетом российской специфики.

6.3. В условиях зарождающегося парламентаризма (П. Х. Шванебах, М. М. Алексеенко, П. П. Мигулин, Д. И. Пихно, Н. Н. Кутлер и др.)

Конец XIX – начало XX в. связаны с таким сложным процессом, как становление российской партийной системы и зарождение отечественного парламентаризма. В этих неоднозначных и незавершенных в дореволюционный период процессах самое активное участие приняли некоторые отечественные ученые-финансисты. Их можно увидеть в числе лидеров политических партий, депутатами Государственной Думы и членами Государственного Совета. При этом их участие не ограничивалось законотворческой работой и участием в дискуссиях по проблемам налогов и бюджета. Среди них были блестящие ораторы, настоящие «властители дум», имена которых были известны не только в высшем свете, но и практически всей России. По своим взглядам они представляли широкий политический спектр, от левых кадетов до последовательных монархистов и консерваторов.

Как уже указывалось, в период, когда во главе Министерства финансов стоял С. Ю. Витте, выделился целый ряд чиновников, отметившихся полноценными научными исследованиями. Это, в частности, **Петр Христианович Шванебах** (1848–1908). Его нельзя считать ни выдвиженцем С. Ю. Витте, ни его единомышленником. В Министерство финансов он пришел раньше С. Ю. Витте, в некоторых случаях его кандидатура считалась альтернативной на пост министра, а по своим научным и политическим взглядам он выступал чаще как оппонент С. Ю. Витте.

П. Ф. Шванебах – выходец из австрийских дворян, внук полковника русской армии, родился 21 января 1848 г. в Петербурге. Он окончил курс в Училище правоведения (1867),

⁴⁴² Подробнее о них см.: Лушникова М. В., Лушников А. М. Наука финансового права на службе государству. Ярославль, 2010. С. 238–258.

после чего два года слушал лекции в Лейпцигском и Парижском университетах, специализировался на финансовом праве и политэкономии. Свою службу в Министерстве финансов он начал с 1869 г. и последовательно занимал должности вице-директора Особой канцелярии по кредитной части (с 1883), товарища управляющего Государственным банком (с 1891), состоял с 1893 г. членом Совета министра финансов, участвовал в составлении новых кредитных уставов, тайный советник (1896). Впоследствии он был товарищем (заместителем) и главноуправляющим землеустройства и земледелия (министр земледелия) (1903–1905), а в 1906–1907 гг. занимал должность государственного контролера, затем стал членом Государственного Совета. С 1904 г. он входил в Комитет финансов. В придворных кругах рассматривался как возможная замена С. Ю. Витте на посту министра финансов. Награжден российскими орденами высшей степени (Св. Станислава и Св. Анны), а также орденами Белого Орла и Александра Невского.

Наиболее известные его работы были посвящены налоговой системе и денежному обращению⁴⁴³, немало статей по финансовой проблематике помещено им в журнал «Вестник Европы». Ученый ставил вопрос о необходимости реформирования российской финансовой системы с учетом западного опыта, прежде всего Англии, Франции и Германии. Он полагал, что развитие фискального дела определяется не столько национальными особенностями, сколько общими тенденциями для экономически развитых государств. В работе «Наше податное дело» (СПб., 1903) он рассмотрел податную политику и податное законодательство в 1880–1901 гг. Работа сопровождается авторскими расчетами, цифрами и сводными таблицами, характеризующими прямое и косвенное налогообложение в России, приводятся выдержки из всеподданнейших докладов по росписи с авторскими комментариями. Автор отмечал, что преобладающее значение в нашем бюджете составляют косвенные налоги. При этом он не соглашался с суждениями, содержащимися во Всеподданейших докладах о росписи на 1896, 1897, 1899 гг., о том, что эти косвенные налоги по своей сути не носят принудительного характера и не распространяются на предметы первой необходимости (хлеб и соль). В связи с этим автор спрашивает: «Применимы ли эти соображения к нашим русским условиям, и в частности, к крестьянским плательщикам? Добровольна ли выплата налогов на водку, сахар, керосин, чай и хлопок?» Отвечая на этот вопрос отрицательно, он отмечает, что «для косвенного обложения есть граница, которую преступать безнаказанно нельзя, но найти эту границу не так легко, как в прямом обложении»⁴⁴⁴.

Направлениями податной реформы он считал понижение норм косвенных налогов на предметы потребления, так как в России уже фактически достигнут предел косвенного обложения. Он отмечал закономерность, которая проявилась на Западе: с расширением косвенного налогообложения происходило освобождение от прямых налогов низших классов и уменьшение податных окладов малоимущих плательщиков. В связи с этим он предлагал освободить низшие, неимущие классы от прямых налогов, а более значительную часть средств направлять на нужды местного самоуправления, что соответствовало современным ему тенденциям в странах Запада. Автор призывал следовать примеру Пруссии, где ежегодно принимался закон об отпуске из государственной казны 10 млн марок в помощь провинциям и общинам на расходы по дорожной части и по общественному призрению. Как писал П. Х. Шванебах, «финансовая статистика показывает, что степень культурности страны определяется количеством не общегосударственных, а местных расходов»⁴⁴⁵. По вопросу о мест-

⁴⁴³ См.: Шванебах П. Х.: 1) Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901; 2) Наше податное дело. СПб., 1903.

⁴⁴⁴ Шванебах П. Х. Наше податное дело. С. 46–47.

⁴⁴⁵ Там же. С. 201.

ных налогах ученый предлагал передать земствам, по примеру Пруссии, государственный поземельный налог и пониженные наполовину выкупные платежи.

Установление винной монополии П. Х. Шванебах оценил положительно, отмечая ее фискальные выгоды. Кроме того, автор указывал и на ее благотворное влияние на народное здоровье. Он писал: «Алкоголя русский народ потребляет, правда, столько же, сколько и раньше, но опасность отравления вредными и ядовитыми примесями, при казенной продаже питей, сведена, можно сказать, до минимума»⁴⁴⁶. В то же время он указывал и на опасность реформы, ставящей бюджет в зависимость от питейных доходов. Бюджет тогда признается удачно построенным, по его мнению, когда казенный резервуар наполняется несколькими доходными каналами так, что при случайном оскудении одного из них, убыль может быть пополнена другими⁴⁴⁷.

Нельзя не отметить, что рассматриваемый труд у современников вызывал неоднозначные оценки. Так, П. П. Гензель, на наш взгляд необъективно, охарактеризовал исследование П. Х. Шванебаха как «довольно слабую работу о нашей системе обложения, отличающуюся к тому же большим оптимизмом и крайней умеренностью критики... П. Х. Шванебах разбирает в отдельности все податные источники нашего государственного бюджета, но это сделано... в назидательном, а не в научном тоне»⁴⁴⁸.

При этом государственный деятель зачастую придерживался весьма правых, консервативных политических убеждений, причем это было скорее следствием личного выбора и не всегда совпадало с настроением верхов. Это делало его мишенью для критики последовательных либералов. Так, П. Б. Струве, судя по контексту его высказываний о П. Х. Шванебахе, использовал его в качестве нарицательного обозначения неконструктивной государственной политики и беспредметной критики либерального лагеря⁴⁴⁹.

С. Ю. Витте откликнулся на назначение П. Х. Шванебаха государственным контролером утверждением, что это «ничем оправдаться не могло, так как Шванебах точно так же мог быть назначен и митрополитом, как он был назначен государственным контролером. Вся его заслуга заключалась в том, что он угодил черногорским принцессам»⁴⁵⁰. В 1906 г. в личном письме П. А. Столыпину Сергей Юльевич раскритиковал государственного контролера и даже написал про «длинные уши Шванебаха»⁴⁵¹. Кстати, когда речь шла о Государственном контроле, то вспоминали об «исторической» пометке П. Х. Шванебаха на бумагах этого ведомства: «спрятать и не показывать»⁴⁵².

П. А. Столыпина Петр Христианович уважал, отзывался о нем, как о «рыцаре», как о «человеке безукоризненном и мужественном». Впрочем, наш герой не сработался и с П. А. Столыпиным, разойдясь с ним во взглядах на внутреннюю политику. По мнению П. Х. Шванебаха, русская Конституция – это «соната, написанная для скрипки Страдивариуса, положенная на балалайку»⁴⁵³. Вообще, современники отмечали у нашего героя шутиливую манеру общения как своеобразную защитную реакцию, развитое чувство юмора, впрочем, с переходом в сарказм.

Критиковали П. Х. Шванебаха и публицисты правого направления, в частности, С. Ф. Шарапов в своей скандальной брошюре «Иванов XVI», где заявил, что он никуда не годится

⁴⁴⁶ Там же. С. 81.

⁴⁴⁷ См.: Там же. С. 85 и др.

⁴⁴⁸ См.: Гензель П. П. Библиография финансовой науки // Юридическая библиография. Ярославль, 1907. № 4. С. 26.

⁴⁴⁹ См.: Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 111, 210.

⁴⁵⁰ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 609.

⁴⁵¹ См.: Богданович А. В. Указ. соч. С. 405.

⁴⁵² См.: Известия Общества финансовых реформ. 1911. № 3. С. 43.

⁴⁵³ Цит. по: Суворин А. С. *Дневник*. М., 1992. С. 426–427.

и что пора ему уйти. По слухам, царь ознакомился с этой брошюрой, а рядом с пассажем о государственном контролере написал: «И я того же мнения»⁴⁵⁴. Правый издатель и журналист А. С. Суворин, хорошо знавший управленческую элиту России, так писал о нем: «Умный немец, но не особенно находчивый. Может быть, и интриган, как о нем говорят, но интриган не сильный, если он не может ужиться. Он держится за Горемыкина»⁴⁵⁵. Он же передает его объяснения отставки в 1907 г.: «Я вышел в отставку потому, что государь и Столыпин не только октябристы, но и кадеты». На шутку в том смысле, что П. Н. Милюков может вскоре заменить П. А. Столыпина, П. Х. Шванебах парировал: «Кто знает? Мы живем в темном царстве»⁴⁵⁶. Большой скепсис у него вызывал «уровень понимания средней массы народного представительства», который оценивался им как крайне низкий.

Вероятно, Россия для него так и не стала родной. Может быть, это и случайно, но символично: умер П. Х. Шванебах 15 сентября 1908 г. в Магдебурге, где и был похоронен.

Своеобразную малороссийскую колонию в столичных государственных органах в начале XX в. возглавил **Михаил Мартынович Алексеенко** (1847 (1848)-1917). Речь о нем как об одном из основателей харьковской школы финансового права пойдет в соответствующем параграфе. Здесь же остановимся на периоде его государственной деятельности. В 1899–1901 гг. М. М. Алексеенко был попечителем Казанского, затем, в 1901–1906 гг., Харьковского учебных округов, стал тайным советником (1899). После отставки его жизнь круто повернул зарождающийся российский парламентаризм. Он выставляет свою кандидатуру на выборы в 1 и 2-ю Государственную Думу и в 1906 г. – в Госсовет, однако неудачно. Наконец, он избирается депутатом 3 и 4-й Госдумы от Екатеринославской губернии.

В Думе его талант и знания специалиста по финансовому праву оказались востребованными. Там он пользовался большим авторитетом ученого-финансиста, возглавил бюджетную комиссию, имел репутацию крупнейшего думского специалиста в области бюджета и финансовой стороны аграрного вопроса⁴⁵⁷.

Ученый горячо защищал расширение бюджетных прав Думы. М. М. Алексеенко последовательно выступал против сверхсметных и условных кредитов, зато поддерживал увеличение ассигнований производственному сектору и на образование, выступал за продолжение политики выкупа частных железных дорог казной. Он был сторонником сохранения имеющихся государственных монополий, хотя и выступал против введения новых, поддерживал ограничение эмиссионных прав Госбанка. Проблемы налогообложения он ставил в тесную связь с проблемами материального положения того или иного сословия. В связи с этим обложение крестьян в силу их низкого жизненного уровня ученый не считал нужным ставить в центр внимания. Напротив, он предлагал совершенствовать систему прямых налогов, так как отсутствовало единое основание налогообложения различных слоев населения, а прямые налоги с торговли и промышленности выступали в форме издержек производства и неизбежно восстанавливались в ценах произведенных товаров и оказанных услуг. Для совершенствования прямого обложения им обосновывалось перераспределение обложения торговли и промыслов, расширение предметов обложения за счет капитала, профессии и службы и увеличение обложения крупной промышленности. Кроме того, ученый полагал необходимым включить в число плательщиков налогов неподатные сословия.

М. М. Алексеенко считается основоположником так называемого «делового парламентаризма», целью которого была не эскалация политической борьбы и конфронтации с цар-

⁴⁵⁴ Там же. С. 448.

⁴⁵⁵ Там же. С. 419.

⁴⁵⁶ Там же. С. 422.

⁴⁵⁷ См.: Алексеенко М. М.: 1) Аграрный вопрос. Екатеринослав, 1907; 2) Финансовые вопросы и государственный бюджет. СПб., 1910; 3) Пятилетие бюджета в III Государственной Думе. СПб., 1912 и др.

ской администрацией, а конструктивное участие в решении важных государственных вопросов. Его стараниями Бюджетная комиссия стала одной из самых авторитетных в 3-й Госдуме. В 4-й Госдуме он входил в ту же комиссию, представляя ее в Комитете финансов в 1914–1917 гг.

В Докладе III Всероссийскому съезду «Союза 17 октября» он поставил и рассмотрел вопрос о правилах государственной росписи от 8 марта 1906 г. и 1862 г., которые ограничивают деятельность Государственной Думы в деле бюджета. Он буквально по статьям дал развернутый комментарий названных правил, а также правил о финансовом контроле, отмечая довольно широкую роль административного усмотрения в расходовании средств государства, отсутствие самостоятельного контрольного учреждения (бюджетного контроля), неполной ответственности Государственной Думы за результаты рассмотрения бюджета. Он делает совершенно справедливый вывод: «Правильный строй государственного хозяйства составляет одну из основ политического могущества государства»⁴⁵⁸.

Бюджетная речь, произнесенная им на заседании Государственной Думы 12 февраля 1910 г., построена на обширном фактическом материале, который освещал финансовое положение России в тот период. В этом докладе председатель Бюджетной комиссии с «цифрами на руках» объяснял, по каким основаниям предстоит сократить расходы в проекте государственной росписи и повысить доходные ассигнования. Он настаивал на необходимости «оставить свободную наличность в надежном хранении Министра финансов», которая будет расходоваться по постановлениям законодательных учреждений и обуславливаться непредвиденными обстоятельствами. Эта образовавшаяся дополнительная наличность – результат временного хозяйственного благополучия и вызвана хорошим урожаем и высокими ценами. Следует помнить, как замечает М. М. Алексеенко, что этот подъем временный. Иными словами, речь шла о создании некоего резервного (стабилизационного) фонда. М. М. Алексеенко завершил свою речь следующими пожеланиями: «Бюджетная комиссия уже не раз повторяла, что требуется строгая отчетность и порядок в ассигновании и расходовании государственных ресурсов и самостоятельный, независимый разветвленный и приспособленный контроль за расходованием всех средств, которые берутся с населения»⁴⁵⁹.

Со слов П. П. Мигулина, один из высокопоставленных чиновников заявил, что Государственная Дума – это М. М. Алексеенко, многолетний председатель Бюджетной комиссии, пользовавшийся среди депутатов «непререкаемым авторитетом»⁴⁶⁰. Депутат-октябрист А. В. Еропкин впоследствии писал, что «профессор Алексеенко был идеальным председателем Бюджетной комиссии и вынес... колоссальную работу на своих плечах», и даже утверждал, что «без профессора Алексеенко Государственная Дума ни в коем случае не справилась бы с бюджетом». Он выступал редко, обычно раз в год при обсуждении бюджета, и произносил речь, продолжавшуюся несколько часов. «Дума при этом всегда была переполнена и слушала оратора с величайшим вниманием... встречала и провожала профессора Алексеенко громом аплодисментов»⁴⁶¹. По воспоминаниям современников, Бюджетная комиссия, в сущности, держала в своих руках все нити думской работы, ибо почти все законопроекты передавались на заключение Бюджетной комиссии по вопросу об ассигновании средств из казны. Министры не позволяли себе игнорировать работу этого учреждения. В. Н. Коковцов, будучи министром финансов и председателем Совета министров, почти всегда лично давал объяснения в Бюджетной комиссии, нередко весь день присутствовал на ее заседаниях.

⁴⁵⁸ Алексеенко М. М. Русское бюджетное законодательство. М., 1909. С. 23.

⁴⁵⁹ Алексеенко М. М. Русский бюджет в 1910 г. // Мигулин П. П. Возрождение России. Харьков, 1910. С. 498–499.

⁴⁶⁰ См.: Мигулин П. П. Большой человек (Памяти М. М. Алексеенко) // Новый экономист. 1917. № 8, 9. С. 6.

⁴⁶¹ ГАРФ. Ф. 5881. Он. 2. Д. 335. Л. 56, 58–60.

Между Коковцовым и Алексеенко установились прочные деловые отношения, основанные на общности подходов и даже сходстве характеров. «В психике обоих было нечто общее – большая осторожность, расчетливость, любовь к законности, – вспоминал Н. В. Савич, – Мне казалось, что они недолюбливали друг друга, но очень ценили корректность установившихся между ними отношений. Министр финансов находил в председателе Бюджетной комиссии деятельного сотрудника в проведении той линии финансовой политики, которую он считал единственно правильной»⁴⁶². Сам В. Н. Коковцов отмечал: «... председатель Бюджетной комиссии Алексеенко, считавший себя большим знатоком бюджета и финансовой науки, – всегда был утонченно вежлив со мной. Мы расходились после наших совместных заседаний в самом благодушном настроении, и почти никогда не оставалось между нами несогласованных противоречий... Я не припомню ни одного заседания, которое не кончилось бы тем или иным выражением М. М. Алексеенко его благодарности мне и моему ведомству за оказанную помощь Думе в ее работе»⁴⁶³.

Многие министры являлись на заседание Бюджетной комиссии как на экзамен или суд. «Надо было видеть и полюбоваться, как искусно и с каким достоинством профессор Алексеенко вел заседания с приглашенными министрами: он был в высшей степени корректен и любезен. Но стоило какому-либо министру... поверхностно отнестись к делу или к задаче Государственной Думы, как он моментально его осаживал». Так он «осадил министра торговли Шилова, который думал отвертеться на пустяках или с кондачка: профессор Алексеенко произвел ему... экзамен, и министр отвечал так неудовлетворительно, что всем стало неловко»⁴⁶⁴.

Он активно сотрудничал с рядом периодических изданий, особенно «Экономист России»⁴⁶⁵. Так, на страницах этого журнала за 1910 г. сообщалось, что 4 апреля в Александровском зале городской Думы под председательством члена Госсовета М. М. Ковалевского состоялось открытие Общества финансовых реформ. М. М. Алексеенко был сделан доклад о задачах общества в связи с русским бюджетом. Присутствовали министр финансов России, государственный контролер и много высших чинов ведомств. По предложению М. М. Ковалевского, «собрание громкими аплодисментами выразило благодарность докладчику за талантливое разъяснение и обоснование задач Общества финансовых реформ»⁴⁶⁶.

В 1913 г. Михаил Мартынович выступил одним из инициаторов создания журнала «Новый экономист». Неоднократно он был автором его передовых статей⁴⁶⁷. По своим политическим взглядам М. М. Алексеенко примыкал к партии октябристов, хотя сохранял известную политическую независимость⁴⁶⁸. Не с лучшей стороны характеризует его открытое протезирование своему зятю П. П. Мигулину, о чем будет сказано ниже. Умер ученый 18 февраля 1917 г. от болезни сердца. Характерно, что при обсуждении кандидатур на должность министра финансов Временного правительства одним из первых был упомянут М.

⁴⁶² Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 36.

⁴⁶³ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Кн. 1. М., 1992. С. 275, 302.

⁴⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 57.

⁴⁶⁵ См., напр.: Алексеенко М. М.: 1) Государственная Дума и бюджет // Экономист России. 1909. № 1. С. 2–4; 2) 6-я статья Осн. зак. и ее бюджетное значение // Там же. 1910. № 19. С. 1–4; 3) Бюджет 1912 г. // Там же. 1911. № 10. С. 1–8; № 11. С. 1–7 и др. – Большинство его статей в этом журнале представляли собой выдержки из выступлений на заседаниях Госдумы и были посвящены государственной росписи, иным проблемам бюджета, сметным и сверхсметным расходам и др.

⁴⁶⁶ Экономист России. 1910. № 14. С. 9–10.

⁴⁶⁷ См., например: Алексеенко М. М.: 1) Государственная роспись доходов и расходов на 1913 г. // Новый экономист. 1913. № 8. С. 3; 2) Государственная роспись на 1915 г. // Там же. 1914. № 51–52. С. 2 и др. – В основном это опять-таки были тексты выступлений в Думе, объяснительные записки, официальные материалы и др.

⁴⁶⁸ См.: Мигулин П. П. Большой человек (Памяти М. М. Алексеенко) // Новый экономист. 1917. № 8, 9. С. 6–9; Памяти М. М. Алексеенко // Финансовая газета. 1917. 20 февраля.

М. Алексеенко. Его похороны состоялись как раз в разгар февральской революции, и В. В. Шульгин по этому поводу сам себе задал вопрос: «Жалеть или завидовать?»⁴⁶⁹.

Петр Петрович Мигулин (1870–1948) не довольствовался вторыми ролями и непосредственно принимал участие в выработке основных направлений финансовой политики. При всей неоднозначности оценки его личности и научного наследия стоит подчеркнуть, что он более десятка лет входил в число видных государственных деятелей, имеющих отношение к сфере финансов. Интерес к этой противоречивой фигуре наметился только в последнее десятилетие, а его работы начали переиздаваться⁴⁷⁰.

П. П. Мигулин родился 8 августа (по другим данным, 12 августа) 1870 г. в Харькове в семье священника. Выпускник юридического факультета Харьковского университета с дипломом 1-й степени (1893), ученик, а затем и зять М. М. Алексеенко, о котором говорилось выше. В 1893–1894 гг. он посетил Францию, Великобританию, Швейцарию и Австро-Венгрию. После недлительного пребывания присяжным поверенным был принят в 1895 г. стипендиатом на кафедру финансового права Харьковского университета для подготовки к профессорскому званию, в 1895–1896 гг. в зарубежной научной командировке изучал финансовую политику европейских стран, работал в архивах и национальных банках Турции, Болгарии, Сербии, Италии, Испании, Португалии и Нидерландов. В 1895 г. молодой ученый входил в состав российской делегации на Парижской и Амстердамской промышленных выставках. Его первая крупная работа, как и ряд последующих, были посвящены денежному обращению и банковской системе⁴⁷¹. В 1897 г. в качестве приват-доцента П. П. Мигулин начинает вести занятия по торговому, а с 1899 г. – по финансовому праву (сменил на кафедре финансового права своего учителя М. М. Алексеенко).

В 1898 г. он получил доступ к личному архиву Н. Х. Бунге, хранящемуся в Киевском университете, а в 1900 г. и к архивам Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов (причем с некоторых секретных документов он смог снять копии). Это было бы невозможно без поддержки его тестя М. М. Алексеенко и согласия С. Ю. Витте. В основном на базе архивных материалов молодой ученый опубликовал исследование «Русский государственный кредит (1769–1886). Опыт историко-критического обзора» (т. 1, Харьков, 1899), которое было защищено им в качестве магистерской диссертации по финансовому праву в Казанском университете в 1900 г. (оппоненты – П. А. Никольский и В. Ф. Залеский). Продолжение этих исследований увенчалось изданием монографии «Русский государственный кредит (1887–1892). Министерство финансов И. А. Вышнеградского» (т. 2, Харьков, 1900) и защитой докторской диссертации по финансовому праву в Киевском университете в 1901 г. (оппоненты – Н. П. Яснопольский и Н. М. Цытович). Защита двух диссертаций в течение двух лет подряд – непревзойденный и по сей день «рекорд» отечественной науки финансового права. Затем был издан третий том «Русский государственный кредит (1893–1899). Министерство С. Ю. Витте и задачи будущего», включающий 5 тематических выпусков (Харьков, 1901–1907). Этот объемный и фундаментальный труд получил весьма лестную оценку у современников, за ним признавали «серьезное и выдающееся значение», отмечали, что это «наиполнейшее в русской литературе исследование о русском государственном кре-

⁴⁶⁹ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 438, 487.

⁴⁷⁰ См.: Юридический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования. Харьков, 1908. С. 217–218; Мигулин П. П. Реформа денежного обращения и промышленный кризис в России (1893–1902). М., 2006 (на с. 5–13 дан его краткий биографический очерк); Балахонова Е. В. Экономические взгляды П. П. Мигулина. Дис... канд. экон. наук. СПб., 2001; Дмитриев А. Л. Петр Петрович Мигулин // Очерки по истории финансовой науки: Санкт-Петербургский университет. М., 2009. С. 287–297 и др.

⁴⁷¹ См.: Мигулин П. П.: 1) Регулирование бумажной валюты в России. Харьков, 1896; 2) Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис (1893–1902). Харьков, 1902; 3) Наша банковая политика (1729–1903). Харьков, 1904 и др.

дите», содержащее в себе «богатейший и интересный материал, собранный с глубоким знанием дела... открывающий широкое поле для размышлений»⁴⁷².

В своем исследовании автор придерживается строго хронологического порядка изложения вопроса, которое сопровождается обширным фактическим и цифровым материалом. В первом томе особое место отводится государственному железнодорожному кредиту, выкупной операции и государственному ипотечному кредиту. П. П. Гензель отмечал, что научный анализ проведен автором в отрыве от окружающих общественных и экономических условий. При этом П. П. Мигулин «глубоко верит во всемогущество министров финансов, подробно исследует даже психологию министров (например, особенно Е. Ф. Канкрин)... Чрезвычайно интересные описания политики железнодорожного кредита, в связи с прекрасными иллюстрациями многочисленных хищений и злоупотреблений в этой области, теряют подчас в цене, благодаря отсутствию попытки углубить свой анализ и выяснить корень и причины всей этой нецелесообразной железнодорожной политики. То же приходится сказать и о полных интереса подробностях выкупной операции и Государственного кредита»⁴⁷³. Вместе с тем в рассматриваемом сочинении П. П. Мигулина читатель встретит многочисленные отступления, не относящиеся к делу или, как пишет П. П. Гензель, в фельетонном духе. Например, это рассуждения автора о превосходстве кофе в русских ресторанах сравнительно с немецкими или о необходимости ограничить «ненормальные явления – как завещание И. С. Тургеневым своего крупного состояния П. Виардо».

⁴⁷² Гензель П. П. Библиография финансовой науки. С. 80–81.

⁴⁷³ Там же. С. 80.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.